

КНУТЬ ГАМСУНЪ

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

ВЪ 12 ТОМАХЪ

ПРИ БЛИЖАЙШЕМЪ УЧАСТИИ

К. БАЛЬМОНТА, Ю. БАЛТРУШАЙТИСА
и С. ПОЛЯКОВА.

Т. IX.

ИЗД. «ШИПОВНИКЪ» СПБ.
1909.

R $\frac{10}{2183}$

КНУТЬ ГАМСУНЪ

П О Р О С Л Ь

ПЕР. К. Д. БАЛЬМОНТА

ТОМЪ ДЕВЯТЫЙ.

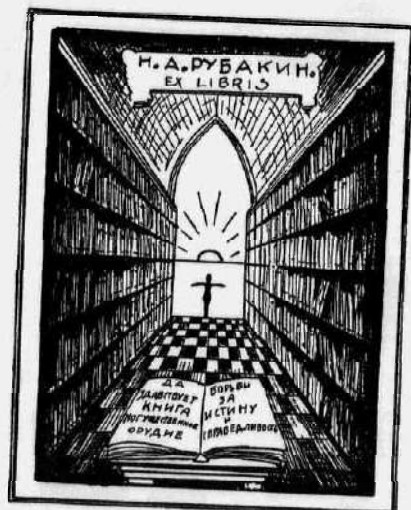
ИЗД. «ШИПОВНИКЪ» СПБ.
1909.

801-15
2549.

63408

2010380244

ПОРОСЛЬ

Государственная
библиотека имени
Ленина
Библиотека СССР
О. И. М. Е. И.

73772-48

Рабы любви.

I.

Написано мной. Написано сегодня, чтобы облегчить мое сердце. Я потеряла мое мѣсто въ кафѣ и ушли мои беззаботные дни. Всего я лишилась. И кафѣ вѣдь было кафѣ Максимилианъ.

Одинъ молодой господинъ въ сѣромъ костюмѣ вечеръ за вечеромъ приходилъ съ двумя своими пріятелями и сидѣлъ за однимъ изъ моихъ столовъ. Приходило много господъ, и у всѣхъ было ласковое слово для меня, только не у него. Онъ былъ высокій, стройный, у него были мягкіе черные волосы и голубые глаза, которыми онъ иногда взглядывалъ на меня. Легкій пушокъ покрывалъ его верхнюю губу.

Ну, вначалѣ онъ могъ конечно имѣть что-нибудь противъ меня, этотъ человѣкъ.

Онъ приходилъ въ продолженіе цѣлой недѣли безпрерывно. Я привыкла къ нему и когда онъ однажды вечеромъ не пришелъ, я замѣтила его отсутствіе. Я прошлась по всему кафѣ, всюду высматривая его; наконецъ я нашла его за одной изъ большихъ колоннъ въ другомъ концѣ зала; онъ сидѣлъ съ одной дамой изъ цирка. На ней было желтое платье и длинныя перчатки, которыя заходили ей за ло-

котъ. Она была молода и у нея были красивые темные глаза, а мои глаза были голубые.

Я остановилась на минуту около нихъ и прислушалась къ тому, что они говорили: она упрекала его, онъ надо-
ѣлъ ей, она отсылала его. Я сказала въ сердцѣ своемъ: Пресвятая Дѣва, почему онъ не поидетъ ко мнѣ?

На слѣдующій вечеръ онъ пришелъ опять со своими пріятелями, и опять сѣлъ за однимъ изъ моихъ столовъ, потому что у меня было пять столовъ, за которыми я при-
служивала. Я не подошла къ нимъ, какъ дѣлала это прежде, а покраснѣла и представилась, будто я его не замѣтила. Когда онъ меня подозвалъ, я подошла къ столу и сказала:

— Вы вчера здѣсь не были?

— Какъ чудесно сложена наша кельнерша,—сказалъ онъ своимъ товарищамъ.

— Пива?—спросила я.

— Да,—отвѣтилъ онъ. И я быстро побѣжала и при-
несла три кружки.

II.

Прошло нѣсколько дней.

Онъ далъ мнѣ карточку и сказалъ:

— Отнесите ее туда къ...

Я взяла карточку, прежде чѣмъ онъ договорилъ, и от-
несла ее къ дамѣ въ желтомъ. По дорогѣ я прочла его
имя Владимиръ Т. Когда я вернулась, онъ вопросительно
посмотрѣлъ на меня.

— Да, я отнесла ее—сказала я.

— И не получили отвѣта?

— Нѣтъ.

Онъ далъ мнѣ марку и сказалъ улыбаясь:

— Когда нѣтъ отвѣта, это тоже отвѣтъ.

Весь вечеръ онъ сидѣлъ и не сводилъ глазъ съ дамы
и ея кавалеровъ. Въ одиннадцать часовъ онъ всталъ и по-

шелъ къ ихъ столу. Она встрѣтила его холодно, а оба ея
кавалера стали съ нимъ разговаривать, задавали ему во-
просы и улыбались. Онъ остался нѣсколько минутъ, и
когда вернулся, я сказала ему, что въ одинъ изъ карма-
новъ его лѣтняго пальто ему налили пива. Онъ снялъ его,
быстро повернулся и съ минуту смотрѣлъ на столъ дамы
изъ цирка. Я вытерла ему пальто, и онъ сказалъ мнѣ
улыбаясь:

— Благодарю, раба!"

Когда онъ снова надѣлъ пальто, я помогла ему и по-
тихоньку погладила его по спинѣ.

Онъ сѣлъ, глубоко задумавшись. Одинъ изъ его пріа-
телей заказалъ еще пива, я взяла его кружку, хотѣла взять
и кружку Т... Но онъ сказалъ: „Нѣтъ“, и положилъ свою
руку на мою. При этомъ прикосновеніи рука моя опусти-
лась, онъ замѣтилъ это и тотчасъ же отдернулъ свою руку.

Вечеромъ я два раза молилась за него на колѣняхъ
передъ своей кроватью. И счастливая я цѣловала свою пра-
вую руку, которой онъ коснулся.

III.

Одинъ разъ онъ подарилъ мнѣ цвѣтовъ, массу цвѣ-
товъ. Онъ купилъ ихъ у женщины-цвѣточницы при входѣ;
они были свѣжіе и красные, и это была почти вся ея кор-
зинка. Онъ положилъ цвѣты себѣ на столъ, тамъ они и
лежали. Ни одного изъ его пріятелей не было съ нимъ. Я
стояла, когда только мнѣ позволяло время, за колонной, и
неподвижно смотрѣла на него, и думала про себя: Влади-
миръ Т. зовутъ его.

Прошло можетъ быть съ часъ. Онъ постоянно смот-
рѣлъ на часы. Я спросила его:

— Вы ждете кого-нибудь?

Онъ посмотрѣлъ на меня какъ бы отсутствующе и ска-
залъ вдругъ:

— Нѣтъ, я никого не жду. Кого же мнѣ ждать?

— Я думала только, вы можете быть ждете кого,—сказала я опять.

— Пойдите сюда, возразилъ онъ.—Вотъ, это для васъ.

И онъ далъ мнѣ всю эту массу цвѣтовъ.

Я поблагодарила его, но сразу не могла произнести ни слова, я только шептала. Радость, красная, какъ кровь, охватила меня; я стояла задыхаясь передъ буфетомъ, гдѣ мнѣ надо было что-то достать.

— Что вамъ?—спросила буфетчица.

— Да, а какъ вы думаете что,—спросила я. Я сама не знала что.

— Что я думаю?—сказала буфетчица.—Вы съ ума сошли?

— Отгадайте-ка, отъ кого я получила эти цвѣты?

Мимо проходилъ оберъ-кельнеръ.

— Вы забыли пиво для господина съ деревянной ногой, слышала я, какъ онъ сказалъ.

— Я получила ихъ отъ Владимира,—сказала я, и побѣжала съ пивомъ.

Т. еще не ушелъ. Я поблагодарила его еще разъ, когда онъ всталъ, чтобы уйти. Онъ удивился и сказалъ:

— Я купилъ ихъ собственно для другой.

Ну да. Можетъ быть онъ и купилъ ихъ для другой. Но получила ихъ я. Я получила ихъ, а не та, для которой онъ ихъ купилъ. И потому я и могла благодарить его за нихъ. Покѣйной ночи, Владимиръ.

IV.

На слѣдующее утро шелъ дождь.

— Что мнѣ надѣть сегодня, черное или зеленое платье?—думала я.—Зеленое. Потому что оно новѣе; его я и надѣну.—Мнѣ было очень весело.

Когда я пришла къ мѣсту остановки конки, тамъ стояла

дама подъ дождемъ. У ней не было зонтика. Я предложила ей стать подъ мой, но она поблагодарила и отказалась. Тогда я закрыла свой дождевой зонтикъ, пока ждала. Дама промокнетъ не одна, подумала я про себя.

Вечеромъ Владимиръ пришелъ въ кафѣ.

— Благодарю васъ за цвѣты,—сказала я съ гордостью.

— Какіе цвѣты?—спросилъ онъ.—Ахъ, да... не говорите же объ этихъ цвѣтахъ.

— Я хотѣла поблагодарить за нихъ,—сказала я.

Онъ пожалъ плечами и отвѣтилъ:

— Я не васъ люблю, раба!

Онъ не любилъ меня, да. Я и не ждала этого и не была разочарована. Но я видѣла его каждый вечеръ; онъ садился за мой столъ, и я подавала ему пиво. До свиданія, Владимиръ.

На слѣдующій вечеръ онъ пришелъ очень поздно. Онъ сказалъ:

— У васъ много денегъ, раба?

— Нѣтъ, къ сожалѣнію, немного,—отвѣтила я.—Я бѣдная дѣвушка.

Тогда онъ посмотрѣлъ на меня и сказалъ улыбаясь:

— Вы навѣрно не такъ поняли меня. Мнѣ нужно до завтра немного денегъ.

— У меня есть,—отвѣтила я.—У меня много денегъ, у меня есть сто тридцать марокъ дома.

— Дома? Не здѣсь?

Я отвѣтила:

— Подождите четверть часа и пойдемте со мной, когда у насъ закрутъ.

Онъ подождалъ четверть часа и пошелъ со мной.

— Сто марокъ всего,—сказалъ онъ. Онъ все время шелъ рядомъ со мной, не давая мнѣ пойти ни впереди, ни позади его, какъ это дѣлаютъ настоящіе кавалеры.

— У меня только маленькая каморочка,—сказала я, когда мы остановились у моей входной двери.

— Я не пойду съ вами наверхъ,—возразилъ онъ.—Я подожду здѣсь.

Онъ ждалъ.

Когда я спустилась, онъ сосчиталъ деньги и сказалъ:

— Здѣсь больше ста марокъ. Я даю вамъ десять марокъ на чай.—Да, да, послушайте, я хочу вамъ дать десять марокъ на чай.

И онъ протянулъ мнѣ эти деньги, пожелалъ покойной ночи и ушелъ. На углу я видѣла, какъ онъ остановился и далъ марку старой, хромой нищенкѣ.

V.

Онъ пожалѣлъ на слѣдующій вечеръ, что онъ не могъ мнѣ отдать деньги. Я поблагодарила его за то, что онъ не могъ этого. Онъ откровенно сознался, что онъ растратилъ ихъ.

— Что подѣлаешь, раба,—сказалъ онъ, улыбаясь.—Вы знаете даму въ желтомъ!

— Почему ты называешь нашу кельнершу рабой,—сказалъ одинъ изъ его пріятелей.—Ты же больше рабъ, чѣмъ она.

— Пива?—спросила я и перебила ихъ.

Вскорѣ затѣмъ вошла дама въ желтомъ. Т. всталъ и поклонился очень низко и его волосы упали ему на лицо. Она прошла мимо него, сѣла къ пустому столу и перевернула два стула спинками къ столу. Т. тотчасъ же пошелъ къ ней, взялъ одинъ стулъ и сѣлъ. Черезъ двѣ минуты онъ всталъ опять и сказалъ очень громко:

— Хорошо, я уйду. Но я больше никогда не вернусь.

— Благодарю васъ,—сказала она.

Я подъ собой отъ радости не чувствовала ногъ, я по-

бѣжала къ буфету и говорила что-то. Я вѣрно рассказала, что онъ никогда больше не вернется къ ней. Оверъ-кельнеръ прошелъ мимо; онъ сдѣлалъ мнѣ рѣзкій выговоръ, но мнѣ никакого не было дѣла до этого.

Когда въ двѣнадцать часовъ закрыли ресторанъ, Т. проводилъ меня до двери моего дома.

— Пять изъ тѣхъ десяти марокъ, что я вамъ вчера далъ,—сказалъ онъ.

Я хотѣла отдать ему всѣ десять и онъ взялъ ихъ, но далъ мнѣ, несмотря на мое сопротивленіе, пять на чай,

— Мнѣ сегодня вечеромъ такъ весело,—сказала я.— Осмѣлюсь васъ попросить войти ко мнѣ!.. Но у меня лишь маленькая каморочка.

— Я не пойду съ вами наверхъ,—возразилъ онъ.— Спокойной ночи.

Онъ ушелъ. Онъ опять прошелъ мимо нищенки, но забылъ ей дать, несмотря на то, что она ему низко присѣла. Я побѣжала къ ней, дала ей нѣсколько монеточекъ и сказала:

— Это отъ того господина въ сѣромъ костюмѣ, который сейчасъ прошелъ, отъ того господина въ сѣромъ костюмѣ.

— Отъ господина въ сѣромъ костюмѣ?—спросила женщина.

— Отъ того съ черными волосами, Владимирца.

— Вы жена его?

Я отвѣтила:

— Нѣтъ, я рабыня его.

VI.

Онъ жаловался въ продолженіе нѣсколькихъ вечеровъ подрядъ, что не можетъ мнѣ отдать мои деньги. Я просила его не дѣлать мнѣ такъ больно. Онъ говорилъ это громко,

чтобы всѣ могли это слышать, и нѣкоторые смѣялись по-
этому надъ нимъ.

— Я негодай и мошенникъ,—сказалъ онъ.—Я занялъ
у васъ деньги и не могу ихъ вамъ отдать. Я бы далъ себѣ
отсѣчь правую руку за пятьдесятъ марокъ.

Мнѣ было больно слышать такіа слова, и я стала ду-
мать, какъ бы мнѣ достать для него денегъ. Но я не могла
этого сдѣлать.

Затѣмъ онъ сказалъ мнѣ:

— Если впрочемъ вы меня спросите, что со мной, то...
дама въ желтомъ и циркъ уѣхали. Я забылъ ее. Я совсѣмъ
больше не думаю о ней.

— А все же ты ей еще сегодня написалъ письмо,—
сказалъ одинъ изъ его пріятелей.

— Это было послѣднее,—отвѣтилъ Владимирцъ.

Я купила розу, у той цвѣточницы, и приколола ему ее
въ петличку съ лѣвой стороны. Я чувствовала его дыханіе
на своихъ рукахъ, пока я это дѣлала, и мнѣ было почти
невозможно заколотъ булавку.

— Спасибо,—сказалъ онъ.

Я вытребовала три марки, которыя мнѣ оставалось по-
лучить въ кассѣ и дала ему ихъ. Это были такіе пустяки.

— Спасибо,—сказалъ онъ еще разъ.

Я была счастлива весь вечеръ, пока Владимирцъ вдругъ
не сказалъ:

— На эти три марки я уѣду на недѣлю. Когда я вер-
нусь, я отдамъ вамъ ваши деньги. Когда онъ увидалъ мое
движеніе, онъ прибавилъ: „Васъ одну я люблю“. И онъ
схватилъ мою руку.

Я была совсѣмъ сражена, что онъ хочетъ уѣхать и не
хочетъ сказать мнѣ куда, хотя я его спрашивала. Все, весь
кафѣ и множество гостей закружилось у меня передъ гла-
зами; я не могла больше выдержать и схватила умоляюще
его за обѣ руки.

— Черезъ недѣлю я вернусь къ вамъ,—сказалъ онъ и
всталъ съ рѣзкимъ движеніемъ.

Я слышала, какъ оберъ-кельнеръ сказалъ мнѣ:

— Вы лишаетесь мѣста у насъ!

Мнѣ то что, подумала я про себя; что изъ этого? Че-
резъ недѣлю Владимирцъ будетъ со мной! Я обернулась,—
его уже не было, онъ ушелъ.

VII.

Недѣлю спустя, вернувшись домой, я нашла отъ него
письмо. Онъ писалъ такъ безнадежно, онъ рассказывалъ,
что онъ поѣхалъ за дамой въ желтомъ, онъ никогда не
будетъ въ состояніи мнѣ вернуть мои деньги,—онъ совсѣмъ
раздавленъ нуждой. Затѣмъ онъ бранилъ себя низкой ду-
шой, а подъ письмомъ онъ подписался „Рабъ дамы въ жел-
томъ“.

Я оплакивала его день и ночь и ничего другого не могла
дѣлать. Спустя недѣлю я потеряла свое мѣсто и должна
была искать другое. Днемъ я ходила и представлялась въ
кафѣ и гостиницы; я звонилась и къ частнымъ лицамъ и
предлагала свои услуги. Но мнѣ не повезло. Поздно вече-
ромъ я покупала по дешевымъ цѣнамъ всѣ газеты и тща-
тельно просматривала всѣ объявленія, когда я приходила
домой, я думала: быть можетъ я могу спасти Владимира
и себя.

Вчера вечеромъ я нашла его имя въ одной газетѣ и
прочла о немъ. Тотчасъ же за этимъ я вышла, ходила по
многимъ улицамъ и только сегодня утромъ вернулась до-
мой. Быть можетъ я гдѣ-нибудь спала, или сидѣла на ка-
кой-нибудь лѣстницѣ, будучи не въ состояніи идти дальше
Но теперь я этого не знаю.

Сегодня я это опять прочла; а вчера вечеромъ, когда я
вернулась домой, я прочла это въ первый разъ. Я ломала

руки; потомъ я сѣла на стулъ, черезъ минуту я сѣла на полъ и прислонилась къ стулу. Я ударяла ладонями по полу, въ то время какъ я размышляла. Можетъ быть я совсѣмъ не размышляла; но въ головѣ, какъ въ пустой, у меня проносился вихрь, я ничего не понимала. Потомъ я вѣрно встала и вышла. Внизу, на углу улицы, это я помню, я дала старой нищенкѣ монетку и сказала:

— Это отъ господина въ сѣромъ костюмѣ. Вы знаете!

— Быть можетъ вы его невѣста,—спросила она.

Я отвѣтила:

— Нѣтъ, я его вдова.

И я шлялась до сегодняшняго утра по улицамъ. А сейчасъ я опять перечла газету. Владимиръ Т. звали его.

Сынъ солнца.

За ночь выпалъ снѣгъ. Густой бѣлый покровъ покрывалъ землю.

Онъ проснулся съ веселымъ воспоминаніемъ о томъ, что вчера онъ получилъ письмо, неожиданную освободительную вѣсть, онъ чувствовалъ себя молодымъ и счастливымъ, и онъ началъ напѣвать. Тутъ случилось, что онъ подошелъ къ окну, и отдернулъ занавѣску и увидалъ снѣгъ. Его пѣніе смолкло внезапно, безнадежное чувство вселилось въ душу. Его бѣдныя покатыя плечи задрожали.

Съ зимой наступали для него плохія времена, наступала мука какъ никакая другая, и никто ея не понималъ. Одинъ видъ снѣга кричалъ о смерти, кричалъ объ уничтоженіи. Наступали длинные вечера съ ихъ темнотой, и ихъ глупымъ, безмысленнымъ молчаніемъ, онъ не могъ работать въ своей мастерской, его душа впадала въ зимнюю спячку и дѣлалась безмолвной. Какъ-то лѣтомъ онъ жилъ въ одномъ маленькомъ городишкѣ, въ свѣтлой большой комнатѣ, въ окнахъ которой нижнія стекла были выбѣлены. Эти замазанные известкой окна напоминали ему ледъ, и при видѣ ихъ онъ не могъ овладѣть своей мукой. Онъ хотѣлъ пересилить себя, онъ прожилъ нѣсколько мѣсяцевъ въ этой комнатѣ и ежедневно повторялъ себѣ, что и ледъ имѣетъ свою прелесть для многихъ, что зима и лѣто

выраженіе одной и той же вѣчной идеи и принадлежать Богу,—все было напрасно, онъ не могъ прикоснуться къ своей работѣ и ежедневная мука терзала его.—Потомъ ему пришлось разъ въ жизни жить въ Парижѣ. Когда городъ праздновалъ свои веселые праздники, онъ обыкновенно ходилъ на бульвары, чтобы смотрѣть, какъ веселились. Это могло быть въ серединѣ теплаго лѣта, вечера были душные и надъ городомъ изъ большихъ парковъ носился ароматъ цвѣтовъ; улицы сияли въ электрическомъ свѣтѣ, по нимъ проходили волны радующихся и улыбающихся людей, раздавались возгласы, пѣли, бросали конфетти. Онъ могъ выйти съ самымъ честнымъ намѣреніемъ смѣшаться съ толпой и радоваться съ ней; но уже черезъ полчаса онъ садился въ коляску и возвращался домой. Почему? Одно воспоминаніе издалека заговаривало съ нимъ; въ электрическомъ свѣтѣ передъ глазами его кружилась масса конфетти, какъ снѣгъ, и его удовольствіе кончалось немедленно.

Это повторялось съ нимъ изъ года въ годъ.

Гдѣ была родина его души?

Быть можетъ въ солнечной странѣ, въ странѣ пальмъ. Быть можетъ на берегу Ганга, гдѣ никогда не вянутъ лотосы.

* * *

За ночь выпалъ снѣгъ. Онъ думалъ о томъ, какъ должны мерзнуть птицы въ лѣсу, и какъ жестоко страдали корни фіалокъ въ землѣ, прежде чѣмъ умереть. А чѣмъ будетъ живъ сегодня заяцъ?

Онъ не могъ больше выходить. Нѣсколько мѣсяцевъ онъ только изрѣдка будетъ оставлять комнату, будетъ ходить взадъ и впередъ въ своихъ четырехъ стѣнахъ, будетъ сидѣть и думать. Никто не понималъ, какъ онъ страдалъ отъ этого заключенія. Онъ былъ достаточно молодъ, чтобы принимать участіе въ жизни, у него и силъ для этого было достаточно; но по прихоти мороза, благодаря случайной пе-

ремѣнъ погоды, онъ былъ принужденъ сидѣть въ своей комнатѣ и думать.

Было не дурно, что жена его въ это время клала въ шкапъ немного фруктовъ, которые она быть можетъ купила для дѣтей; онъ вынималъ ихъ оттуда, клалъ передъ собой эти два, три яблока или нѣсколько несчастныхъ гроздьевъ винограда, долго услаждался ихъ видомъ, потому что это были плоды юга и солнца и наконецъ съѣдалъ ихъ.

Его представленія смѣнялись въ поразительно короткій промежутокъ времени. Вообще для него было мукой отвѣчать на письма, теперь онъ спѣшилъ къ столу и писалъ массу писемъ, даже тѣмъ, которымъ ему не нужно было отвѣчать, или которыхъ онъ спрашивалъ о чемъ-нибудь безразличномъ. При этомъ у него было смутное чувство, что наступаетъ конецъ, уничтоженіе, и что онъ посредствомъ этихъ многихъ писемъ на югъ и сѣверъ еще на время сохранить связь съ жизнью. Въ немъ происходили перемѣны и въ другихъ отношеніяхъ; его душевная жизнь нарушалась, онъ часто плакалъ въ своей одинокой комнатѣ, и его сонъ въ ночи былъ только долгой дремотой, съ полукрытыми глазами.

Этотъ человѣкъ, столь хрупкій и слабый по сложенію, былъ самага веселаго нрава лѣтомъ, а въ мрачные холодные зимніе дни на него нападала ужасная подавленность. Всѣ перемѣны въ немъ происходили рѣзко, внезапно, какъ непогода; онъ падалъ иногда на колѣни передъ своимъ младшимъ ребенкомъ и молился Богу за него, заливаясь горячими слезами. Онъ желалъ, чтобы этотъ мальчикъ никогда не сталъ „общественнымъ дѣятелемъ“, какъ онъ самъ. У всѣхъ общественныхъ дѣятелей источники души загрязнены, они портились тѣмъ, что объ нихъ говорили въ обществѣ, что публика на нихъ обращала вниманіе на улицѣ, и что они слышали замѣчанія, которыя

о нихъ дѣлали проходящіе. Какой поддѣлкой становились, благодаря этой вѣчной выставкѣ, ихъ взглядъ, походка, вся манера держать себя. Но его мальчикъ долженъ засѣивать землю и собирать жатву съ этой земли. Ничего другого—только засѣивать и собирать жатву. Онъ также не долженъ былъ никоимъ образомъ ступать на чужую землю. Какъ напрасно ищешь въ чужой странѣ благоприятной почвы для своихъ корней. Не понимаешь всѣхъ тѣхъ словъ, что говорятъ, ни взглядовъ, ни улыбокъ. Небо другое, звѣзды въ обратномъ направленіи, и ихъ не узнаешь. Смотришь на цвѣты, въ нихъ часто чуждые оттѣнки, часто бываютъ тамъ и не тѣ птицы. И на шестахъ развѣваются не тѣ флаги.

Онъ самъ инстинктивно чувствовалъ, что онъ вырванъ изъ своего естественнаго соотношенія съ Природой, быть можетъ онъ когда-нибудь въ далекомъ прошломъ принадлежалъ къ другому міру, далекому и теплему.

* * *

—32° Цельсія.

Онъ замѣчаетъ съ отчаяніемъ, что холодъ усиливается и что жизнь въ полѣ умираетъ. Его окно выходитъ въ лѣсъ и на широкую дорогу, по которой люди двигаются въ городъ и назадъ. Ни одинъ листъ не дрожитъ больше, иглы сосенъ прямы, какъ сосульки, и на всѣхъ деревьяхъ лежатъ иней. Великолѣпный день для спортсменовъ. У одной только несчастной синицы есть силы шевелить крылышками; тамъ, гдѣ она пролетала въ воздухѣ, видно тонкую полоску пара. Природа не дышетъ, она холодная и тихая, въ воздухѣ нѣтъ ни малѣйшаго движенія, все застыло и бѣло какъ сало.

Вдругъ раздается звонъ бубенчиковъ внизу на дорогѣ, мимо проѣзжаютъ сани, въ саняхъ сидятъ господинъ и дама. Надъ лошадей и обоими людьми стоитъ все время бѣлое облако, которое постоянно возобновляется. Этотъ господинъ и эта дама вѣроятно никогда въ жизни не ви-

дали, какъ растетъ виноградъ, можетъ быть они и не знаютъ вовсе вкуса винограда. На ихъ лицахъ не видно недовольства погодой, они ѣдутъ, по своимъ маленькимъ дѣламъ, въ городъ, и изрѣдка понукаютъ лошадь, когда имъ кажется, что она слишкомъ медленно движется въ этомъ странномъ салѣ. Человѣкъ изъ солнечной страны хохоталъ бы до упаду при видѣ этого выѣзда. А глаза дамы и господина смотрятъ открыто и безъ удивленія на эту ужасную, холодную загадку, которая окружаетъ ихъ со всѣхъ сторонъ, и она не будитъ въ нихъ никакихъ мыслей, потому что они сами дѣти снѣга, и выросли въ снѣгу. Они имѣютъ видъ сидящихъ тюленей. Борода этого человѣка изуродована льдомъ...

Несчастный, зябкій художникъ видитъ, какъ играетъ его маленькая дочь на дворѣ передъ его окнами. Она сверху до низу закутана въ теплое шерстяное платье, только подъ длинными чулками изъ козьей шерсти кожаные подошвы. Ея шаги мучительно скрипятъ въ снѣгу, когда она тащитъ за собою санки. При этомъ зрѣлищѣ его плечи подергиваются, онъ закрываетъ глаза, какъ будто онъ истомленъ, отъ этой муки у него на лбу выступаетъ холодный потъ.

Ребенокъ кричитъ ему навѣрхъ, онъ спокойно поднимаетъ свое красненькое личико вверхъ, и жалуется, что веревка на его санкахъ оборвалась. Онъ тотчасъ же спускается внизъ, связываетъ веревку, онъ безъ шляпы и безъ теплаго платья. „Тебѣ не холодно?“ — спрашиваетъ ребенокъ. Ему не было холодно, его руки были теплыя, только колючую боль въ горлѣ чувствовалъ онъ отъ ледяного воздуха. Но ему совсѣмъ не было холодно.

Онъ замѣчаетъ, что большая старая береза передъ входною дверью измѣнилась: ея стволъ надтреснутъ. Это сдѣлалъ холодъ! думаетъ она съ дрожью въ душѣ.

За ночь погода измѣнилась. Онъ поднялся и сѣлъ въ

постели и сталъ ждать мягкой погоды, хотя зналъ, что зима снова начнется, и будетъ длиться еще долгое время. Но въ немъ какъ будто зажглась надежда.

* * *

Холодъ все слабѣлъ, и наконецъ закапало съ крышъ, и тамъ снаружи въ міровомъ пространствѣ какъ будто забушевалъ огромный прибой.

Надежда все больше и больше вселялась въ его сердце. Этотъ шумъ и бушеваніе въ воздухѣ были для него музыкой, это могла быть весна, заигравшая на своихъ золотыхъ барабанахъ.

Какъ-то ночью онъ услышалъ, какъ объ окно его что-то ударило — шлепая, онъ привсталъ и прислушался, это былъ дождь! Странная радость охватила его. Онъ накинулъ платье, побѣжалъ въ свою мастерскую и зажегъ всѣ лампы. Его тоска по лѣту вспыхнула яркимъ пламенемъ, оковы спали съ него, и онъ въ ту же ночь бросился къ своей работѣ. Лица и голоса изъ теплыхъ странъ хлынули на него изъ далекой дали, и наполнили его; онъ видѣлъ ландшафтъ, который предсталъ передъ нимъ съ очаровательной ясностью видѣнія, сказочная долина, посреди которой стоялъ человекъ, юная красота, взоръ которой впервые блуждалъ по землѣ.

Какъ Богъ, какъ побѣдитель, который стоитъ въ утрѣ жизни. Пышная растительность вокругъ него, всюду пальмы и тропическія деревья, вьющіяся растенія съ большими красными цвѣтами, которые похожи на мясо и, кажется, дышутъ, деревья индиго, рисовыя поля, поля маиса, и виноградники. Внизу въ долинѣ пасутся животныя, они поблизости отъ человека, и онъ слышитъ, какъ они жуютъ; вверху на скалѣ сидитъ стая щебечущихъ птицъ, ихъ перья неподвижны какъ мечи, а глаза похожи на маленькіе зеленые огни. Совсѣмъ на заднемъ фонѣ тоже ландшафтъ съ пальмами, теряющемся въ дали.

Надъ этимъ ландшафтомъ изъ-за пространства возникаетъ край утренняго солнца и освѣщаетъ человека отъ головы до ногъ...

Онъ работаетъ до разсвѣта. Затѣмъ спитъ часъ и снова работаетъ. Ничто его не можетъ удержать, необычайная сила поддерживаетъ и увлекаетъ его. Впродолженіе пяти дней подрядъ, пока идетъ дождь, онъ дѣлаетъ набросокъ къ своей картинѣ: Сынъ солнца.

Маленькій брюнетъ и совсѣмъ незамѣтный человекъ, безъ бороды и съ обнаженнымъ холоднымъ лбомъ, онъ сидитъ у себя молча на стулѣ и предоставляет говорить другимъ. Время отъ времени онъ кашляетъ и смущенно подноситъ руку ко рту. Когда къ нему обращаются, онъ нервно вздрагиваетъ и пристально смотритъ на говорящаго, прежде чѣмъ отвѣтитъ. Тамъ, гдѣ онъ сѣлъ, онъ сидитъ весь вечеръ, онъ такъ безпомощенъ въ обращеніи, онъ такъ мало выдѣляется, что никто не считаетъ нужнымъ заняться имъ. Онъ имѣетъ видъ, какъ будто попалъ совершенно случайно въ это общество извѣстныхъ людей.

Спустя нѣсколько недѣль, этотъ человекъ выставляетъ свою картину. И съ того дня онъ дѣлается извѣстенъ всѣмъ.

Побѣдитель.

I.

Общество молодежи отправилось въ лодкахъ на островъ. Одинъ изъ мужчинъ, молодой и высокій, всталъ въ лодкѣ и сталъ декламировать стихи; его можно было слушать съ берега. Всѣ дамы слушали его, только самая молодая изъ нихъ, жизнерадостная женщина, съ бѣлокурыми волосами и трепетными ноздрями, предпочла обратить глаза къ красавцу лодочнику, сидѣвшему на веслахъ, и улыбаться ему за спиной другихъ.

Это сердило господина. И онъ читалъ свои стихи болѣе громкимъ голосомъ, и щеки его покрылись краской.

Внезапно онъ остановился. Онъ обратился къ невнимательной красавицѣ, сидящей около гребца, и сказалъ:

— Вы правы, мои стихи не хороши. Но я могу и рассказать кое-что, и рассказываю я быть можетъ лучше. Какъ только мы причалимъ къ берегу, вы услышите.

И всѣ дамы захлопали въ ладоши, и радовались, что онъ будетъ рассказывать о своихъ путешествіяхъ, потому что его приключенія были безчисленны. Только она, которой не хотѣлось слушать его стихи, и теперь не была восхищена. А господинъ сердился все больше и больше.

— Что же вы хотите? — спросилъ онъ въ отчаяніи.

— Что я хочу? Я васъ не понимаю! — отвѣтила она удивленно. — Меня зовутъ Андрѣа, я ничего, я только радуюсь, что мнѣ можно было поѣхать со всѣми. — И у нея, правда, былъ такой видъ, какъ будто она думала то, что она говорила, плутовка.

Они причалили къ берегу, распаковали вино, налили полные стаканы и пили. А далеко отъ нихъ, за низкимъ кустарникомъ, на побережьи, вѣроятно, бродила Андрѣа съ лодочникомъ и искала яйца морскихъ птицъ. Потому что, время отъ времени, вѣтеръ доносилъ ихъ смѣхъ до общества.

— Теперь вы должны рассказывать! — закричали всѣ.

— Соберите всѣхъ сюда, пусть и Андрѣа придетъ, — возразилъ онъ. Онъ влѣзъ на камень и звалъ „Андрѣа“ горячимъ узывнымъ голосомъ.

И Андрѣа пришла. Она стояла и смотрѣла на него просительно.

— Фрекентъ, для васъ одной я рассказываю, — сказалъ онъ такъ, что всѣ слышали. — Вы стоите здѣсь, какъ серебряный крестъ на солнцѣ. Это не только ваша красота, которая такъ велика, а ваша юность, ваша чарующая юность сводитъ меня съ ума. Вы опьяняете меня ею. Взглянуть только на ваши руки, какъ переливается кровь въ нихъ подъ кожей. О, только для васъ одной я буду рассказывать.

Но Андрѣа недовольная и совсѣмъ смущенная посмотрѣла на всѣхъ и сѣла.

И тогда онъ сталъ рассказывать.

Онъ рассказывалъ въ продолженіе цѣлаго часа; его голосъ не умолкалъ, казалось, имъ завладѣло дикое вдохновеніе, и дорожный товарищъ, о которомъ онъ рассказывалъ, пережилъ удивительныя вещи.

— Я вамъ надоѣлъ? — спросилъ онъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, — вскричали всѣ дамы и мужчины.

Лишь Андреа не отвѣчала.

Онъ спросилъ:

— Почему вы не отвѣчаете? Для васъ одной рассказываю я. Подождите немного, мнѣ надо еще сказать одно, что человѣкъ, о которомъ вы все это слышали, былъ далеко не счастливъ. Все шло хорошо, и онъ выигрывалъ всѣ эти маленькія сраженія, онъ одерживалъ побѣду во всѣхъ своихъ любовныхъ похожденияхъ; но въ одинъ прекрасный день его захватила большая истинная любовь, и тутъ онъ проигралъ.

— Bravo! — сказала Андреа, опустивъ глаза. — Расскажите объ этомъ!

Но побѣдителя смутило это спокойствіе, ея холодность привела его прямо въ отчаяніе, и онъ мужественно боролся, чтобы уйти изъ-подъ ея власти. Другія дамы представили событія своему теченію, потому что не одна изъ нихъ знала его сердце. Если сегодня жребій падалъ на одну, то завтра, когда расцвѣтала весна въ другихъ углахъ его души, онъ выпадалъ на другую.

Андреа продолжала:

— Расскажите объ этомъ!

— Зачѣмъ бы мнѣ рассказывать объ этомъ? — возразилъ онъ. — Ваша холодность замораживаетъ меня. — Милостивые государи и милостивыя государыни, вечеръ наступилъ.

Они поѣхали домой. На возвратной дорогѣ, онъ вдругъ ни съ того ни съ сего далъ лодочнику звонкую пощечину и самъ сѣлъ на весла. Онъ не видѣлъ, не слышалъ, но гребъ какъ медвѣдь.

Когда они вышли на берегъ, Андреа вдругъ очутилась около него. Онъ схватилъ ее за локоть и сказалъ мертвенно блѣдный, съ дрожащими губами.

— Не мучте меня дольше, а то я не выдержу. Примите теперь же рѣшеніе. Я еще не любилъ ни одной жен-

щины такъ, какъ люблю васъ; скажите теперь, что мнѣ дѣлать, жить мнѣ, или умереть.

— Жить! — отвѣтила она ликуя. — Я всегда любила тебя, съ перваго мгновенія, какъ увидала тебя. Почему, ты думаешь, я тебя сегодня мучила? Ахъ, я сама мучилась больше, и страдала какъ никогда прежде.

И она посмотрѣла на него своими большими удивленными глазами и называла его своимъ повелителемъ и богомъ.

Нѣсколько дней счастье его было совершенно. Побѣда его была сладостна, и онъ наслаждался ею какъ всегда. Затѣмъ возвращалось его старое несчастье, на него нападало пресыщеніе, усталость послѣ борьбы, проклятіе. Онъ ускользнулъ оттуда, скрылся, уѣхалъ въ ближайшій городъ и не писалъ, не извѣщалъ о себѣ, не возвращался.

II.

Уже дня два какъ онъ прибылъ въ гостиницу для туристовъ, которая мало кѣмъ посѣщалась. Все было благо-словено скучно въ маленькомъ городкѣ, ничего не случилось, его сердце было спокойно и устало.

Какъ вдругъ, однажды въ послѣбѣдненное время, онъ встрѣтилъ даму на лѣстницѣ. Она шла внизъ, онъ навѣрхъ; и онъ снялъ свою шляпу и поклонился, когда она прошла мимо. Она скрылась въ саду. Хозяинъ сообщилъ, что она только что прибыла въ гостиницу; она путешествуетъ со своимъ отцомъ.

Длинное зеленое суконное платье, большая черная шляпа и хлыстъ въ рукѣ — вотъ что остановило его на лѣстницѣ. Она еле взглянула на него, только одну секунду, скользящимъ взглядомъ искоса, затѣмъ одной рукою приподняла свое платье и прошла мимо.

Онъ пошелъ за ней, внизъ въ садъ. Было семь часовъ, начинала падать роса.

— Роса, — сказалъ онъ развязно, и подошелъ къ ней. Она взглянула удивленно на назойливаго господина. Онъ показаль на ея башмаки.

Тогда она повернулась и хотѣла уйти.

— Простите, — началъ онъ снова, — я правда пошелъ за вами не затѣмъ, чтобы заговорить съ вами; но роса выпала, и на дорожкахъ и въ травѣ сыро. Вотъ что я хотѣлъ вамъ сказать, потому что, быть можетъ, вы не знаете этой мѣстности.

— Да, я вижу, что падаетъ роса, — сказала она.

— Я поклонился вамъ на лѣстницѣ, — продолжалъ онъ. — Это я тамъ стоялъ. Это вашъ мимолетный взглядъ сдѣлалъ что-то со мной.

Тутъ она спросила его наконецъ: — Что вамъ надо?

Его сердце забилось, онъ потерялъ равновѣсіе и воскликнулъ:

— Вотъ, посмотрите, возьмите, что хотите, я отдамъ вамъ все, что у меня есть, если вы думаете, что мнѣ отъ васъ что-нибудь надо. Нѣтъ, не потому я пришелъ. Я хотѣлъ только стоять здѣсь передъ вами и смотрѣть на васъ, потому что вы такъ поразительно красивы.

— Я никогда ничего подобнаго не слыхала, — сказала она холодно и оскорбленно.

— Ну да, тогда простите меня, — пробормоталъ онъ и понималъ, что все потеряно.

Она отвела отъ него глаза, посмотрѣла на клумбу съ цвѣтами и повернулась къ нему спиной. Онъ хотѣлъ заглядить свою выходку и воспользовался случаемъ, чтобы сказать:

— Да, представьте себѣ, всѣ розы, на которыя вы смотрите, шелестятъ. Я прислушивался къ нимъ. Говорятъ ли онѣ между собой, этотъ шелестъ не языкъ ли ихъ? Послушайте вы, можетъ быть онѣ говорятъ что-нибудь.

Она хотѣла уйти.

— Развѣ и то, что я сейчасъ сказалъ, не такъ? — спросилъ онъ съ тоскою.

— Но это же не розы, это маки, — возразила она.

— Ну такъ маки, — сказалъ онъ, — развѣ въ шелестѣ этихъ цвѣтовъ не могутъ быть голоса, которые говорятъ между собой.

Она ушла. Прежде чѣмъ онъ договорилъ, садовая калитка захлопнулась. Хорошо.

Онъ пошелъ въ какомъ-то странномъ, особенномъ душевномъ состояніи къ скамьѣ и сѣлъ. Поразительная красота этой чужой женщины сдѣлала это съ нимъ.

Когда раздался колоколъ къ обѣду, онъ всталъ и отправился въ величайшемъ нетерпѣніи въ столовую.

Что если она войдетъ и тамъ сядетъ! Что если онъ поклонится ей!

Она вошла. Хлысть и теперь былъ у нея въ рукахъ. За ней шелъ отецъ, старый, красивый человѣкъ, похожій съ виду на офицера.

Теперь все дѣло было въ томъ, чтобы не сплосать, поклониться и сѣсть какъ разъ противъ нихъ. — Теперь я это сдѣлаю! — подумалъ онъ. И онъ это сдѣлалъ.

Красавица густо покраснѣла. Отецъ и дочь говорили объ ихъ отъѣздѣ на слѣдующій день. Старикъ сталъ тотчасъ же черезъ столъ спрашивать о направленіи, дорогахъ и гостиницахъ. И бѣдный побѣдитель, который прежде никогда не зналъ ни направленія, ни дорогъ, поторопился вспомнить ихъ и отлично далъ всѣ указанія. Когда обѣдъ кончился, онъ подошелъ и представился обоимъ. Великолѣпно, они оба знали его имя.

На ходу онъ вдругъ задержалъ дочь офицера и сказалъ:

— Одно слово, фрекенъ, не уѣзжайте завтра! Оставайтесь здѣсь! Я покажу вамъ нѣсколько видовъ. Горный потокъ, и корабельныя верфи. Завтра вечеромъ я брошусь къ вашимъ ногамъ и буду благодарить васъ.

Красавица не пошла дальше. Она терпѣливо выслушала его.

Тогда онъ прибавилъ:—Моя жизнь въ вашихъ рукахъ! Она улыбнулась.

— Чтобы избѣжать какого-либо недоразумѣнія, я хочу замѣтить только, что я ѣду къ своему жениху, и что я уѣзжаю завтра,—сказала она.

— Нѣтъ, — вскрикнулъ онъ, и топнулъ ногой. И онъ схватилъ ея руку, сжалъ ее и поцѣловалъ.

Она вырвалась, подняла хлысть и со свистомъ полоснула его по лицу. Онъ вдругъ успокоился и выпрямился. Крово-красная полоса пересѣкала его лѣвую щеку. Она посмотрѣла на него съ минуту, и выронила хлысть.

— Вы ударили меня, — сказалъ онъ, — но это ничего, ударьте еще разъ, мнѣ это радостно.

Но она поспѣшно уходила съ опущенной головой, съ глазами, устремленными въ землю, она спѣшила вверхъ по лѣстницѣ въ свою комнату.

Она не уѣхала на слѣдующій день. Они поѣхали смотреть красивые виды, горный потокъ, корабельныя верфи. Какъ измѣнился весь свѣтъ, какъ сердце ея исполнилось сладостнаго безумія! Нѣтъ, она бы ни за что не поѣхала въ это жалкое путешествіе на югъ, къ человѣку, котораго она больше не любила, если бъ ея отецъ, офицеръ, не приказалъ ей этого. Но она вернется опять тотчасъ же сюда. И она протянула руку побѣдителю.

— И я поѣду,—сказалъ онъ,—я поѣду за вами завтра. До свиданія, моя единственная любовь.

III.

Теперь наступило, какъ это всегда бывало прежде, на короткое время, нѣсколько часовъ, когда онъ пребывалъ въ несказанномъ опьяненіи, ничего не видѣлъ и не слышалъ, кромѣ своей возлюбленной. Онъ телеграфировалъ ей почти

ежечасно, писалъ ей одно письмо за другимъ на надушенной бумагѣ. Онъ читалъ эти красивыя слова съ горячей радостью и въ душѣ его цвѣли цвѣты.

Часы летѣли. Почему онъ не уѣзжалъ за ней? Въ томъ восторженномъ настроеніи, въ которомъ онъ находился, онъ все откладывалъ отъѣздъ, медлилъ покинуть гостиницу, и не уѣзжалъ.

Прошло еще два дня, онъ все не уѣзжалъ, потому что не могъ заставить себя разстаться съ восхитительными письмами, которыя все еще приходили. Почему однако ихъ было такъ много! Первые были самыя милыя. Они всѣ были для него какъ маленькія розы; но потомъ они стали приходить слишкомъ часто.

Однажды вечеромъ онъ не распечаталъ письма красавицы до утра. Удивительно, что онъ не раскрылъ его тотчасъ же дрожащими руками, какъ прежде!

Онъ прочелъ его утромъ, спокойно, и не торопясь, одѣлся и сошелъ внизъ въ столовую.

Онъ встрѣтилъ тамъ даму въ дорожномъ костюмѣ. Она и сопровождающая ее только что прибыли; она совершала свою первую tournée, она была артистка, нѣжная дѣвушка, порывистая, смѣющаяся, и пылкая въ смѣнѣ своихъ настроеній. Она была подъ охраной своей родной матери.

Онъ поклонился.

Она улыбнулась кивнула ему въ отвѣтъ. Ея улыбка была красная. И сегодня онъ хотѣлъ уѣхать и не уѣзжалъ. Была ли это судьба? Онъ воспользовался первымъ предлогомъ и предложилъ молодой артисткѣ свои услуги. Онъ хотѣлъ ей услужить. Они условились относительно часа, когда онъ долженъ былъ сопровождать ее на корабельныя верфи.

Онъ пришелъ на цѣлый часъ раньше. Шелъ дождь и онъ ждалъ какъ герой.—Это ничего,—сказалъ онъ себѣ,—я счастливъ какъ богъ, потому что я вымокъ и усталъ по

ея винѣ! Онъ простоялъ два часа. Обѣ ней не было ни слуху ни духу. Наконецъ она послала вмѣсто себя свою мать, ей не хотѣлось идти съ нимъ на эту прогулку, она предпочитала пойти къ своимъ друзьямъ. И старуха мать не спрашивала, долго ли онъ ждалъ, и не сожалѣя о томъ, что онъ вымокъ. Она была совершенно безучастна.

Онъ вернулся домой. Онъ бродилъ по скучной гостиной изъ комнаты въ комнату, добычѣ самаго худшаго нетерпѣнія.

Почему эта особа не возвращалась отъ своихъ друзей! Что только эта артистка могла тамъ такъ безконечно долго дѣлать у своихъ друзей!

Становилось поздно. Наступала ночь. Онъ долженъ былъ лечь спать, не увидавъ ее. Спать онъ не могъ. Онъ зажегъ двѣ свѣчки и оставилъ ихъ горѣть. Какъ тяжела была его голова, какъ мучительно пристально глаза разсматривали обои комнаты.

Онъ услышалъ, какъ раскрылась входная дверь, и ждалъ минутку. Потомъ вскочилъ съ постели и одѣлся. Онъ зналъ, гдѣ комната артистки и направился туда. Она вернулась домой, и онъ слышалъ, что она въ комнатѣ; черезъ мгновеніе высунулась ея голая рука съ башмаками и потомъ дверь закрылась опять и ключъ повернулся. Тогда онъ опустился на колѣни и поцѣловалъ два маленькіе ея башмака, какъ глупецъ, какъ безумный. И онъ далъ себѣ самому слово покончить съ этимъ, утромъ же сдѣлать признаніе, и побѣдить или умереть.

Но утромъ она со своими сопровождающими уѣхала.

Онъ спрашивалъ о дорогѣ, по которой она направилась, и узналъ, что она поѣхала въ сосѣдній городъ на сѣверъ.

Въ то самое утро дочь офицера писала: — пріѣзжай на югъ, здѣсь все теперь въ цвѣту!

И онъ стремглавъ помчался на сѣверъ.

За х е й.

I.

Глубочайшій миръ царитъ надъ преріей.

На много миль кругомъ не видно ни дерева, ни дома, одна только пшеница и зеленая трава, насколько глазъ хватаетъ. Далеко, далеко, такъ что они кажутся малы какъ мухи, видны лошади и люди за работой, это рабочіе, которые сидятъ на своихъ машинахъ и рядами косятъ траву. Единственный звукъ, который слышенъ—крикъ стрекозъ, а когда вѣтеръ мѣняется, до слуха изрѣдка доходитъ другой звукъ—трескотня жатвенныхъ машинъ внизу, на горизонтѣ. Иногда этотъ звукъ раздается до странности близко.

Это ферма Биллибони. Она расположена совершенно одиноко на далекомъ западѣ, безъ сосѣдей, безъ какого-либо сообщенія съ остальнымъ міромъ; до ближайшаго городка прерій нѣсколько дней ходьбы. Вдали строенія фермы виднѣются какъ маленькіе подводные камни, выступающіе въ необозримомъ морѣ пшеницы. Зимой ферма необитаема, а съ весны до поздняго октября тамъ пшеницей заняты человѣкъ до семидесяти.

Три человѣка работаютъ на кухнѣ, поваръ и его два помощника, на конюшнѣ стоятъ двадцать ословъ, кромѣ

множества лошадей; но нѣтъ ни одной женщины, ни одной единственной женщины на фермѣ Биллибони.

Солнце раскалено до 102° Фарэнгейта. Небо и земля въ дрожаніи отъ страшной жары, и ни малѣйшее дуновение вѣтерка не освѣжаетъ воздухъ. Солнце похоже на топъ огня.

И вокругъ домовъ все тихо, только изъ большого крытаго гонтомъ сарая, который служитъ кухней и столовой, слышны голоса повара и его двухъ помощниковъ, которые тамъ дѣловито хлопчутъ. Они разводять травой огонь въ большихъ очагахъ, и дымъ, который вырывается изъ трубъ перемѣшанъ съ искрами и пламенемъ. Когда кушанье готово, его выносятъ въ цинковыхъ лоханяхъ и водружаютъ на тѣлѣги. Затѣмъ впрягаютъ ословъ, и эти три человѣка разъѣзжаютъ съ кушаньемъ въ преріи.

Поварь, толстый ирландецъ, сорока лѣтъ, съ вида похожъ на военнаго. Онъ наполовину голъ, рубашка его растегнута и грудь его похожа на жерновъ. Всѣ называютъ его Полли, потому что лицомъ онъ очень похожъ на попуя.

Полли былъ солдатомъ въ одномъ изъ фортовъ на югѣ, онъ склоненъ къ литературѣ, и можетъ читать. Поэтому онъ взялъ съ собой на ферму пѣсенникъ и одинъ номеръ старой газеты. Дотрогиваться до этихъ драгоценностей онъ не позволяетъ никому изъ людей; они лежатъ у него на полкѣ въ кухнѣ, чтобы въ свободныя минуты имѣть ихъ подъ рукой. Онъ пользуется ими очень усердно.

Но однажды Захей, его жалкій землякъ, который почти слѣпъ и носить очки, завладѣлъ его газетой, чтобы почитать ее. Было бесполезно предложить Захею обыкновенную книгу, маленькія буквы расплывались передъ его глазами какъ въ туманѣ; напротивъ того; для него было большимъ наслажденіемъ держать въ рукахъ газету повара и изучать большой шрифтъ объявленій. Но поваръ тотчасъ

же замѣтилъ исчезновеніе своего сокровища, разыскалъ Захею въ его кровати и вырвалъ у него газету. И тутъ завязался грубый и смѣшной споръ между этими двумя людьми.

Поварь назвалъ Захею черномазымъ разбойникомъ и собачьимъ сыномъ. Онъ щелкалъ передъ его носомъ пальцами и спрашивалъ, видалъ ли онъ когда-нибудь въ жизни солдата, и понимаетъ ли онъ что-нибудь въ устройствѣ форта. Нѣтъ, онъ ничего не знаетъ! Тогда ему лучше побережись, Боже упаси его. Лучше ему побережись! И пасть бы свою не раскрывалъ. Что онъ зарабатываетъ въ мѣсяцъ? Можетъ быть у него собственность имѣется въ Вашингтонѣ, или его корова отелилась въ прошломъ году?

Захей ничего не отвѣчалъ на все это. Но онъ обвинялъ повара, что онъ подаетъ сырое мясо, и что въ его хлѣбныхъ пуддингахъ мухи. „Убирайся къ чорту и возьми свою газету!“ Онъ, Захей, честный человѣкъ, онъ прочелъ бы газету и положилъ ее на мѣсто. „Чего стоишь тутъ, и плюешь на полъ, поганый песъ!“

И слѣпые глаза Захею блестя на его яростномъ лицѣ, какъ два раскаленныхъ стальныхъ шарика.

Съ того дня между этими двумя земляками установилась вѣчная вражда.

Тѣлѣги съ ѣдой разъѣзжаются по преріи, и каждая кормитъ своихъ двадцать пять человѣкъ. Люди сбѣгаются со всѣхъ угловъ, урываютъ себѣ ѣды и бросаются подъ тѣлѣги и подъ ословъ, чтобы быть хоть нѣсколько въ тѣни во время обѣда. Черезъ десять минутъ пища съѣдена. Надсмотрщикъ уже въ сѣдлѣ и сзываетъ людей на работу, а тѣлѣги для провіанта возвращаются на ферму.

А въ то время, какъ помощники повара моютъ миски и чашки послѣ обѣда, Полли сидитъ въ тѣни за домомъ и въ тысячный разъ перечитываетъ солдатскія пѣсни изъ драгоценной книги, которую онъ привезъ съ собой изъ форта на югѣ. И Полли вновь чувствуетъ себя солдатомъ.

II.

Вечеромъ, когда уже наступаютъ сумерки, изъ прерій медленно возвращаются домой семь телѣгъ, нагруженныхъ сѣномъ, съ кучкой рабочихъ. Большинство изъ нихъ моютъ руки на дворѣ, прежде чѣмъ идти къ ужину, другіе даже и причесываются. Здѣсь представлены всѣ націи и нѣсколько расъ, тутъ есть и молодые и старые, переселенцы изъ Европы и американскіе уроженцы, всѣ болѣе или менѣе бродяги и неудачники.

Болѣе состоятельные изъ этой кучки носятъ револьверъ въ заднемъ карманѣ своего платья. Пища обыкновенно принимается весьма поспѣшно, при чемъ никто ничего не говоритъ. Все это множество людей имѣетъ уваженіе къ надсмотрщику, который самъ сидитъ съ ними за столомъ и наблюдаетъ за порядкомъ. И какъ только кончается ужинъ, люди тотчасъ же уходятъ на покой.

Но сегодня Захей хотѣлъ вымыть свою рубашку. Она стала такъ жестка отъ пота, что днемъ она царапала его, когда солнце жгло его спину.

Вечеръ былъ темный, всѣ ушли спать; изъ большого сарая, гдѣ спали, доносилось въ ночи пониженное бормотаніе.

Захей пошелъ къ кухонной стѣнѣ, гдѣ стояло нѣсколько кадокъ съ водой. Это была вода повара, которую онъ тщательно собиралъ въ дождливые дни, потому что вода въ Биллибони была слишкомъ жестка, въ ней было слишкомъ много щелоку, чтобы стирать въ ней.

Захей завладѣлъ одной изъ кадокъ, снялъ свою рубашку и началъ тереть ее въ водѣ. Вечеръ былъ тихій и холодный, онъ сильно озябъ, но рубашку надо было выстирать, и онъ сталъ даже насвистывать про себя, чтобы нѣсколько себя приободрить.

Тутъ вдругъ поваръ открылъ кухонную дверь. Онъ дер-

жалъ лампу въ рукѣ и широкая полоса свѣта упала на Захея.

— Ага!—сказалъ поваръ и вышелъ изъ кухни.

Онъ поставилъ лампу на ступеньку лѣстницы, пошелъ прямо на Захея и спросилъ:

— Кто тебѣ далъ воду?

— Я ее взялъ,—отвѣтилъ Захей.

— Это моя вода!—закричалъ Полли.—Ты взялъ ее, рабъ, лгунъ, воръ, собачій сынъ!

Захей ничего не отвѣчалъ на все это, онъ только началъ повторять съ начала свои обвиненія о мухахъ въ пудингѣ.

Шумъ, который оба произвели, привлекъ людей изъ спальни и помѣщеній, они стояли въ дверяхъ группами, зябли и съ величайшимъ интересомъ прислушивались къ этому обмѣну словъ.

Полли кричалъ, обращаясь къ нимъ: „Какъ это вамъ понравится, свинья такая. Мою собственную воду!“

— Возьми себѣ свою воду,—сказалъ Захей и опрокинулъ кадку.—Она мнѣ больше не нужна!

Поваръ подставилъ ему кулакъ подъ носъ и спросилъ:

— Видишь это?

— Вижу,—отвѣтилъ Захей.

— Вотъ отпробуешь!

— Посмѣй только!

Тутъ вдругъ раздалось нѣсколько быстрыхъ ударовъ, которые были нанесены съ одной стороны, и въ то же мгновеніе возвращены съ другой. Зрители одинъ за другимъ испускали ревъ, это было выраженіе ихъ одобренія и поощренія.

Но Захей не долго могъ устоять.

Слѣпой побитый ирландецъ былъ разозленъ какъ дикая кошка, но руки его были коротки, чтобы сравняться съ

поваромъ. Въ концѣ концовъ онъ шатнулся въ сторону шага на три и упалъ.

Поваръ обратился къ зрителямъ.

— Вотъ, лежить теперь! И пусть лежить! Его положили солдаты!

— Кажется, онъ умеръ!—сказалъ какой-то голосъ.

Поваръ пожалъ плечами.

— Пусть его,—отвѣтилъ онъ заносчиво. И онъ почувствовалъ себя великимъ непоборимымъ побѣдителемъ передъ своей аудиторіей, онъ закинулъ голову, желая еще больше придать себѣ выразительности, онъ дѣлается литературенъ:—„Предоставляю тебя дьяволу“,—говоритъ онъ.—„Пусть себѣ лежить! Что онъ, Американецъ Даніэль Вебстеръ? Явился и поучаетъ, какъ мнѣ пуддинги дѣлать,—меня, который готовилъ на генераловъ! Что онъ, начальникъ прерій, спрашиваю я васъ?“

И всѣ любовались рѣчью Полли.

Тутъ Захей привсталъ съ пола, и сказалъ совершенно такъ же злобно и упрямо какъ раньше:

— Ну-ка, выходи ты, заячья нога.

Люди заревѣли отъ восторга, а поваръ улыбнулся и сказалъ сострадательно:

— Нонсенсъ, я такъ же хорошо могу подраться съ этой лампой!

И онъ взялъ лампу и ушелъ медленно и съ достоинствомъ въ кухню.

Около кухни стало темно и люди разошлись спать. Захей поднялъ свою рубашку, тщательно выжалъ ее и надѣлъ. Затѣмъ и онъ поплелся за другими, чтобы отыскать свои нары и улечься спать.

III.

На слѣдующій день Захей стоитъ на колѣняхъ на травѣ прерій и смазываетъ свою машину масломъ.

Солнце сегодня такое же раскаленное, и глаза его слезятся за вспотѣвшими стеклами очковъ. Вдругъ лошадь дѣлаетъ нѣсколько шаговъ впередъ, не то испуганная чѣмъ-то, не то укушенная насѣкомымъ. Захей испускаетъ крикъ и вскакиваетъ съ земли. Мгновеніе спустя онъ начинаетъ махать лѣвой рукой въ воздухѣ, и бѣгать назадъ и впередъ.

Въ нѣкоторомъ отдаленіи проѣзжаетъ человекъ на кобилѣ, онъ останавливаетъ свою лошадь и спрашиваетъ: „Что случилось?“.

Захей отвѣчаетъ: „Поди сюда на минутку и помоги мнѣ“.

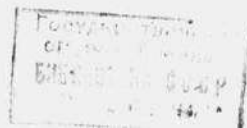
Когда человекъ подходитъ, Захей показываетъ свою окровавленную руку и говоритъ: „Мнѣ отрѣзало палецъ, вотъ сейчасъ. Отыщи мнѣ палецъ, я такъ плохо вижу!“

Человекъ поискалъ палецъ и нашелъ его въ травѣ. Два сустава. Онъ уже отмиралъ и имѣлъ видъ маленькаго трупа.

Захей беретъ палецъ въ руку, рассматриваетъ, узнаетъ его и замѣчаетъ: „Да, это онъ. Подожди-ка минутку, поддержи его!“ Захей вытаскиваетъ свою рубашку и отрываетъ двѣ полоски онъ нея; одной онъ перевязываетъ себѣ руку, въ другую завертываетъ свой отрѣзанный палецъ и прячетъ его въ карманъ. Затѣмъ онъ благодаритъ товарища за помощь и садится на свою машину. — Онъ выдержалъ почти до вечера. Когда надсмотрщикъ узналъ о несчастномъ случаѣ съ нимъ, онъ разбранилъ его и отослалъ назадъ на ферму.

Первое, что сдѣлалъ Захей, онъ озабочился сохранить отрѣзанный палецъ. Спирта у него не было, поэтому онъ налилъ въ пузырекъ машиннаго масла, всунулъ туда палецъ и крѣпко закупорилъ горлышко. Пузырекъ онъ положилъ на свои нары подъ соломенный тюфякъ.

Цѣлую недѣлю оставался онъ дома; у него сдѣлались

сильныя боли въ рукѣ и онъ долженъ былъ лежать и день и ночь совсѣмъ неподвижно; ему ударяло въ голову, у него сдѣлалась лихорадка, и онъ лежалъ, страдалъ и сокрушался безмѣрно. Ему никогда еще не приходилось оставаться въ такой бездѣятельности, даже и тогда, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, когда взорвавшаяся мина повредила ему глаза.

Чтобы сдѣлать еще нестерпимѣе его жалкое положеніе, поваръ Полли самъ приносилъ ему ѣду и пользовался случаемъ, чтобы дразнить раненаго. Оба врага за это время часто вступали въ словесный бой, и не разъ случалось, что Захей повертывался къ стѣнѣ и молча стискивалъ зубы, потому что онъ былъ такъ безсиленъ передъ этимъ великаномъ.

Мучительныя дни и ночи шли и проходили, шли и проходили съ невыносимой медленностью. Какъ только стало возможно, Захей сталъ садиться на своихъ нарахъ, и днемъ, во время жары, онъ открывалъ дверь въ преріи, чтобы видѣть небо. Часто онъ сидѣлъ такъ съ открытымъ ртомъ и прислушивался къ звуку жатвенныхъ машинъ въ далекой, далекой дали, и онъ громко говорилъ со своими лошадьми, какъ будто они были передъ нимъ.

Но злобный Полли, хитрый Полли, и теперь не могъ оставить его въ покоѣ. Онъ приходилъ и захлопывалъ ему дверь на носъ подъ предлогомъ, что дуетъ, дуетъ ужасно, и что ему вреденъ сквознякъ. Тогда Захей шатаясь, внѣ себя отъ бѣшенства, спускался съ наръ и запускалъ въ него сапогомъ, или деревянной скамеечкой, и каждый разъ онъ сгоралъ желаніемъ изуродовать его на вѣки. Но ему ни разу не посчастливилось, онъ слишкомъ плохо видѣлъ, чтобы цѣлиться, и онъ никогда не попадалъ.

На седьмой день онъ объявилъ, что будетъ обѣдать въ кухнѣ. Поваръ отвѣтилъ, что онъ ему этого никогда не позволить. Такъ и осталось, Захей долженъ былъ прини-

мать пищу на нарахъ. Онъ сидѣлъ въ полномъ одиночествѣ и извивался отъ скуки. Онъ зналъ, что теперь кухня опустѣла, что поваръ и помощники его съ обѣдомъ въ преріи, онъ слышалъ, какъ они выѣзжали съ пѣніемъ и шумомъ, чтобы потѣшиться надъ заключеннымъ.

Захей слѣзаетъ съ наръ и шатаясь бредетъ въ кухню. Онъ осматривается, книга и газета лежатъ на своемъ мѣстѣ, онъ хватается газету и возвращается въ свой уголъ. Затѣмъ онъ вытираетъ очки и начинаетъ разбирать забавныя большія буквы объявленій.

Проходитъ часъ, проходитъ два, — часы теперь проходили такъ быстро! Наконецъ Захей услышалъ, что телѣга съ провіантомъ возвращается, онъ услышалъ голосъ повара, приказывающій, какъ обыкновенно, мыть посуду.

Теперь Захей зналъ, что сейчасъ хватятся газеты, это была какъ разъ минута, когда поваръ направлялся къ своей бібліотекѣ. Онъ подумалъ съ минуту и затѣмъ засовалъ газету подъ свой соломенный тюфякъ. Черезъ минуту онъ быстро вытаскиваетъ ее назадъ и прячетъ ее себѣ подъ рубашку. Никогда въ жизни больше онъ не отдастъ этой газеты!

Проходитъ минута.

Къ нарамъ приближались тяжелые шаги, Захей лежитъ и смотритъ въ потолокъ.

Входитъ Полли.

— Что это, у тебя моя газета? — спрашиваетъ онъ и останавливается посреди комнаты.

— Нѣтъ, — отвѣчаетъ Захей.

— Нѣтъ, у тебя она, — шипитъ поваръ и подвигается къ нему.

Захей привстаетъ.

— Нѣтъ у меня твоей газеты! Убирайся къ чорту! — говоритъ онъ и приходитъ въ совершенное бѣшенство.

Тогда поваръ стаскиваетъ больного на землю и прини-

мается обыскивать нары. Онъ перевертываетъ соломенный тюфякъ и жалкое одѣяло, не находя того, что ищетъ.

— У тебя она должна быть!—на этомъ стоялъ онъ. И затѣмъ, когда онъ совсѣмъ вышелъ на дворъ, онъ обернулся еще разъ и повторилъ: — у тебя она. Но подожди только, другъ мой!

Тутъ Захей искренно и злобно засмѣялся и сказалъ:— да, у меня она. Я нашелъ для нея употребленіе, грязная свинья!

Тогда попугайче лицо повара сдѣлалось темно-краснымъ и зловѣщее выраженіе мелькнуло на его подломъ лицѣ. Онъ оглянулся на Захея и пробормоталъ: — хорошо да, подожди только.

IV.

На слѣдующій день была гроза, дождь лилъ непрерывными потоками на землю, онъ хлесталъ объ дома, и переполнилъ кадки повара уже съ утра. Всѣ рабочіе были дома. Нѣкоторые чинили мѣшки для зерна, другіе поправляли сломанные орудія, или точили лезвія въ косилкахъ.

Когда позвали обѣдать, Захей всталъ съ наръ, на которыхъ сидѣлъ, и хотѣлъ пойти съ другими въ столовую. На дворѣ онъ встрѣтился съ Полли, который несъ ему кушанье. Захей возразилъ, что онъ рѣшилъ отнынѣ ѣсть съ другими, его рукъ лучше и у него нѣтъ лихорадки. Поваръ отвѣтилъ, что, если онъ не желаетъ ѣсть то, что онъ ему принесъ, то онъ ничего не получить. Онъ сунулъ на нары Захея жестяную миску и спросилъ: „Можетъ быть тебѣ это недостаточно хорошо?“

Захей вернулся къ своимъ нарамъ и покорился своей участи. Лучше всего было взять то, что ему давали.

— Что за дрянь онъ опять состряпалъ? — ворчалъ онъ только и нагнулся надъ своей тарелкой.

— Это цыпленокъ,—отвѣтилъ поваръ. И странно блеснули его глаза, когда онъ повернулся и пошелъ.

— Цыпленокъ,—пробормоталъ Захей про себя, и сталъ разсматривать кушанье своими слѣпыми глазами.— Чортовъ цыпленокъ, лгунъ ты этакій.—Но это было мясо и соусъ.

И онъ сталъ ѣсть мясо.

Вдругъ ему въ ротъ попалъ кусокъ, и онъ никакъ не могъ разобрать, что это было. Кусокъ не рѣзался, это была кость съ жесткимъ мясомъ, и когда онъ обгрызъ ее съ одной стороны, онъ взялъ кусокъ изъ рта и разсмотрѣлъ его. „Можешь самъ оставить свои кости себѣ, собака,“ пробормоталъ онъ и пошелъ къ открытой двери, чтобы еще внимательнѣе разсмотрѣть кость. Онъ поворачиваетъ и вертитъ ее во всѣ стороны. Вдругъ онъ бѣжитъ къ нарамъ, ищетъ пузырекъ съ отрѣзаннымъ пальцемъ,—пузырекъ исчезъ.

Тогда Захей идетъ въ столовую. Блѣдный какъ мертвецъ, съ искаженнымъ лицомъ, онъ останавливается въ дверяхъ и говоритъ повару, такъ что всѣ это слышутъ:

— Скажи-ка, Полли, это не мой палецъ?

И онъ поднимаетъ что-то вверхъ.

Поваръ не отвѣчаетъ, но начинаетъ хихикать за своимъ столомъ.

Захей поднимаетъ что-то другое кверху, и говоритъ:

— А это, Полли, не мой ноготь, не съ моего пальца? Ты думаешь, я не узналъ его?

Тутъ всѣ люди за столомъ стали прислушиваться къ страннымъ вопросамъ Захея и удивленно смотрѣли на него.

— Да что собственно съ тобой?—спросилъ одинъ изъ нихъ.

— Я нашелъ мой палецъ, мой отрѣзанный палецъ въ кушаньи,—объяснилъ Захей.— Онъ его сварилъ и принесъ его въ тарелкѣ. А вотъ и ноготь.

Тутъ за всѣми столами люди разразились неистовымъ хохотомъ и всѣ они кричали попеременно.

— Что онъ, сварилъ твой собственный палецъ и принесъ его тебѣ? Ты его попробовалъ, какъ видно, ты обглодалъ его съ одной стороны!

— Я плохо вижу, — возразилъ Захей, — я не зналъ, — я думалъ...

Тутъ вдругъ онъ замолчалъ, повернулся, и вышелъ за дверь.

Надсмотрщикъ долженъ былъ водворить тишину въ столовой. Онъ всталъ, и обратясь къ повару, сказалъ:

— Ты палецъ этотъ варилъ съ остальнымъ мясомъ, Полли?

— Нѣтъ же, — возразилъ Полли. — Господи Боже мой, какъ бы я могъ это сдѣлать! За кого вы меня принимаете? Я сварилъ его совсѣмъ отдѣльно, совсѣмъ въ другой кастрюлѣ.

Эта исторія со свареннымъ пальцемъ служила предметомъ неистощимаго веселья всей ватагѣ. Они спорили и хохотали надъ ней какъ сумасшедшіе, и поваръ въ этотъ день праздновалъ побѣду, какъ никогда еще въ жизни.

А Захей исчезъ.

Захей ушелъ въ преріи. Непогода продолжалась, и нигдѣ не было защиты отъ нея. А Захей все дальше и дальше уходилъ въ преріи. Онъ оберегалъ отъ дождя свою больную руку на перевязи; а самъ промокъ съ головы до ногъ.

Онъ все продолжалъ идти.

Вотъ наступили сумерки, онъ останавливается, смотреть при вспышкѣ молніи на часы и возвращается тою же дорогою, которою пришелъ. Тяжелыми осмотровыми шагами онъ идетъ по пшеницѣ, какъ будто онъ точно расчелъ, и время и дорогу. Около восьми часовъ онъ подходитъ къ фермѣ.

Теперь совершенно темно. Онъ слышитъ, что люди собрались въ столовой за ужиномъ, и когда онъ заглядываетъ въ окно, ему кажется, что онъ видитъ тамъ повара, и ему кажется, что поваръ очень веселъ.

Онъ отходитъ отъ дома, идетъ къ конюшнѣ, гдѣ становится въ защищенное мѣсто, и неподвижно смотритъ въ темноту. Стрекозы молчатъ, все тихо, только дождь все еще идетъ, и сѣрнаго цвѣта молнія прорѣзаетъ небо и ударяетъ гдѣ-то далеко въ преріяхъ.

Наконецъ онъ слышитъ, что люди возвращаются съ ужина и бѣгутъ, чтобы не промокнуть, въ спальня помѣщенія, ругаясь на погоду. Захей ждетъ еще часъ, терпѣливо и упрямо, затѣмъ онъ отправляется въ кухню.

Тамъ внутри еще есть свѣтъ, онъ видитъ у очага человека, и спокойно входитъ.

— Добрый вечеръ, — говоритъ онъ.

Поваръ удивленно смотритъ на него и наконецъ произноситъ:

— Ты сегодня ужъ не получишь ужина.

Захей возражаетъ:

— Хорошо! Тогда дай мнѣ только немножко мыла, Полли. Моя рубашка не выстиралась вчера, мнѣ надо еще ее постирать.

— Не въ моей водѣ! — говоритъ поваръ.

— Нѣтъ, какъ разъ въ этой. Она какъ разъ тутъ у угла!

— Не совѣтую.

— Дашь ты мнѣ мыло? — спрашиваетъ Захей.

— Я тебѣ дамъ мыло! — кричитъ поваръ. — Убирайся вонъ!

И Захей уходитъ.

Онъ беретъ одну изъ кадокъ съ водой, ставитъ ее въ уголъ, какъ разъ подъ окномъ кухни, и начинаетъ громко плескать водой. Поваръ это слышитъ и выходитъ къ нему.

Онъ сегодня величествененъ и надмененъ какъ никогда, и онъ идетъ напрямикъ, съ разставленными руками, рѣшительно и злобно, на Захея.

— Что ты тутъ дѣлаешь?—спрашиваетъ онъ.

Захей отвѣчаетъ:

— Ничего. Стираю свою рубашку.

— Въ моей водѣ?

— Конечно!

Поваръ подходитъ ближе, наклоняется надъ кадкой, чтобы убѣдиться, что кадка его, и ищетъ въ водѣ рубашку.

Тогда Захей вытаскиваетъ револьверъ изъ-за бинта раненной руки, приставляетъ его повару къ уху и стрѣляетъ.

Слабый трескъ раздался въ мокрой ночи.

V.

Когда Захей въ поздній ночной часъ вошелъ въ спальное помѣщеніе, чтобы лечь, нѣсколько товарищей его проснулось и спросили, гдѣ онъ такъ долго пропадалъ.

Захей отвѣтилъ:

— Нигдѣ. Я застрѣлилъ Полли.

Товарищи приподнялись на локтяхъ, чтобы лучше слышать.

— Ты его застрѣлилъ?

— Да.

— Вотъ чортъ! Куда жъ ты попалъ?

— Въ голову. Я выстрѣлилъ ему въ ухо, пуля пошла кверху.

— Вотъ чортъ! Гдѣ же ты его похоронилъ?

— На западъ, въ преріяхъ. Я далъ ему газету въ руки.

— Газету въ руки?

И товарищи легли опять и заснули.

Минуту спустя одинъ изъ нихъ спросилъ еще:

— Онъ тотчасъ же умеръ?

— Да,—отвѣтилъ Захей,—почти тотчасъ же. Пуля прошла черезъ мозгъ.

— Да, это выстрѣлъ самый ловкій,—сказалъ товарищъ.— Черезъ мозгъ пройдетъ, значитъ смерть.

И тогда все смолкло на нарахъ, и всѣ заснули.

Надсмотрщикъ назначилъ новаго повара, одного изъ его помощниковъ, который былъ съ нимъ съ самой весны; онъ сталъ теперь главнымъ поваромъ, и искренно радовался убійству.

И все пошло своимъ чередомъ до осени. О Полли, о его исчезновеніи болѣе не говорили, умеръ бѣдный чортъ, лежитъ зарытый гдѣ-нибудь въ полѣ, тамъ, гдѣ вырваны колосья; что же подѣлаешь.

Когда наступилъ октябрь, рабочіе съ фермы Биллибони потянулись въ сосѣдній городъ, чтобы устроить общую прощальную выпивку, и затѣмъ разстаться. Всѣ въ эту минуту были лучшими друзьями, чѣмъ когда-нибудь, они обнимались и благодарили другъ друга, и были при этомъ совершенно искренни.

— Ты куда, Захей?

— Я немного дальше, къ западу,—отвѣчаетъ Захей.— Можетъ быть въ Віомингъ. А зимой опять въ лѣсъ на порубку.

— Тогда встрѣтимся тамъ. До свиданья, Захей! Счастливаго пути!

И товарищи разъѣзжаются по всѣмъ направленіямъ большой страны янки. Захей поѣхалъ въ Віомингъ.

А прерія лежитъ тамъ позади—словно безконечное море, на которомъ сіяетъ октябрьское солнце длинными лучами, подобными игламъ.

Пережитыя малости.

I.

Страхъ.

Я въ сущности никогда не зналъ, что такое страхъ, до перваго моего пребыванія въ Америкѣ. Не потому, что моя смѣлость была такъ велика, а потому, что она до той поры никогда не подвергалась настоящему испытанію. Это было въ 1884 году.

Тамъ, въ преріяхъ, находится маленькій городокъ, называющійся Маделія, захолустный городишко съ некрасивыми домами, съ тротуарами, что вымощены деревянными опилками, и съ нелюбезными жителями. И здѣсь Джэсси Джэмсъ, не разъ побывавшій въ пороховомъ дыму, кровожаднѣйшій разбойникъ Америки, былъ наконецъ схваченъ и забить до смерти. Онъ бѣжалъ сюда, здѣсь спрятался, подходящее мѣсто для этого чудовища, которое въ продолженіе цѣлаго ряда лѣтъ устрашало Сѣверо-Американскіе Штаты своими нападеніями, грабежами и убійствами.

И я прибылъ сюда,—но съ самымъ мирнымъ намѣреніемъ: чтобы выручить одного своего пріятеля изъ затрудненія.

Одинъ Американецъ, по имени Джонстонъ, былъ учителемъ въ „средней школѣ“ въ одномъ городѣ въ Вискон-

синѣ, гдѣ я познакомился съ нимъ и его женой. Нѣкоторое время спустя онъ уволился съ этой должности и занялся практической дѣятельностью, поѣхалъ въ преріи, въ Маделію, и открылъ тамъ торговлю лѣсомъ. Послѣ того какъ онъ въ продолженіе года подвизался на этомъ поприщѣ, я получилъ отъ него письмо, въ которомъ онъ просилъ меня пріѣхать въ Маделію, если мнѣ это было возможно, завѣдывать его дѣломъ, на то время, какъ онъ съ женой поѣдетъ на востокъ. Я въ то время былъ какъ разъ свободенъ и поѣхалъ.

Въ темный зимній вечеръ я прибылъ на вокзалъ, гдѣ меня встрѣтилъ Джонстонъ, пошелъ съ нимъ въ его домъ; тамъ мнѣ указали комнату. Его домъ находился довольно далеко отъ города. Большую часть ночи мы провели въ томъ, что онъ меня посвятилъ въ нѣсколько чуждыхъ мнѣ тонкости лѣсоторговли; на слѣдующее утро Джонстонъ шутя вручилъ мнѣ свой револьверъ, а нѣсколько часовъ спустя онъ и жена его уѣзжали по желѣзной дорогѣ.

Такъ какъ я былъ одинъ въ домѣ, я перебрался изъ моей комнаты въ нижній этажъ, гдѣ мнѣ было удобнѣе, и гдѣ мнѣ кромѣ того было легче смотрѣть за всѣмъ домомъ. Я воспользовался постелью супруговъ.

Прошло нѣсколько дней. Я продавалъ планки и доски, и приносилъ каждый вечеръ деньги, вырученные днемъ, въ банкъ, гдѣ я ихъ клалъ на свой счетъ.

Итакъ, въ домѣ, значить, не было другихъ людей, я былъ совсѣмъ одинъ. Я приготовлялъ себѣ самъ свою ѣду, доилъ и оберегалъ двухъ коровъ Джонстона, пекъ хлѣбъ, варилъ и жарилъ. Мой первый испеченный хлѣбъ не удался мнѣ, я положилъ слишкомъ много муки, хлѣбъ былъ недостаточно пропеченъ, у него былъ сырой край, и уже на слѣдующій день онъ сталъ твердъ, какъ камень. Плохо пришлось мнѣ и когда я въ первый разъ захотѣлъ сварить кашу на молокѣ. Я нашелъ въ лавочкѣ полъ-четверика ве-

ликофпнаго ячменя, и онъ мнѣ показался очень подходящимъ для моего супа. Я налилъ молока въ горшокъ, положилъ туда ячменя и началъ мѣшать. Но вскорѣ я увидѣлъ, что супъ мой становится слишкомъ густъ, и я сталъ подливать въ него молока. Но каша кипѣла, клекотала, поднималась, и отдѣльныя зерна вздулись и стали большими, какъ горошины. Потомъ опять было слишкомъ мало молока, кромѣ того масса поднималась такъ быстро, что должна была перелиться черезъ край кастрюли. Тогда я началъ переливать въ чашки и миски, и несмотря на это все же каша переливалась черезъ край. Я принесъ еще чашки и блюда, всѣ были наполнены, но все же каша переливалась черезъ край. И все не хватало молока. Супъ такъ и остался густымъ, какъ каша. Въ концѣ концовъ я не зналъ, какъ себѣ помочь, я вылилъ все содержимое горшка на столъ, на простой деревянный столъ. И каша разлилась подобно чудесной лавѣ и легла на столъ покойно густымъ хорошимъ слоемъ и застыла.

Теперь у меня была такъ сказать *matéria prima*, и каждый разъ, когда мнѣ потомъ хотѣлось поѣсть молочной каши, я отрѣзалъ кусокъ каши со стола, подливалъ молока въ эту массу и варилъ все вмѣстѣ. Я ѣлъ изо дня въ день за каждымъ обѣдомъ и завтракомъ эту кашу, какъ герой, чтобы ее уничтожить. Это была дѣйствительно трудная работа, но я не зналъ ни одного человѣка въ городѣ, котораго бы я могъ пригласить покончить съ моей кашей.

И наконецъ я одолѣлъ ее одинъ.

Было очень одиноко въ этомъ большомъ домѣ для одного человѣка двадцати лѣтъ съ небольшимъ. Ночи были темныя, хотъ глазъ выколи, и не было сосѣдей, пока не дойдешь до самаго города. Но я не былъ боязливъ, мнѣ не приходило въ голову бояться. И когда мнѣ показалось два вечера подрядъ, что я слышу подозрительный шорохъ у

замка кухонной двери, я всталъ, взялъ лампу и осмотрѣлъ кухонную дверь снаружи и изнутри. Но я не нашелъ ничего подозрительнаго въ замкѣ. Я и въ руки не взялъ револьвера.

Должна была однако наступить ночь, когда на меня напалъ такой безумный страхъ, какого я не переживалъ ни до, ни послѣ этого. И долгое время я не могъ забыть событія этой ночи.

Это было въ тотъ день, когда я былъ занятъ болѣе чѣмъ обыкновенно. Я заключилъ нѣсколько важныхъ сдѣлокъ и былъ въ хлопотахъ до поздняго вечера. Когда я наконецъ кончилъ, было такъ поздно, что стемнѣло и банкъ былъ закрытъ. Такимъ образомъ я не могъ сдать своей дневной выручки наличными. Я взялъ съ собою всѣ деньги въ свою комнату и счелъ. Было отъ семи до восьмисотъ долларовъ. Какъ обыкновенно, я сѣлъ и въ этотъ вечеръ зв свою работу—я писалъ; становилось все позднѣе и позднѣе, а я сидѣлъ и писалъ; наступила ночь, было два часа. Вдругъ я услышалъ опять таинственный шорохъ у моей кухонной двери.

Что это было?

Въ домѣ были двѣ наружныя двери; одна вела въ кухню, а другая—входная дверь собственно,—вела въ прихожую передъ моей комнатою. Эту дверь я изъ предосторожности преградилъ изнутри поперечной балкой. Шторы въ нижнемъ этажѣ были патентованы, онѣ были непроницаемы, такъ что сквозь нихъ рѣшительно нельзя было видѣть свѣта отъ лампы.

Итакъ, теперь до моего слуха донесся шорохъ около кухонной двери.

Я беру лампу въ руки и иду туда. У двери я останавливаюсь и прислушиваюсь. Снаружи есть кто-то, шепчутъ, и по снѣгу шмыгаютъ взадъ и впередъ передъ дверью. Я долго прислушиваюсь, шопотъ прекращается, и одновременно

мнѣ кажется, какъ будто крадущіеся шаги удаляются. Затѣмъ все смолкаетъ.

Я возвращаюсь къ себѣ и сажусь опять за писанье.

Прошло полчаса.

Вдругъ я вскакиваю—взломали входную дверь. Не только замокъ, но и засовъ за дверью внутри разломанъ, и я слышалъ шаги въ прихожей, какъ разъ противъ моей двери. Взломать дверь можно было только съ разбѣгу соединенными усиліями нѣсколькихъ лицъ, потому что засовъ былъ крѣпокъ.

Сердце мое не билось, оно дрожало. Я не издалъ ни крика, ни звука, но я слышалъ движеніе своего сердца вверху, въ горлѣ, оно мѣшало мнѣ дышать. Въ первую секунду мнѣ было такъ страшно, что я еле соображалъ, гдѣ я находился. Вдругъ мнѣ пришло въ голову, что мнѣ надо спасти деньги, я пошелъ въ спальню, вынулъ изъ кармана записную книжку и сунулъ ее въ постель подъ матрацъ. Затѣмъ я вернулся въ комнату. На это конечно не потребовалось и минуты.

Передъ моею дверью говорили пониженнымъ голосомъ и у замка возились. Я досталъ револьверъ Джонстона, и разсмотрѣлъ его; онъ дѣйствовалъ. Мои руки сильно дрожали, я еле держался на ногахъ.

Взглядъ мой упалъ на дверь, она была необыкновенно крѣпка. Тяжелая досчатая дверь съ поперечной балкой была не столаромъ, такъ сказать, сдѣлана, а плотникомъ. Массивная дверь внушала мнѣ мужество, и я началъ опять соображать—что я едва ли дѣлалъ до сихъ поръ. Дверь открывалась наружу, слѣдовательно было невозможно ее выломать. И передъ ней было слишкомъ узкое пространство, чтобы дать возможность разбѣжаться. Это мнѣ пришло въ голову, и я вдругъ почувствовалъ себя храбрымъ какъ мавръ, и закричалъ, что всякаго, кто вломится, я положу на мѣстѣ. Я настолько пришелъ въ себя, что я самъ слышалъ и по-

нималъ, что говорилъ, и такъ какъ я говорилъ по-норвежски, я понялъ нелѣпость моего поступка и громкимъ голосомъ повторилъ мою угрозу по-англійски. Отвѣта не было. Чтобы приучить свои глаза къ темнотѣ, на случай, если бы окна были выбиты и лампа бы погасла, я самъ задулъ лампу. Я стоялъ теперь въ темнотѣ, устремивъ глаза на окна, держа револьверъ въ рукѣ. Исторія затягивалась. Я становился все смѣлѣй, я уже не стѣснялся выказать себя чертовски смѣлымъ, и кричалъ:

— Ну, что же, вы рѣшили? Вы войдете или уйдете? потому что я спать хочу!

Черезъ минуту отвѣтилъ хриплый басъ:

— Уйдемъ, собачій сынъ.

И я слышалъ, какъ кто-то ушелъ изъ прихожей, и закричалъ по снѣгу. Это выраженіе—національное ругательство Америки, впрочемъ и Англій тоже. И такъ какъ я не могъ стерпѣть, что меня обругали имъ, не отвѣтивъ на него, я хотѣлъ отворить дверь и выпалить въ негодаевъ. Но я удержался, я подумалъ, въ послѣднюю минуту, очень возможно, что только одинъ изъ людей ушелъ изъ прихожей, между тѣмъ какъ другой только ждалъ, чтобы я раскрылъ дверь, чтобы напасть на меня. Поэтому я подошелъ къ одному изъ оконъ, съ быстротою молніи вздернулъ штору до потолка и выглянулъ въ окно. Мнѣ показалось, что я увидѣлъ на снѣгу черную точку. Я распахнулъ окно, прицѣлился насколько могъ хорошо въ темную точку и—выстрѣлилъ.—Осѣчка! Я выстрѣлилъ еще разъ. Кликъ! Осѣчка! Какъ бѣшенный я сталъ спускать курокъ разъ за разомъ, не цѣлясь, наконецъ раздался одинъ несчастный выстрѣлъ. Но трескъ былъ сильный въ ледяномъ застывшемъ воздухѣ, и съ дороги я услышалъ вскрики:

— Бѣги! Бѣги!

Тогда вдругъ изъ прихожей выскочилъ человѣкъ въ снѣгъ на дорогу и пропалъ въ темнотѣ. Я вѣрно угадалъ:

тамъ еще былъ одинъ. И съ тѣмъ я не могъ даже распространиться какъ слѣдуетъ, потому что въ револьверѣ у меня былъ одинъ жалкій зарядъ, и я его использовалъ.

Я опять зажигаю лампу, вытащилъ деньги изъ постели и положилъ ихъ къ себѣ въ карманъ, и теперь, послѣ того, какъ все было пережито, я сдѣлался до того жалко трусливымъ, что я не посмѣлъ этой ночью лечь въ постель супруговъ, я подождалъ еще полчаса, пока не начало свѣтать, тогда надѣлъ пальто и покинулъ домъ. Я забаррикадировалъ сломанную дверь насколько могъ хорошо, прокрался внизъ въ городъ и позвонился въ гостиницу.

Кто были воры — я не знаю. Врядъ ли они принадлежали къ профессиональнымъ, потому что въ этомъ случаѣ врядъ ли ихъ можно было бы отогнать отъ двери, гдѣ было два окна, въ которые они могли влѣзть. Но и эти негодяи были не безъ извѣстнаго холоднаго и наглаго насильничества, потому что они взломали замокъ и засовъ у моей двери.

Такого страха за свою жизнь я никогда не испытывалъ, какъ въ эту ночь въ городѣ прерій, въ Маделли, въ прибрежьи Джесси Джэмсъ. Съ тѣхъ поръ случалось, нѣсколько разъ, когда я пугался, что удары моего сердца бились въ моемъ горлѣ, и стѣсняли мое дыханіе, — это у меня съ той ночи. Никогда до тѣхъ поръ я не подозревалъ о такомъ страхѣ, который могъ выразиться столь необычайнымъ образомъ.

II.

Уличная революція.

Разъ утромъ, лѣтомъ въ 1894 году, меня разбудилъ датскій писатель Свенъ Ланге, который вошелъ въ мою комнату на rue Vaugirard, и сказалъ, что въ Парижѣ сейчасъ разразилась революція.

— Революція?

— Студенты взяли это дѣло теперь въ свои руки, и устраиваютъ революцію на улицахъ.

Мнѣ хотѣлось спать, я разозлился и сказалъ:

— Направьте пожарную трубу на этихъ молодцовъ и смойте ихъ съ улицы.

Но на это разсердился Свенъ Ланге, потому что онъ былъ на сторонѣ студентовъ, и поэтому надулся и ушелъ.

„Дѣло“, которое студенты взяли въ свои руки, заключалось въ слѣдующемъ:

Кружокъ, или общество „Четырехъ Изящныхъ Искусствъ“, долженъ былъ устроить балъ въ увеселительномъ заведеніи Moulin Rouge. Четыре дамы, долженствующія на этомъ балу изображать четыре изящныя искусства, выступали совершенно голыми, у нихъ собственно была только одна шелковая лента вокругъ талии. Парижская полиція снисходительна и привычна ко всему, но тутъ она вмѣшалась, балъ былъ запрещенъ и заведеніе закрыто.

Противъ этого и возмутились художники. Студенты всего Латинскаго квартала взяли сторону художниковъ и возмутились точно также.

Нѣсколько дней спустя, полицейскій нарядъ шелъ внизъ по бульвару Saint Michel. Передъ однимъ изъ многочисленныхъ ресторановъ сидятъ нѣсколько студентовъ, которые при проходѣ патруля выкрикиваютъ насмѣшливыя замѣчанія. Парижская полиція снисходительна и привычна ко всему, но одинъ изъ полицейскихъ свирѣпѣетъ; онъ беретъ тяжелую каменную спичечницу, что стоитъ снаружи на одномъ изъ столовъ на бульварѣ, и запускаетъ ее въ зачинщика. Но онъ цѣлится очень плохо, спичечница летитъ черезъ окно внутрь ресторана и попадаетъ въ голову мирнаго студента, такъ что несчастная жертва падаетъ мертвая на мѣстѣ.

Такъ случилось, что студенты взяли „дѣло“ въ свои руки...

Когда Свенъ Ланге удалился, я всталъ и вышелъ. На улицахъ большое волненіе, масса людей, полицейскихъ на лошадяхъ и пѣшихъ. Я протолкался сквозь толпу, добрался до своего ресторана, позавтракалъ, закурилъ папиросу и хотѣлъ вернуться домой. Когда я выбрался изъ ресторана, волненіе и толпа еще возросли. Чтобы поддержать порядокъ, теперь вызвали національную гвардію, конную и пѣшую. Когда она только что показалась на бульварѣ Saint-Germain, ее народъ встрѣтилъ криками и камнями. Лошади вздымались на дыбы, фыркали, и ихъ нельзя было сдержать. Толпа взламывала куски асфальта на улицахъ и пользовалась ими вмѣсто камней.

Какой-то человѣкъ, возмущенный, спросилъ меня, нахожу ли я, что теперь время курить папиросу. Я и не подозревалъ, что предстоитъ такая опасность; я мало, или лучше сказать, совсѣмъ не понималъ по-французски, что мнѣ служило до извѣстной степени оправданіемъ. Но человѣкъ кричалъ съ отчаяннымъ жестомъ: — Революція! Революція! —

Тогда я бросилъ папиросу.

Теперь это ужъ были не одни студенты и художники, что поднялись. Стекалась парижская чернь десятками тысячъ, празднующая, нищія, всякій сбродъ. Они появлялись изъ-за всѣхъ угловъ города, выныряли изъ боковыхъ улицъ и смѣшивались съ толпой. Не одинъ порядочный человѣкъ утратилъ свои часы.

Я отдался теченію. Перекрестокъ, который образуется бульваромъ St.-Michel и бульваромъ St.-Germain, былъ средоточіемъ для толпы, и тамъ, казалось, чрезвычайно трудно было сохранять порядокъ. Долгое время народъ дѣлалъ, что хотѣлъ. Съ другого берега, черезъ мостъ, ѣхалъ омнибусъ; когда онъ остановился на площади St.-Michel, къ нему подошелъ человѣкъ изъ толпы, приподнялъ шляпу и сказалъ:

— Mesdames et Messieurs, будьте любезны слѣзть.

И пассажиры слѣзли.

Затѣмъ, выпрягли лошадей, и омнибусъ повалили посреди улицы при громкихъ восторженныхъ крикахъ. Слѣдующій омнибусъ постигла та же участь. Трамвы, которые проходили, останавливали и также опрокидывали, и вскорѣ отъ тротуара къ тротуару, поперекъ улицы, протянулась высокая баррикада. Всякое движеніе остановилось, люди, которые хотѣли пройти дальше, не могли протолкаться, человеческая масса уносила ихъ съ собой, сбивала съ дороги, далеко оттѣсняла ихъ въ боковыя улицы, или прибывала къ запертымъ дверямъ домовъ.

Меня отнесло къ ресторану, къ тому мѣсту приблизительно, изъ котораго я вышелъ. Меня несло все дальше и дальше, пока я не пришелъ къ высокой желѣзной рѣшеткѣ, оградѣ музея, — здѣсь я крѣпко уцѣпился за нее. Меня почти что отрывали съ руками, но я держался крѣпко. Вдругъ раздался выстрѣлъ, два выстрѣла. Паника охватила толпу, и она бросилась съ невообразимымъ крикомъ въ боковыя улицы; этимъ положеніемъ одновременно воспользовалась полиція и поскакала за бѣгущими по разнымъ направленіямъ, топтала ихъ, и рубила вокругъ саблями.

Это мгновеніе давало впечатлѣніе войны.

Я былъ такъ счастливъ держаться за рѣшетку, гдѣ больше не было давки. Ко мнѣ подошелъ, задыхаясь, запоздавшій бѣглець, обезумѣвшій отъ страха. Онъ держалъ свою визитную карточку, поднявъ ее высоко надъ головой, онъ совалъ мнѣ карточку въ руку, умолялъ меня о пощадѣ, онъ думалъ, что я хотѣлъ его убить. На карточкѣ стояло Dr. Iоганнесъ. Въ то время какъ онъ стоялъ передо мной, онъ дрожалъ, какъ вѣтка плюща. Онъ объяснилъ мнѣ, что онъ армянинъ, путешествуетъ съ научными цѣлями въ Парижъ; вообще же онъ врачъ въ Константинополѣ. Я пощадилъ его жизнь. Я помню этого человѣка

такъ хорошо, его совершенно обезкураженное лицо, съ черной жидкой бородой и съ широко разставленными зубами въ верхней челюсти.

Пронесся слухъ, что выстрѣлы раздались изъ магазина обуви, или вѣрнѣе изъ мастерской надъ нимъ. Это будто бы были „итальянскіе“ рабочіе, которые стрѣляли въ полицію,—это конечно были итальянцы, на которыхъ взвалили вину. Теперь мужество вернулось къ толпѣ, и она опять устремилась на бульваръ. Конная полиція попробовала помѣшать помощью кордона притоку людей изъ другихъ частей города; но какъ только толпа замѣтила эту уловку, она начала бить стекла въ газетныхъ кіоскахъ, камнями выбивать фонари и разбирать желѣзные прутья, ограждающіе каштановыя деревья на бульварахъ, все, чтобы только отвлечь полицію, не давая ей загораживать проходъ. Когда изъ этого ничего не вышло, они употребили всѣ усилія къ тому, чтобы испугать до послѣдней степени лошадей полиціи, уже поднявшихся на дыбы; и баррикада изъ опрокинутыхъ омнибусовъ была подожжена. Продолжали также взламывать асфальтъ, но такъ какъ это была трудная работа и такъ какъ это нисколько не подвигало дѣла, обратились къ другимъ способамъ. Сломанные желѣзные прутья изъ ограды каштановыхъ деревьевъ разрубались на мелкіе куски, срывались деревянные перила лѣстницъ, затѣмъ чередъ дошелъ и до моей большой красивой желѣзной рѣшетки. И тогда стали бросать, кричать, разрушать и бѣжать и возвращаться назадъ.

Такъ проходили часы.

Тутъ явились полки изъ Версаля на помощь блюстителямъ порядка. Какъ токъ пробѣжалъ по толпѣ. Надъ полиціей и національной гвардіей издѣвались и причиняли ей все, что только могли придумать злого, но какъ только показались полки, народъ сталъ кричать: Да здравствуетъ армія! Да здравствуетъ армія! И офицеры хватались за фу-

ражки и отдавали честь. Но какъ только офицеры и солдаты проскакали, началось опять то же, нападали на полицію, вышибали стекла, взламывали рѣшетки; и то же самое было тѣмъ же самымъ.

Наступилъ вечеръ.

Студенты вдругъ закричали:

— Оплевать Лозэ!

Лозэ былъ полицейскій префектъ, и теперь выстроилось безмѣрное шествіе, которое хотѣло идти къ дому префекта „оплевывать“ Лозэ. Шествіе двинулось. Оставшіяся позади тысячи продолжали безчинствовать.

Такъ какъ казалось, что сегодня мало что придется увидать, я отправился опять въ мой ресторанъ, поѣлъ и вернулся домой длинными обходами.

Но дни проходили, а стычки продолжались.

Стоило выйти изъ своей комнаты на улицу, какъ тотчасъ же вы видѣли и слышали нѣчто необыкновенное. Какъ-то вечеромъ я хотѣлъ пойти въ свой ресторанъ поѣсть. Моросилъ дождикъ и я взялъ съ собой зонтъ. На пути приблизительно меня остановила ватага, которая занималась тѣмъ, что разламывала, временно поставленную, загородку, которая оберегала проходящихъ отъ возможности паденія въ углубленія, находившіяся въ улицѣ. Загородка была изъ балоковъ и досокъ. Меня пригласили, въ весьма опредѣленномъ тонѣ, помочь разобрать загородку, я былъ сильный на видъ, я могъ быть полезенъ. Я зналъ, что сопротивление не поможетъ, я отвѣтилъ имъ, что я съ восторгомъ помогу имъ, и тогда мы начали ломать и разрушать. Но ничего изъ этого не выходило. Намъ было быть можетъ пятьдесятъ человекъ, но мы работали не въ тактъ и не могли справиться съ загородкой. Тогда мнѣ пришло въ голову запѣть такъ, какъ режутъ свои пѣсни норвежскіе каменщики, когда поднимаютъ тяжести. Это помогло.

Вскорѣ доски затрещали и черезъ минуту балюстрада свалилась. Тогда мы закричали ура.

Я хотѣлъ продолжать свой путь въ ресторанъ. Тутъ подходитъ оборванецъ и, безъ дальнѣйшихъ околичностей, беретъ мой зонтъ, который я поставилъ, и уходитъ съ нимъ. Я останавливаю этого человѣка и требую, чтобы онъ отдалъ мнѣ зонтъ. Онъ не хочетъ его отдать, онъ говоритъ, что это его дождевой зонтъ. Я призвалъ свидѣтелей, моихъ товарищей по разрушенію балюстрады, которые должны были подтвердить, что у меня зонтъ былъ, когда я пришелъ.

— Да, — сказалъ этотъ человѣкъ. — А развѣ это не революція?

Тутъ мои товарищи замолчали и отдали справедливость этому человѣку.

Но я этого не желалъ дѣлать, я отнял у него зонтъ силой, и такъ какъ этого нельзя было сдѣлать деликатнѣе, мы, схватившись съ этимъ оборванцемъ, покатались по улицѣ кубаремъ, и онъ сталъ кричать о помощи. Товарищи опять подошли къ намъ, и когда человѣкъ сталъ жаловаться, что я напалъ на него, я отвѣтилъ:

— Да, конечно! Но развѣ это не революція?

Я взялъ свой зонтъ и пошелъ...

По вечерамъ, когда я кончалъ свою работу, я обыкновенно выходилъ и присутствовалъ въ благоразумномъ отдаленіи при безпорядкахъ. На улицахъ было очень темно, почти всѣ фонари были разбиты, и кварталъ поэтому освѣщался, главнымъ образомъ, свѣтомъ изъ лавокъ. Полиція разѣзжала по тротуару, большія эти лошади въ сумеречномъ освѣщеніи имѣли видъ чудовищъ, и непрерывно слышался топотъ копытъ по асфальту и ревъ какой-нибудь ватаги изъ боковыхъ улицъ.

Между тѣмъ студенты — когда увидали, какіе размѣры приняло безчинство — выпустили прокламацію, въ которой

они снимали съ себя отвѣтственность за совершенное раззореніе и преступленія. Это уже не студенты протестовали противъ появленія полиціи на балу въ Moulin Rouge, а парижская чернь, и студенты теперь приглашали каждого отдѣльно остановиться. Прокламаціи появлялись во множествѣ экземпляровъ и расклеивались по деревьямъ на бульварахъ.

Но ихъ разумныя слова не имѣли конечно ни малѣйшаго значенія.

На полицію озлобился народъ. Большія толпы продолжали двигаться къ префекту полиціи, „оплевывать“ его, бросали камнями въ полицейскихъ всюду, гдѣ ихъ видѣли, стрѣляли въ нихъ, и когда разъ вечеромъ одинъ несчастный начальникъ со своимъ взводомъ хотѣлъ перейти по мосту черезъ Сену, толпа схватила его и бросила въ воду. На слѣдующій день его прибило къ берегу, далеко за Notre Dame и его положили въ моргъ.

Однажды вечеромъ на бульварѣ St.-Michel произошло нѣчто возбуждавшее большой шумъ. Одинъ полицейскій, смѣшавшись съ толпой, очутился совсѣмъ одинъ на тротуарѣ. Одинъ господинъ, выхвативъ длинный пистолетъ изъ кармана, убиваетъ полицейскаго на мѣстѣ. Къ мѣсту выстрѣла прискакала полиція, поспѣшно былъ сдѣланъ опросъ, даны отвѣты, и произведено нѣсколько арестовъ. Но виновный не былъ найденъ. Послѣ того какъ были выпущены заряды, убійца сдѣлалъ нѣсколько поспѣшныхъ шаговъ назадъ, толпа людей замкнулась на его пути, и онъ исчезъ навсегда. Но господинъ этотъ былъ рыцарь Почетнаго Легіона — это замѣтили близъ стоящіе. И, казалось, они знали, кто онъ былъ, хотя и не хотѣли его выдать, — человѣкъ съ именемъ, котораго зналъ весь Парижъ, Франція, да быть можетъ, добрая часть свѣта. Этому человѣку захотѣлось въ тотъ вечеръ убить человѣка: въ немъ проснулся инстинктъ убійства и революціи, и вспыхнулъ яркимъ пламенемъ во французѣ...

Однажды вечеромъ меня приставили къ взламыванію асфальта. Я совершенно спокойно шелъ по улицѣ внизъ, гдѣ видѣлъ, что кучка людей занята чѣмъ-то. Когда я подошелъ достаточно близко, меня позвали, подали мнѣ желѣзный ломъ и приставили къ дѣлу. Въ нѣкоторомъ отдаленіи стоялъ взводъ гвардіи, чтобы загородить улицу, и, насколько я могъ понять, дѣло было въ томъ, чтобы забросать кусками асфальта гвардію и силой открыть себѣ доступъ въ загороженную улицу. Я попалъ въ постыдное рабство и горько сожалѣлъ, что не пошелъ другой дорогой. Но теперь уже не было выхода, мнѣ надо было выламывать асфальтъ. Я былъ не одинъ за этой работой, въ дѣлѣ было нѣсколько желѣзныхъ ломовъ, и мы по очереди смѣняли другъ друга. Чернь стояла тутъ же и совѣщалась, что надо сдѣлать съ гвардіей: „Ахъ, ей плохо придется, гвардіи, немногимъ доведется остаться въ живыхъ!“

И вдругъ мы услышали, какъ скомандовали:

— Ружья на перевѣсъ!

Мы подняли головы.

Тотъ же голосъ скомандовалъ:

— На штыки—впередъ!

И отрядъ гвардіи двинулся прямо на насъ.

Тогда мы какъ трусы побросали наши ломы и бросились бѣжать. Господи, Боже мой, какъ мы бѣжали! Мы оставили нашему врагу всѣ наши снаряды, весь нашъ великолѣпный асфальтъ и бѣжали. Теперь мнѣ очень пригодились мои длинныя ноги, которыми я умѣлъ пользоваться какъ заяцъ; и я долженъ сознаться, я никогда не видалъ человѣка, который такъ великолѣпно бѣжалъ, какъ я. Я помню еще, что я набѣжалъ на какого-то маленькаго французика, сшибъ его съ ногъ, и онъ ударился объ стѣну съ такой силой, что издалъ хрипѣніе. Конечно я опередилъ большинство моихъ бѣгущихъ товарищей, и когда передніе наконецъ

остановились, я воспользовался всеобщей суматохой, чтобы потихоньку скрыться изъ асфальтоваго невольничества.

Туда я никогда не возвращался больше.

По истеченіи нѣсколькихъ недѣль, уличные безпорядки начали уменьшаться, и черезъ три недѣли Парижъ былъ покоренъ закону, какъ прежде. Только взрытыя улицы свидѣтельствовали еще нѣкоторое время о разрушеніяхъ послѣдней французской революціи. Мятежъ этотъ имѣлъ одно реальное значеніе: префектъ полиціи, „оплеванный“ Лозе, долженъ былъ подать въ отставку.

III.

Привидѣніе.

Нѣсколько лѣтъ моего дѣтства я провелъ у своего дяди въ пасторскомъ домѣ въ Нордландѣ. Это было тяжелое время для меня, много работы, много побоевъ, и рѣдко часъ для игры и веселья. Такъ какъ дядя мой держалъ меня такъ строго, моей единственной радостью было прятаться и быть одному; если у меня и былъ, въ видѣ исключенія, свободный часъ, я уходилъ въ лѣсъ, или на кладбище, и бродилъ тамъ между крестовъ и памятниковъ, мечталъ, размышлялъ и громко разговаривалъ самъ съ собой.

Пасторскій домъ лежалъ необыкновенно красиво близъ Глиммы, широкаго потока со множествомъ большихъ камней, шумъ котораго раздавался день и ночь, ночь и день. Глимма текла часть дня на югъ, остальное время на сѣверъ, смотря потому былъ ли приливъ или отливъ,—но постоянно звучала ея вѣчная пѣснь, и вода бѣжала съ одинаковой стремительностью, лѣтомъ и зимой, какое бы направленіе ни принимала.]

Вверху, на холмѣ находилась церковь и кладбище. Церковь была старая, крестообразная, деревянная, а кладбище безъ растений, могилы безъ цвѣтовъ. Совсѣмъ вплоть къ

каменной стѣнѣ росли пышнѣйшіе кусты малины, большія сочныя ягоды, которыя высасывали жирную землю мертвецовъ. Я зналъ каждую могилу и каждую надпись, и при мнѣ случалось, что кресты, вновь поставленные, съ теченіемъ времени, начинали коситься, и въ концѣ концовъ падали въ бурную ночь.

Но если не было цвѣтовъ на могилахъ, то лѣтомъ по всему кладбищу разрасталась высокая трава. Она была такая высокая и твердая, что я часто сидѣлъ въ ней и прислушивался къ вѣтру, что шелестѣлъ, въ этой жутко жесткой травѣ, которая мнѣ была по поясъ. А потомъ въ этотъ шелестъ вторгался флюгеръ на колокольнѣ, и его желѣзный ржавый звукъ жалобно доносился до самаго пасторскаго дома. Какъ будто этотъ кусокъ желѣза скрипѣлъ зубами на другой кусокъ желѣза.

Когда могильщикъ былъ за своей работой, я иногда разговаривалъ съ нимъ. Это былъ серьезный человѣкъ, онъ рѣдко улыбался, но онъ былъ очень привѣтливъ со мной, и когда онъ стоялъ и бросалъ землю изъ могилы, случалось, что онъ мнѣ кричалъ, чтобы я отошелъ, потому что у него на лопатѣ была большая бедровая кость, или скалящій зубы черепъ какого-нибудь мертвеца.

Я часто находилъ кости и пучки волосъ покойниковъ на могилахъ, которые я зарывалъ въ землю, какъ меня научилъ этому могильщикъ. Я такъ къ этому привыкъ, что не испытывалъ ужаса, когда натыкался на человѣческіе останки. Подъ однимъ концомъ церкви находился склепъ, гдѣ валялась масса костей, и въ этомъ подвалѣ я часто сидѣлъ, игралъ съ костями и составлялъ изъ разсыпавшагося скелета разныя фигуры на землѣ.

Однажды я на кладбищѣ нашелъ зубъ.

Это былъ передній зубъ, блестящій, бѣлый и крѣпкій. Не отдавая себѣ отчета, я положилъ зубъ къ себѣ въ карманъ. Я хотѣлъ употребить его на что-нибудь, выпилить изъ него

какую-нибудь фигуру, чтобы вставить ее въ одну изъ удивительныхъ вещицъ, которыя я вырѣзывалъ изъ дерева.

Я взялъ зубъ къ себѣ домой.

Была осень и рано темнѣло. У меня было много разнаго дѣла еще, и прошло быть можетъ часа два, прежде чѣмъ я отправился въ людскую поработать надъ зубомъ. Въ то время взошелъ мѣсяцъ; мѣсяцъ былъ въ половинѣ.

Въ людской не было свѣта, и я былъ совсѣмъ одинъ. Я не посмѣлъ зажечь лампу, пока не пришли работники; но мнѣ было бы достаточно свѣта, который падалъ бы изъ печной заслонки, если бы я развелъ сильный огонь. Я пошелъ поэтому въ сарай, чтобы принести дровъ.

Въ сараѣ было темно.

Когда я ощупью подвигался впередъ, я почувствовалъ на своей головѣ легкій ударъ, какъ отъ одного пальца.

Я быстро повернулся, но не увидалъ никого.

Я развелъ руками вокругъ себя, но не нащупалъ никого.

Я спросилъ, есть ли тутъ кто-нибудь, но не получилъ никакого отвѣта.

Я былъ съ непокрытой головой, схватился за тронутое мѣсто головы и почувствовалъ что-то ледяное, холодное въ моей рукѣ, что я тотчасъ же выпустилъ. Странно это, подумалъ я про себя. Я схватился за волосы повыше,—холоднаго ничего не было.

Я подумалъ:

Что это могло быть, это холодное, что упало съ потолка и попало мнѣ на голову?

Я взялъ охапку дровъ и вернулся въ людскую,—затопилъ печь и подождалъ, пока изъ заслонки упала полоса свѣта.

Тогда я досталъ зубъ и взялъ пилу.

Въ окно постучали.

Я посмотрѣлъ туда. За окномъ, съ лицомъ тѣсно прижатымъ къ стеклу, стоялъ какой-то человѣкъ. Онъ былъ

чужой, я его не зналъ, и все же я зналъ всѣхъ въ округѣ.. У него была длинная рыжая борода, красный шерстяной шарфъ на шеѣ и морская фуражка на головѣ. О чемъ я тогда не подумалъ, но что мнѣ потомъ пришло въ голову: какъ могла голова эта такъ ясно показаться мнѣ въ темнотѣ, и именно съ той стороны дома, гдѣ даже не свѣтитъ полу-мѣсяцъ? Я видѣлъ лицо съ ужасающей ясностью, оно было блѣдно, почти бѣло, и глаза его были неподвижно устремлены прямо на меня.

Проходитъ минута.

Вдругъ человѣкъ начинаетъ смѣяться.

Это не былъ громкій смѣхъ, только ротъ разѣвался широко, и глаза смотрѣли пристально, какъ прежде, а человѣкъ смѣялся.

Я уронилъ то, что у меня было въ рукѣ, и ледяной ужасъ сковалъ меня отъ головы до ногъ, морозъ пробѣжалъ у меня по спинѣ. Въ чудовищномъ отверстіи рта, этаго смѣющагося лица за окномъ, я вдругъ замѣтилъ черную дыру въ ряду зубовъ,—одного зуба не хватало.

Я сидѣлъ неподвижно и въ страхѣ смотрѣлъ передъ собой. Прошла еще минута. Лицо начинало окрашиваться, оно сильно позеленѣло, потомъ сильно покраснѣло; но смѣхъ оставался. Я не потерялъ сознанія, я замѣчалъ все вокругъ себя; огонь свѣтилъ довольно ярко черезъ заслонку и бросалъ маленькій отсвѣтъ на противоположную стѣну, гдѣ стояла лѣстница. Я слышалъ также, какъ въ соседней каморкѣ тикали часы на стѣнѣ. Такъ ясно я видѣлъ все, что я даже замѣтилъ, что морская фуражка, которая была на человѣкѣ за окномъ, была линючаго черного цвѣта, но съ зеленымъ кантомъ.

Тутъ человѣкъ опустилъ голову внизъ, къ стеклу, медленно наклонялъ ее все ниже и ниже, такъ что подъ конецъ онъ очутился подъ окномъ. Какъ будто онъ соскользнулъ въ землю. Я больше его не видалъ.

Мой страхъ былъ ужасенъ, я началъ дрожать. Я сталъ лискать на полу зубъ, но не смѣлъ оторвать глазъ отъ окна, гдѣ лицо опять могло появиться.

Когда я нашелъ зубъ, я хотѣлъ тотчасъ же отнести его на кладбище, но мнѣ не хватало на это мужества. Я все еще сидѣлъ одинъ и не могъ пошевелиться. Я слышу шаги снаружи на дворѣ и думаю, что это одна изъ работницъ идетъ, стуча своими деревянными башмаками; я не рѣшался окликнуть ее, и шаги проходятъ мимо. Проходитъ вѣчность. Огонь въ печкѣ начинаетъ догорать и мнѣ не откуда ждать спасенія.

Я стискиваю зубы и встаю. Я открываю дверь и плечусь изъ людской, глядя не отрываясь на окно, гдѣ стоялъ человѣкъ. Когда я выбрался на дворъ, я бѣгу въ конюшню, чтобы попросить какого-нибудь работника пойти со мной на кладбище.

Но работника въ конюшнѣ не оказалось.

Теперь, стоя подъ открытымъ небомъ, я сдѣлался смѣлѣй и рѣшился отправиться одинъ наверхъ на кладбище, такимъ образомъ я избѣжалъ необходимости довѣриться кому-нибудь и попасть въ когти къ моему дядѣ изъ-за этой исторіи.

Такъ я и пошелъ одинъ на холмъ.

Зубъ я несъ въ своемъ носовомъ платкѣ. Наверху у воротъ кладбища я остановился, — мужество меня покинуло. Я слышу вѣчный шумъ Глиммы, а кругомъ все молчитъ. Въ воротахъ кладбища не было двери, только сводъ, черезъ который можно было пройти; полный страха я становлюсь на одну сторону этого свода и осторожно просовываю въ голову отверстие, чтобы посмотреть, могу ли я идти дальше.

И вдругъ я падаю плашмя на колѣни.

На нѣсколько шаговъ отъ воротъ, тамъ внутри, между могилами, стоитъ человѣкъ въ своей морской фуражкѣ. У не-

го было опять блрое лицо и онъ обратилъ его ко мнѣ, но въ то же время онъ показывалъ мнѣ впередъ, вверхъ на кладбище. |

Я понялъ это какъ приказаніе, но не рѣшался идти. Я стоялъ такъ очень долго и смотрѣлъ на человѣка и умолялъ его, а онъ стоялъ тихо и неподвижно.

Тутъ случилось то, что мнѣ придало нѣсколько мужества: я услышалъ, какъ одинъ изъ работниковъ ходилъ тамъ внизу около конюшни и свисталъ. Этотъ признакъ жизни около меня сдѣлалъ то, что я всталъ. Тутъ человѣкъ сталъ удаляться медленно, медленно, онъ не шелъ, онъ скользилъ по могиламъ, все указывая впередъ. Я вошелъ въ ворота, тощій человѣкъ манилъ меня дальше. Я сдѣлалъ нѣсколько шаговъ и остановился; я больше не могъ. Дрожащими руками я вынулъ блый зубъ изъ носового платка и изо всѣхъ силъ бросилъ его на кладбище. Въ эту минуту желѣзный флюгеръ повернулся на колокольнѣ и рѣзкій крикъ его пронизалъ меня насквозь. Я бросился бѣжать черезъ ворота, внизъ съ холма, домой. Когда я вошелъ въ кухню, они сказали мнѣ, что лицо мое было блое, какъ снѣгъ...

Съ тѣхъ поръ прошло много лѣтъ, но я помню всѣ мельчайшія подробности. Я вижу себя стоящимъ на колѣняхъ передъ кладбищенскими воротами и вижу рыжебордаго человѣка.

Какихъ онъ былъ лѣтъ, я даже приблизительно не могъ сказать. Ему могло быть и двадцать лѣтъ, могло быть и сорокъ. Такъ какъ я долженъ былъ видѣть его не въ послѣдній разъ, я и позже думалъ объ этомъ; но и теперь еще я все не знаю, что мнѣ сказать о его годахъ...

Много разъ по вечерамъ и много разъ по ночамъ приходилъ этотъ человѣкъ. Онъ показывался, смѣялся своимъ широкооткрытымъ ртомъ, въ которомъ не доставало зуба, и исчезалъ. Выпалъ снѣгъ, я не могъ идти на кладбище и за-

рыть зубъ въ землю. А человѣкъ возвращался все снова и снова, но все послѣ болѣе длинныхъ промежутковъ времени, въ продолженіе всей зимы. Мой страхъ передъ нимъ, доходившій до ужаса, становился все меньше; но онъ сдѣлалъ мою жизнь очень несчастной, да, несчастной до крайности. Въ тѣ дни, я часто съ радостью думалъ о томъ, что я могъ бы положить конецъ моимъ мукамъ, бросившись въ Глимму.

Тутъ подошла весна и человѣкъ исчезъ безслѣдно.

Безслѣдно? Нѣтъ, не безслѣдно, но на все лѣто. На слѣдующую зиму онъ появился опять. Онъ показался только одинъ разъ, потомъ его не было долгое время. Три года спустя послѣ моей первой встрѣчи съ нимъ, я уѣхалъ изъ Нордланда и отсутствовалъ цѣлый годъ. Когда я вернулся, я былъ подтвержденъ, и, какъ я самъ полагалъ, былъ большимъ взрослымъ человѣкомъ. Я уже не жилъ болѣе у моего дяди въ домѣ пастора, а у себя, у отца съ матерью.

Разъ вечеромъ, къ осени, какъ разъ когда я легъ спать, на мой лобъ опустилась холодная рука. Я [открылъ глаза и увидалъ того человѣка передъ собой. Онъ сидѣлъ на моей постели и смотрѣлъ на меня. Я былъ не одинъ въ комнатѣ, со мной было два брата; но я никого изъ нихъ не позвалъ. Когда я почувствовалъ холодное прикосновеніе къ моему лбу, я сталъ отмахиваться рукой и сказалъ: „Нѣтъ, ступай прочь!“ Братья мои спросили изъ своихъ постелей, съ кѣмъ я говорю.

Послѣ того какъ человѣкъ съ минутой тихо посидѣлъ, онъ началъ раскачивать верхнюю часть своего туловища. При этомъ онъ все больше увеличивался въ ростѣ, подъ конецъ онъ почти упирался въ потолокъ, и такъ какъ очевидно онъ не могъ подвигаться дальше, онъ всталъ, отошелъ безшумными шагами отъ моей постели, черезъ комнату къ печкѣ, гдѣ онъ исчезъ. Я все время слѣдилъ за нимъ глазами.

Онъ никогда еще не былъ такъ близко отъ меня, какъ въ этотъ разъ; я посмотрѣлъ ему прямо въ лицо. Его взглядъ былъ пустой и потухшій, онъ посмотрѣлъ на меня, но какъ-то мимо меня, сквозь меня и черезъ меня, далеко, въ другой мѣръ. Я замѣтилъ, что у него сѣрые глаза. Онъ не двигалъ своимъ лицомъ и не смѣялся. Когда я снялъ его руку со своего лба и сказалъ: „Нѣтъ, ступай прочь!“ — онъ медленно принялъ свою руку. Въ тѣ минуты, что онъ сидѣлъ на моей кровати, онъ ни разу не мигнулъ.

Нѣсколько мѣсяцевъ спустя, когда снова наступила зима, и я снова уѣхалъ изъ дому, я нѣкоторое время прожилъ у купца В., которому я помогалъ въ лавкѣ и въ конторѣ. Тутъ я долженъ былъ встрѣтить въ послѣдній разъ того человѣка.

Разъ вечеромъ иду я навѣрхъ въ свою комнату, зажигаю лампу и раздѣваюсь. Я хочу, какъ обыкновенно, выставить свои башмаки за дверь, я беру башмаки въ руки и раскрываю дверь.

Въ коридорѣ, какъ разъ передо мной, стоитъ рыжебородый человѣкъ.

Я знаю, что въ сосѣдней комнатѣ есть люди, потому мнѣ не страшно. Я бормочу громко: „Ты опять пришелъ сюда!“ Вслѣдъ за этимъ, человѣкъ снова раскрываетъ свой большой ротъ и начинаетъ смѣяться. Это на меня не производитъ ужасающаго впечатлѣнія; но на этотъ разъ я смотрѣлъ внимательнѣе: недостающій зубъ былъ на своемъ мѣстѣ.

Быть можетъ кто-нибудь зарылъ его въ землю. Или онъ въ этомъ году раскрошился, обратился въ пыль и соединился съ прочей пылью, съ которой былъ разъединенъ. Богъ его знаетъ! Человѣкъ закрылъ ротъ, пока я еще стоялъ въ дверяхъ, повернулся и спустился внизъ по лѣстницѣ, гдѣ онъ и исчезъ въ глубинѣ.

Съ тѣхъ поръ я никогда больше не видалъ его. А теперь прошло много лѣтъ...

Этотъ человѣкъ, этотъ рыжебородый посланецъ изъ страны смерти, принесъ очень много вреда мнѣ тѣмъ, что ввелъ этотъ неописуемый ужасъ въ мою дѣтскую жизнь. Не одно видѣніе я видѣлъ, не одно странное столкновение имѣлъ я съ необъяснимымъ, — но ничто на меня не подѣйствовало такъ сильно, какъ это.

И все-таки, быть можетъ, не одинъ только вредъ принесъ онъ мнѣ. Эта мысль часто мнѣ приходила въ голову. Я могу себѣ представить, что это было одной изъ первыхъ причинъ того, что я выучился стискивать зубы и быть твердымъ. Мнѣ это не разъ пригодилось въ послѣдующей моей жизни.

IV.

Въ преріи.

Все лѣто 1887 года я работалъ въ одномъ отдѣленіи безконечной фермы Дальрумплъ въ долинѣ Красной рѣки, въ Америкѣ. Кромѣ меня тамъ было два другихъ норвежца, одинъ шведъ, десять-двѣнадцать ирландцевъ, и нѣсколько американцевъ. Насъ было всего на всего двадцать человѣкъ въ нашемъ маленькомъ отдѣленіи — незначительная часть сотенъ рабочихъ на этой фермѣ.

Зелено-желтая и безмѣрная, какъ море, лежала прерія. Ни одного дома не было видно, кромѣ нашихъ конюшенъ и сараевъ, гдѣ мы спали посреди прерій. Тамъ не росло ни дерева, ни куста, только пшеница и трава, только пшеница и трава, насколько хватить глазъ можетъ. Тамъ не было и цвѣтовъ, только тамъ и сямъ, среди пшеницы, встрѣчались желтые гроздья дикой горчицы, — единственный цвѣтокъ преріи. Это растеніе было запрещено закономъ, мы выпалывали его съ корнемъ, отвозили домой, сушили и сжигали.

И не пролетала ни одна птица, не было никакой жизни, только волны пшеницы въ вѣтрѣ, и единственный звукъ, который мы слышали, была вѣчная трескотня миллионныхъ стрекозъ,—единственное пѣніе преріи.

Мы жаждали какой-нибудь тѣни. Когда телѣга съ обѣденной ѣдой выѣзжала къ намъ около полдня, мы ложились на животъ подъ лошадей, чтобы быть хоть сколько-нибудь въ тѣни въ то время, какъ мы уплетали обѣдъ. Часто солнце было раскаленное. Мы ходили въ шляпѣ, рубашкѣ, панталонахъ и башмакахъ. Это было все, и меньше не могло бы быть, иначе мы были бы сожжены. Если на примѣръ во время работы прoderешь себѣ дыру на рубашкѣ, солнце прожигало это мѣсто и на кожѣ вздувался пузырь.

Во время жатвы пшеницы мы работали до шестнадцати часовъ въ день. Десять косилокъ ѣздили одна за другой, изо дня въ день, по одному и тому же полю. Когда одинъ четырехугольникъ былъ скошенъ, мы ѣхали на другой, и скашивали его. И такъ дальше, все дальше, между тѣмъ какъ десять человѣкъ шли за нами и складывали снопы въ копны. И высоко на конѣ, съ револьверомъ въ рукахъ, не отрывая глазъ отъ нашихъ пальцевъ, сидѣлъ надсмотрщикъ и наблюдалъ за нами. Онъ каждый день заганивалъ двухъ лошадей. Если случалось какое-нибудь несчастье, ломалась машина на примѣръ, онъ тотчасъ же былъ тутъ, управлялъ ее, или отсылалъ машину домой. Какъ бы онъ далеко ни былъ, но какъ только онъ замѣчалъ какой-нибудь непорядокъ, онъ былъ на мѣстѣ, и такъ какъ нигдѣ не было дорогъ, ему весь день приходилось скакать по густой пшеницѣ, такъ что лошади были въ мылѣ.

Когда наступили сентябрь и октябрь, днемъ было невыносимо жарко, а ночи стали очень холодны. Мы часто страшно зябли. И затѣмъ мы не высыпались; насъ часто будили въ три часа утра, когда еще было совсѣмъ темно.

Когда мы тогда, накормивъ лошадей и себя, проѣзжали длинную дорогу до мѣста работы, начинало наконецъ свѣтать, и мы могли видѣть, что намъ предстоитъ дѣлать. Затѣмъ мы зажигали копну пшеницы, чтобы растопить машинное масло, которое мы употребляли для смазки машинъ, мы сами грѣлись малость у огня, но уже черезъ нѣсколько минутъ мы должны опять влѣзть на машины.

У насъ никогда не было праздниковъ. Воскресенье проходило какъ понедѣльникъ. Но въ дождливую погоду, мы ничего не могли дѣлать, и тогда мы лежали на нарахъ. Мы играли въ „казино“, болтали между собой и спали.

Между нами былъ ирландецъ, который вначалѣ меня очень поразилъ, и Богъ его знаетъ, что это въ сущности былъ за человѣкъ. Въ дождливую погоду онъ всегда лежалъ и читалъ романы, которые онъ привезъ съ собой. Это былъ высокій, красивый молодчикъ, лѣтъ тридцати шести, и онъ говорилъ очень изысканнымъ языкомъ. Онъ говорилъ также и по-нѣмецки.

Этотъ человѣкъ явился на ферму въ шелковой рубашкѣ и продолжалъ все время работать въ шелковой рубашкѣ. Когда онъ снашивалъ одну, онъ надѣвалъ новую. Онъ не былъ хорошимъ работникомъ, у него не было настоящей „хватки“ въ работѣ, но онъ былъ человѣкъ примѣчательный.

Его звали Эвансъ.

Оба норвежца ничего собой не являли. Одинъ изъ нихъ сбѣжалъ, потому что онъ не могъ вынести работы; другой выдержалъ,—не даромъ онъ былъ изъ Вальдреса.

При молотѣбѣ мы всѣ искали мѣста возможно дальше отъ паровой машины; пыль, шелуху и песокъ несло, какъ снѣжные хлопья въ мятель, изо всѣхъ отверстій и со всѣхъ лопатъ машины. Нѣсколько дней я находился подъ самымъ огнемъ, затѣмъ я попросилъ надсмотрщика поставить меня на другое мѣсто, что онъ и сдѣлалъ. Онъ далъ мнѣ от-

личное мѣсто въ полѣ, гдѣ я долженъ былъ помогать при нагрузкѣ воевъ. Онъ никогда не забывалъ, что я съ самаго начала оказалъ ему любезность.

Это произошло слѣдующимъ образомъ.

У меня была форменная куртка со свѣтлыми пуговицами, которая сохранилась у меня съ того времени еще, когда я былъ кондукторомъ на конкѣ въ Чикаго. Эта куртка и эти блестящія пуговицы необычайно понравились надсмотрщику; онъ какъ ребенокъ любилъ все форменное, а здѣсь въ преріи ничего такого не было. Какъ то разъ я ему сказалъ, что онъ можетъ получить эту куртку. Онъ хотѣлъ заплатить мнѣ за нее, я только долженъ былъ назначить цѣну; когда я ему ее подарилъ, онъ объявилъ, что онъ очень мнѣ за нее благодаренъ. Въ концѣ жатвы онъ подарилъ мнѣ хорошую другую куртку, потому что онъ видѣлъ, что у меня никакой не было.

Изъ тѣхъ дней, когда я былъ приставленъ къ нагрузкѣ воевъ, я вспоминаю одинъ эпизодъ.

Пришелъ шведъ, чтобы отвезти возъ. На немъ были высокіе сапоги, въ голенища которыхъ были записаны штаны. Мы начали накладывать возъ. Онъ работалъ прямо какъ рубанокъ и мнѣ было очень трудно сдерживать его. Онъ торопился все больше и больше, и такъ какъ это меня подъ конецъ стало сердить, я сталъ тоже напрягать всѣ свои силы.

Каждая копна состояла изъ восьми сноповъ, и обыкновенно мы на вилу поднимали одинъ снопъ и подавали его на возъ, — теперь я поднималъ четыре. Я засыпалъ шведа снопами, покрылъ его ими форменно. Тутъ оказалось, что въ одномъ изъ сноповъ, который я подаль шведу сверху, находилась змѣя. Она проскользнула въ одно изъ его голенищъ. Я ничего этого не подозрѣвалъ, пока вдругъ не слышу отчаяннаго крика, и вижу, какъ шведъ летитъ съ воза внизъ, въ то время какъ изъ одного его сапога свѣ-

силась темная пятнистая змѣя. Она однако не укусила его и при паденіи на землю, она выпала изъ сапога, и съ быстрой молніи пропала въ полѣ. Мы оба преслѣдовали ее съ нашими вилами, но не могли ее найти. Оба мула, запряженные въ возъ, дрожали всѣмъ тѣломъ.

Я такъ и слышу крикъ шведа, и вижу въ ясномъ воздухе, какъ онъ летитъ внизъ съ воза.

Потомъ мы согласились съ нимъ на будущее время, что онъ будетъ работать болѣе резонно, а я буду подавать не болѣе одного снопа заразъ.

Мы пахали, сѣяли, косили сѣно, убирали его, жали пшеницу, молотили ее, — теперь мы кончили, и должны были получить расчетъ. Съ легкимъ сердцемъ и съ деньгами въ карманѣ, мы отправились—человѣкъ двадцать—въ ближайшій городъ въ преріяхъ, чтобы сѣсть на поѣздъ и ѣхать на востокъ. Надсмотрщикъ провожалъ насъ, онъ хотѣлъ съ нами выпить на прощанье, и онъ надѣлъ куртку со свѣтлыми пуговицами.

Кто никогда не присутствовалъ при прощаньи смѣны рабочихъ въ преріи, тотъ не можетъ себѣ представить, какъ сильно при этомъ пьютъ. Каждый по очереди угощаетъ въ круговую, — это составляетъ двадцать стакановъ на человека. Но если вы думаете, что тутъ этому и конецъ, то очень ошибаетесь, потому что между нами, видитъ Богъ, были джентльмены, которые въ свой чередъ ставятъ пять круговыхъ сразу. И Боже упаси того хозяина, который попробовалъ бы возражать противъ такой неумѣренности. Онъ бы сейчасъ былъ выставленъ изъ-за стойки. Такая ватага лѣтнихъ рабочихъ сокрушаетъ все, что встрѣчается ей на дорогѣ. Она уже послѣ пятого стакана завладѣваетъ городомъ, и съ той минуты она царитъ тамъ полновластно. Мѣстная полиція безсильна. Она приходитъ въ соглашеніе съ рабочими и пьетъ съ ними. И два дня, по крайней мѣрѣ, пьютъ, двѣ ночи играютъ, и дерутся, и веселятся.

Между собой рабочіе были чрезвычайно любезны. Въ теченіе лѣта любовь между нами была такъ себѣ; но теперь, при прощаньи, все зло было забыто. Чѣмъ больше мы пили, тѣмъ шире становились наши сердца, мы угощали другъ друга, пока мы почти не падали и наши чувства не гнали насъ другъ другу въ объятія. Поваръ, старый, горбатый человекъ съ бабьимъ голосомъ, безъ бороды, икая, повѣрялъ мнѣ по-норвежски, что и онъ тоже норвежецъ, какъ я, и что причина, почему онъ раньше не открывался, было общее презрѣніе янки къ норвежцамъ. Онъ слышалъ нѣрѣдко, какъ мы съ другимъ норвежцемъ во время обѣдовъ говорили о немъ, и онъ понималъ каждое слово, но теперь все должно быть забыто и прощено, потому что мы славные малые. Да, онъ потомокъ храбрыхъ сыновъ старой Норвегіи, и онъ рожденъ 22 іюля 1845 года въ Іовѣ. И потому, намъ надо быть добрыми друзьями и партнерами, пока норвежская рѣчь льется изъ нашихъ устъ. — Мы обнялись съ поваромъ. Никогда наша дружба не должна была кончиться. Всѣ рабочіе обнимались, мы бросались другъ другу въ объятія, и плясали отъ восторга.

У насъ было обыкновеніе говорить другъ другу: „Что ты хочешь пить теперь? Здѣсь нѣтъ ничего достаточно хорошаго для тебя“. Мы сами шли за стойку, чтобы розыскать самага деликатнаго. Мы доставали примѣчательныя бутылки съ верхнихъ полокъ, бутылки съ великолѣпными ярлыками, которыя стояли главнымъ образомъ тамъ для вида, содержимое ихъ мы разливали другъ другу въ стаканы, и платили за это до смѣшного дорого.

Эвансъ былъ мастеромъ заказывать круговыя. Его послѣдняя шелковая рубашка имѣла теперь жалкій видъ, яркія краски уничтожило солнце и дождь, и рукава были сильно потерты. Но самъ Эвансъ стоялъ высокій и гордый между нами и авторитетно заказывалъ одну круговую за другой. Ему принадлежалъ кабакъ, ему принадлежалъ весь

міръ. Мы, прочіе, обыкновенно затрачивали три доллара на круговую, Эвансъ, коротко и ясно, спрашивалъ, нельзя ли получить круговую за шесть долларовъ. Потому что въ этомъ жалкомъ сараѣ не было ничего достаточно хорошаго для такихъ господъ, которые съ нимъ, говорилъ онъ. Тогда мы обращались къ примѣчательнымъ бутылкамъ на верхнихъ полкахъ, чтобы получить достаточно дорогой товаръ. Въ своей чрезмѣрной любезности, Эвансъ отвелъ меня въ сторону, и сталъ уговаривать меня пойти съ нимъ на зиму въ лѣса Висконсина, на порубку. Какъ только онъ обзаведется нѣсколькими новыми рубашками, парой панталонъ, и нѣсколькими романами, онъ опять уйдетъ въ лѣса, гдѣ останется до весны. А съ наступленіемъ весны онъ опять отправится куда-нибудь въ преріи. Въ этомъ его жизнь. Двѣнадцать лѣтъ онъ дѣлилъ свою жизнь между преріей и лѣсомъ, и онъ такъ къ этому привыкъ, что теперь это какъ-то не могло быть иначе.

Но когда я его спросилъ, что собственно его толкнуло на эту дорогу, онъ не отвѣтилъ, — какъ обыкновенно пьяные это дѣлаютъ, — длинной печальной исповѣдью, какъ все это вышло, но только однимъ словомъ.

— Обстоятельства.

— Какъ такъ? — спросилъ я.

— Обстоятельства, — повторилъ онъ и больше ничего не хотѣлъ сказать.

Позднѣе вечеромъ я увидалъ его въ смежной комнатѣ кабака, гдѣ играли въ кости. Эвансъ терялъ. } Онъ былъ довольно пьянъ, и деньги для него не имѣли цѣны. Когда я вошелъ, онъ показалъ мнѣ нѣсколько бумажекъ и сказалъ:

— У меня еще есть деньги! Посмотри-ка!

Нѣкоторые совѣтовали ему кончить игру; нѣкоторые земляки, одинъ ирландецъ, по имени О-Бріэнъ, говорилъ, что ему эти деньги нужны будутъ на желѣзнодорожные билеты. Это обидѣло Эванса.

— Нѣтъ, деньги на дорогу ты мнѣ дашь займы,—сказалъ онъ.

О-Бріэнъ рѣзко отказалъ ему, и вышелъ изъ комнаты. Это раздражило Эванса. Онъ поставилъ сразу всѣ деньги, и потерялъ ихъ. Онъ спокойно отнесся къ этому. Онъ закурилъ сигару и сказалъ мнѣ, улыбаясь:

— А ты одолжишь мнѣ денегъ на дорогу?

Я былъ нѣсколько отуманенъ свинскимъ виномъ, что стояло на верхнихъ полкахъ, я растегнулъ мою куртку и протянулъ Эвансу мой бумажникъ со всѣмъ, что въ немъ было. Я сдѣлалъ это, чтобы показать ему свою готовность одолжить ему денегъ на дорогу, и предоставилъ ему взять, сколько ему надо было. Онъ посмотрѣлъ на меня и на бумажникъ. Странное движеніе прошло по его лицу, онъ открылъ бумажникъ и увидалъ, что тутъ были всѣ мои деньги. Когда онъ опять повернулся ко мнѣ, я только кивнулъ ему.

Онъ не такъ понялъ меня. Онъ подумалъ, что я предоставляю ему всѣ деньги.

— Благодарю тебя,—сказалъ онъ.

И къ моему величайшему испугу, онъ поставилъ изъ моихъ денегъ, и началъ вновь играть.

Сначала я хотѣлъ его удержать, потомъ передумалъ. Пусть его истратитъ свои дорожныя деньги на что хочетъ, подумалъ я про себя. А если онъ проиграетъ больше, я возьму остальные назадъ.

Но Эвансъ не терялъ больше. Онъ какъ будто разомъ сталъ трезвъ и игралъ опредѣленно и быстро. Довѣріе, которое я ему оказалъ въ присутствіи столькихъ товарищей, преобразило его. Высокій и молчаливый, сидѣлъ онъ на бо-ченкѣ съ виски, который ему служилъ стуломъ, и онъ ставилъ, и забиралъ свои выигрыши. Если онъ терялъ, то слѣдующую ставку онъ удваивалъ; онъ потерялъ три раза подрядъ, и каждый разъ удваивалъ ставку, въ концѣ концовъ онъ отыгралъ всю сумму полностью. Тогда онъ поставилъ

сразу пять долларовъ, и сказалъ, что, если онъ теперь выиграетъ, то онъ перестанетъ играть.

Онъ потерялъ.

И онъ продолжалъ играть.

По истеченіи часа, онъ вернулъ мнѣ мой бумажникъ съ деньгами; во время игры онъ велъ точный счетъ моимъ деньгамъ. У него самого опять была куча бумажекъ. Онъ игралъ дальше. Вдругъ онъ поставилъ все, что у него было. Говоръ пробѣжалъ по комнатѣ среди насъ.

Эвансъ сказалъ:

— Выиграю я, или проиграю, но больше играть не буду!

Онъ выигралъ.

Эвансъ всталъ.

— Потрудитесь заплатить,—сказалъ онъ.

— Завтра,—отвѣтилъ банкиръ,—сегодня у меня нѣтъ достаточно. Завтра я какъ-нибудь справлюсь.

Эвансъ сказалъ:

— Хорошо, такъ завтра!

Когда мы хотѣли уходить, въ комнату вошло нѣсколько человѣкъ, тяжело стуча ногами. Они несли изуродованный трупъ. Это былъ О-Бріэнъ, ирландецъ, тотъ самый, который отказался дать займы Эвансу денегъ на дорогу. Его только что переѣхалъ поѣздъ, нагруженный пшеницей, ему отрѣзало обѣ ноги, одну высоко у бедра. Онъ былъ мертвъ. Когда онъ вышелъ изъ комнаты, онъ прямо изъ темноты попалъ подъ колеса вагона. Трупъ положили на землю и покрыли.

Потомъ мы всѣ отыскивали себѣ ночлегъ, гдѣ могли найти его, нѣкоторые легли въ кабакъ на полу. Рабочій изъ Вальдреса и я нашли пріютъ въ городѣ.

На утро пришелъ Эвансъ въ городъ.

— Получилъ ты отъ банкира свои деньги? — спросилъ я.

— Нѣтъ еще,—отвѣтилъ Эвансъ.—Я былъ въ полѣ, копалъ яму для нашего товарища.

Мы похоронили О-Бріэна нѣсколько всторонѣ отъ города, въ ящикѣ, который мы достали въ одномъ домѣ. Такъ какъ трупъ былъ коротко обрѣзанъ, размѣръ ящика подошелъ, слава Богу. Мы не пѣли, не произносили молитвъ, но мы были всѣ въ сборѣ и съ минуту всѣ постояли съ обнаженными головами.

Тѣмъ церемонія и кончилась.

Но, когда Эвансъ хотѣлъ получить свои выигранныя деньги, оказалось, что лопнувшій банкиръ исчезъ.

И это тоже Эвансъ принялъ съ тѣмъ самымъ спокойствіемъ, какъ и все другое. У него еще было много денегъ, онъ могъ купить себѣ билетъ на дорогу, рубашки, панталоны, и романы. Такимъ образомъ Эвансъ былъ обезпеченъ на зиму.

Мы оставались еще до вечера слѣдующаго дня въ городѣ. Мы вели ту же жизнь и выпили все, что было въ кабацѣ. Многіе изъ рабочихъ не имѣли больше ни гроша, когда покинули это мѣсто, и такъ какъ имъ не на что было взять билетъ, они прокрадывались въ товарные вагоны, гдѣ зарывались въ пшеницу.

Но старому, горбатому повару, норвежцу изъ Іовы, при этомъ плохо пришлось. Удачно и незамѣтно онъ влѣзъ въ пшеницу, но тамъ онъ не могъ тихо лежать, спяща онъ началъ распѣвать своимъ бабьимъ голосомъ скверныя пѣсни. Его нашли и выбросили вонъ. А когда этого человѣчка обыскали, на немъ нашли такъ много денегъ, что онъ свободно могъ взять билеты для всѣхъ насъ, подлецы!

Мы разсѣялись на всѣ четыре стороны. Рабочій изъ Вальдреса купилъ тиръ въ одномъ городѣ, въ Миннесотѣ, а поваръ поѣхалъ на западъ, на берегъ Тихаго океана. А Эвансъ вѣрно до сихъ поръ ходитъ въ своихъ шелковыхъ рубашкахъ и соритъ деньгами, полными пригоршнями разсы-

паетъ ихъ. Каждое лѣто онъ въ преріи убираетъ пшеницу а каждую зиму онъ въ лѣсахъ Висконсина рубитъ деревья. Въ этомъ его жизнь.

Жизнь, которая, быть можетъ, такъ же хороша, какъ и всякая другая.

V.

Лекція.

Я хотѣлъ въ Драмменѣ прочесть лекцію о современной литературѣ. Я рѣшился этимъ способомъ получить весьма желательный мнѣ доходъ, и это могло произойти, не причиняя мнѣ особенныхъ усилій. Итакъ, въ одинъ прекрасный день, въ концѣ лѣта, я сидѣлъ въ поѣздѣ по дорогѣ въ этотъ милый городъ. Это было въ 1886 году.

Я не зналъ ни одной души въ Драмменѣ, и никто не зналъ меня. Въ газетахъ я тоже не объявлялъ о моей лекціи, но вначалѣ лѣта, когда я былъ при деньгахъ, я напечаталъ пятьсотъ визитныхъ карточекъ, которыя я теперь хотѣлъ разослать по гостиницамъ, трактирамъ и крупнымъ лавкамъ, чтобы обратить вниманіе людей на это событіе. Правда, карточки вышли не совсѣмъ въ моемъ вкусѣ; мое имя было невѣрно напечатано, но при нѣкоторомъ желаніи, все же можно было разобрать, что это должно было быть мое имя, и кромѣ того, мое имя такъ абсолютно было неизвѣстно, что нѣкоторое искаженіе его не дѣлало разницы.

Въ то время какъ я сидѣлъ въ поѣздѣ, я провѣрялъ свое состояніе. Это нисколько не умалило моего мужества. Я привыкъ побѣждать многія затрудненія съ небольшими деньгами или совсѣмъ безъ нихъ. Во всякомъ случаѣ я и теперь не былъ достаточно богатъ, чтобы выступать такъ, какъ это соотвѣтствовало моему тонкому эстетическому предпріятію въ этомъ чужомъ городѣ, но съ нѣкоторой бе-

режливостью все же можно было привести въ исполненіе свое намѣреніе. Только никакихъ чрезмѣрныхъ затѣй! Что касается ѣды, я бы могъ вечеромъ въ сумерки прокрасться въ погребокъ и тамъ поѣсть, а относительно помѣщенія въ гостиницѣ, я бы могъ поискать „комнаты для пріѣзжающихъ“. Какіе же еще у меня могли быть расходы?

Я сидѣлъ въ поѣздѣ и заучивалъ мою лекцію. Я хотѣлъ говорить объ Александрѣ Кьелландѣ.

Мои спутники, нѣсколько веселыхъ мужиковъ, которые были въ Христіаніи, угощались изъ бутылки, которая переходила изъ рукъ въ руки, предложили выпить и мнѣ, но я поблагодарилъ и отказался. И потомъ они, на манеръ пьяныхъ и доброжелательныхъ людей, дѣлали всякія попытки къ сближенію, но я не пошелъ на это. Въ концѣ концовъ они кажется поняли изъ всей моей манеры держаться, и изъ тѣхъ замѣтокъ, которыя я дѣлалъ, что я ученый человѣкъ, голова котораго наполнена разными разностями, и оставили меня въ покоѣ.

По прибытіи въ Драмменъ я вышелъ изъ вагона, и положилъ свою дорожную сумку на скамью. Я хотѣлъ нѣсколько придти въ себя, прежде чѣмъ отправиться въ городъ. Дорожная сумка въ сущности была безъ употребленія, я только взялъ ее съ собой, потому что слышалъ, что легче вѣхаться въ комнату и выѣхать изъ нея, если съ собой есть „багажъ“. Эта жалкая дорожная сумка, изъ ковровой матеріи, была межъ тѣмъ до того потерта отъ старости и употребленія, что она не была достойна даже путешествующаго литератора, а мое собственное платье, — темно-синій пиджакъ, — имѣло нѣсколько болѣе приличный видъ.

Слуга изъ гостиницы, съ буквами на фуражкѣ, подошелъ ко мнѣ и хотѣлъ понести мою сумку.

Я отказался. Я объяснилъ ему, что я не принялъ еще никакого рѣшенія относительно гостиницы, я хотѣлъ толь-

ко разыскать нѣсколькихъ редакторовъ въ городѣ, и что я намѣреваюсь читать лекціи о литературѣ.

Но гостиница мнѣ все же нужна, нужно мнѣ гдѣ-нибудь жить? Его гостиница несомнѣнно лучшая въ своемъ родѣ. Электрическіе звонки, ванны, салонъ для чтенія. „Она тутъ совсѣмъ вблизи, по этой улицѣ вверхъ и сейчасъ налѣво“.

Онъ схватилъ мою сумку.

Я не далъ ее.

Что же я самъ понесу свой багажъ въ гостиницу?

Да, конечно. Я случайно иду тою же дорогой, какъ мой багажъ, такъ я могу его повѣсить на мизинецъ и онъ пойдетъ со мной.

Тутъ человѣкъ этотъ посмотрѣлъ на меня и вдругъ понялъ, что я не настоящій баринъ. Онъ снова поплелся внизъ, къ поѣзду, высматривать другихъ пріѣзжихъ. А такъ какъ другихъ не было, онъ вернулся ко мнѣ, чтобы снова начать со мной переговоры. Въ заключеніе онъ высказалъ мнѣ даже, что онъ на вокзалѣ собственно пошелъ только изъ-за меня.

Да, это конечно мѣняло вопросъ. Человѣкъ этотъ, быть можетъ, былъ посланъ изъ какого-нибудь комитета, который узналъ о моемъ прибытіи, можетъ быть отъ Союза Рабочихъ. Очевидно въ Драмменѣ была очень оживленная умственная жизнь, большая потребность въ хорошихъ лекціяхъ, весь городъ въ лихорадочномъ волненіи. Я не очень даже зналъ, не стоитъ ли въ этомъ отношеніи Драмменъ выше Христіаніи.

— Конечно, возьмите мой багажъ, — сказалъ я человѣку.

— И потомъ, что мнѣ пришло въ голову, вѣдь въ вашей гостиницѣ есть вино, подается вино къ столу?

— Вино? Самыхъ лучшихъ марокъ!

— Хорошо, вы можете идти. Я приду за вами. Мнѣ надо сдѣлать нѣсколько визитовъ въ редакціи.

Человѣкъ этотъ показался мнѣ весьма свѣдущимъ, поэтому я спросилъ его совѣта:

— Кого бы изъ редакторовъ вы мнѣ рекомендовали? Мнѣ не хочется разыскивать всѣхъ.

— Арентсенъ самый важный, очень благородный господинъ. Къ нему всѣ обращаются.

* * *

Редактора Арентсена конечно не оказалось въ редакціи; я отыскалъ его на дому. Я разъяснилъ ему, въ чемъ дѣло, вопросъ шелъ о литературѣ.

— Да, но здѣсь мало интересуются подобнымъ. Въ прошломъ году здѣсь былъ студентъ шведъ и говорилъ о вѣчномъ мирѣ, но ему пришлось приплатить изъ своихъ денегъ.

— Я буду говорить о литературѣ, — сказала я.

— Да, я васъ понялъ, — отвѣтилъ редакторъ, — но я хочу обратить ваше вниманіе на то, что и вамъ придется приплатить.

— Мнѣ приплатить!

Господинъ Арентсенъ былъ великолѣпенъ. Можетъ быть, онъ вообразилъ себѣ, что я путешествую отъ какой-нибудь фирмы. Я коротко сказалъ:

— Не знаете ли вы, не свободна ли большая зала Рабочаго Союза?

— Нѣтъ, — отвѣтилъ редакторъ, — помѣщеніе это снято на завтрашній вечеръ. Тамъ будутъ показывать антиспиритическіе фокусы. Кромѣ того, тамъ есть обезьяны и дикіе звѣри. Изъ другихъ помѣщеній я могу вамъ указать только на павильонъ въ паркѣ.

— А вы бы мнѣ рекомендовали это помѣщеніе?

— Это большое, просторное помѣщеніе. Цѣна? Объ этомъ я ничего не могу сказать, но вамъ навѣрно отдадутъ его очень дешево, вамъ надо переговорить съ Дирекціей.

Я рѣшился снять павильонъ въ паркѣ. Это было какъ

разъ подходящее помѣщеніе. Залы Рабочаго Союза обыкновенно малы и неудобны. А кто въ Дирекціи?

Стряпчій Карлсенъ, скорнякъ Г. и книжный торговецъ Ф.

Я отправился къ стряпчему Карлсену. Онъ жилъ на дачѣ, я шелъ и шелъ, и наконецъ пришелъ. Я объяснилъ ему, въ чемъ мое дѣло, и попросилъ его отдать мнѣ павильонъ въ паркѣ. Онъ, должно быть, очень хорошо приспособленъ къ такимъ рѣдкимъ предпріятіямъ, какъ лекціи по литературѣ.

Стряпчій подумалъ, потомъ покачалъ головой.

— Нѣтъ? Что же, помѣщеніе слишкомъ велико? Но это было бы такъ жалко, если бы публикѣ пришлось вернуться изъ-за недостатка мѣстъ!

Стряпчій высказался точнѣе. Онъ бы могъ только отсоединить предпринимать это. Тутъ такъ мало интересуются подобнымъ. Тутъ одинъ студентъ шведъ захотѣлъ тоже читать лекцію...

— Да, но онъ говорилъ о вѣчномъ мирѣ, — возразилъ я, — а я буду говорить о литературѣ, объ изящной литературѣ.

— И кромѣ того, вы выбрали неудачное время, продолжалъ господинъ Карлсенъ. Въ Рабочемъ Союзѣ объявлено какъ разъ антиспиритическое представленіе, и тамъ есть обезьяны и дикіе звѣри.

Я улыбнулся и посмотрѣлъ на этого человѣка. Казалось, онъ вѣрилъ въ то, что говорилъ, и я понялъ, что онъ безнадеженъ.

— Сколько вы желаете получить за павильонъ въ паркѣ? — спросилъ я коротко.

— Восемь кронъ, — отвѣтилъ онъ. А вообще намъ павильона въ паркѣ долженъ быть рѣшенъ въ Собраніи Директоровъ. Черезъ нѣсколько дней вы можете полу-

чить отвѣтъ, но я думаю, что я уже теперь могу обѣщать вамъ это помѣщеніе.

Быстро какъ молнія пронеслось у меня соображеніе: два дня ожиданія, расчелъ я, будутъ мнѣ стоить три кроны, паркъ стоилъ восемь, это было одиннадцать, продавецъ билетовъ получаетъ одну крону, и того двѣнадцать кронъ. Двадцать четыре слушателя по пятидесяти эръ покрывали расходы, а остальные сто или двѣсти человѣкъ, которые придутъ, это будетъ чистый доходъ!

Я согласился. Павильонъ былъ нанятъ.

* * *

Я отыскалъ гостиницу и вошелъ. Горничная спросила меня:

— Желаетъ ли господинъ комнату въ первомъ или во второмъ этажѣ?

Я отвѣтилъ спокойно, не стѣсняясь:

— Я желаю дешевую комнату, самую дешевую комнату, какая у васъ имѣется.

Горничная осмотрѣла меня. Что я, шутникъ, что забавы ради говорю я о дешевыхъ комнатахъ. Развѣ я не тотъ господинъ, который спрашивалъ у слуги, подается ли вино у нихъ къ столу? Или я только представляюсь такимъ, чтобы не приводить въ смущеніе гостиницу? — Она растворила дверь. Я отшатнулся.

— Да, эта комната свободна, — сказала она, — она для васъ оставлена. Вашъ багажъ уже здѣсь. Пожалуйста.

Отступленія не было. Я вошелъ. Это былъ наряднѣйшій салонъ гостиницы.

— А гдѣ кровать?

— Вотъ, диванъ, тутъ неудобно, чтобы стояла кровать. На ночь диванъ раскладывается и постель дѣлается.

Горничная удалилась.

Я пришелъ въ очень дурное расположеніе духа. И моя несчастная дорожная сумка стояла въ этой элегантной об-

становкѣ. И какъ ужасно выглядѣла моя обувь послѣ долгихъ странствованій по проѣзжей дорогѣ. Словомъ, я выругался.

Немедленно горничная просунула голову въ дверь и спросила:

— Что господинъ приказываютъ?

Господи Боже мой, даже ругнуться нельзя, дабы облегчить свою душу, чтобы тотчасъ же не сбѣжалось цѣлое множество слугъ.

— Нѣтъ, ничего, — отвѣтилъ я угрюмо. — Да, — принесите мнѣ два бутерброда.

Она смотритъ на меня.

— А горячаго не желаете?

— Нѣтъ.

Она поняла... желудокъ... теперь весна... у меня былъ приступъ.

Когда она вернулась съ бутербродами, она принесла и карту винъ. Это дрессированное созданіе весь вечеръ не оставляло меня въ покоѣ:

— Прикажете согрѣть постель? У насъ есть ванная, если вамъ угодно.

Когда наступило утро, я нервно вскочилъ съ постели и началъ одѣваться. Я озябъ; конечно, этотъ проклятый диванъ былъ для меня слишкомъ коротокъ, и я плохо спалъ. Я позвонилъ. Никто не приходилъ. Должно быть, было еще очень рано, я не слышалъ ни звука съ улицы, и когда я нѣсколько опомнился, я увидалъ, что еще не совсѣмъ разсвѣло.

Я осмотрѣлъ комнату, это была великолѣпнѣйшая комната, какую я когда-либо видѣлъ. Темныя предчувствія возникали во мнѣ, и я снова позвонилъ. Я стоялъ по-щиколку въ мягкомъ коврѣ и ждалъ. Теперь у меня отнимутся послѣдніе гроши, а можетъ быть и ихъ не хватитъ. Я торопливо сталъ подсчитывать, сколько у меня собственно денегъ; вдругъ слышу шаги въ коридорѣ, я остановился.

Но никто не приходилъ. Шаги въ коридорѣ были моимъ воображеніемъ.

Я началъ снова считать. Въ какой ужасной неизвѣстности я находился! Куда дѣвалась вчерашняя горничная съ ея навязчивыми услугами? Еще спала лѣнтяйка, хотя уже было совсѣмъ свѣтло.

Наконецъ она явилась, наполовину одѣтая, съ однимъ платкомъ на плечахъ.

— Вы звонили?

— Подайте мнѣ счетъ, — сказалъ я какъ можно спокойнѣе.

— Счетъ? Да, это не такъ просто, хозяйка еще спитъ, время-то еще только половина третьяго. Горничная стояла безпомощно, и неподвижно смотрѣла на меня. Что за манера такъ паялить глаза? Что ей за дѣло до того, что я хочу покинуть гостиницу такъ рано?

— Это все равно, — сказалъ я, — мнѣ нуженъ счетъ сейчасъ.

Горничная ушла.

Она не возвращалась цѣлую вѣчность. Что особенно усилило мое безпокойство, это былъ страхъ, что комнату могли считать по часамъ, а я стоялъ здѣсь и терялъ свои деньги въ напрасномъ ожиданіи. Я не имѣлъ опыта относительно жизни въ роскошныхъ гостиницахъ, и находилъ такой расчетъ самымъ разумнымъ. Кромѣ того, надъ умывальникомъ висѣло объявленіе, на которомъ стояло, что, если не предупреждали объ отъѣздѣ до шести часовъ вечера, то надо было оплатить слѣдующій день. Все это исполнило меня страхомъ и спутало мою литературную голову.

Наконецъ горничная постучала въ дверь и вошла.

Никогда—нѣтъ, никогда въ жизни, я не забуду судьбѣ этой насмѣшки надо мной! Двѣ кроны семьдесятъ эръ, и это было все! Пустякъ на чай, который я могъ дать горничной на булавки! Я бросилъ нѣсколько кронъ на столъ

и еще одну. „Оставьте себѣ остальное! Пожалуйста, милочка“.

Надо же было показать, что знаешь обращеніе. Ужъ не говоря о томъ, что эта горничная заслуживала признательности. Рѣдкая дѣвушка, сердечнѣйшее существо, которое попало сюда, въ эту гостиницу въ Драмменѣ, какъ добыча для произвола пріѣзжающихъ. Такія женщины больше не рождаются, раса ихъ вымерла. Какихъ только заботъ обо мнѣ не выказывала она до послѣдней минуты этого дня, когда она узнала, что имѣетъ дѣло съ богатымъ человѣкомъ.

— Слуга отнесетъ вашъ багажъ!

— Что тамъ, что тамъ! — отвѣтилъ я, чтобы ее не затруднять. — Такой пустякъ, какъ эта дорожная сумка. Да притомъ такая скверная сумка. Но, видите ли вы, эта сумка ѣздитъ со мной во всѣхъ моихъ литературныхъ поѣздкахъ; я не хочу никакой другой. Это такая моя особенность.

Но никакія отговорки не помогли, слуга ждалъ уже, внизу. Онъ посмотрѣлъ пронизывающе на сумку, когда я сошелъ. Ахъ, какъ только человѣкъ можетъ смотрѣть на дорожную сумку и жадать ее схватить!

— Я ее отнесу, — сказалъ онъ.

Развѣ мнѣ самому не нуженъ былъ остатокъ моихъ денегъ? Могъ ли я разсчитывать на какой-нибудь сборъ съ моей лекціи? Поэтому я хотѣлъ самолично нести свою сумку.

Но слуга уже схватилъ ее. Этотъ заботливый человѣкъ, казалось, не испытывалъ никакого труда, онъ какъ будто не думалъ о наградѣ, онъ несъ ее такъ простосердечно, какъ будто онъ могъ пойти на смерть за человѣкомъ, которому принадлежала такая сумка.

— Стой! — вскрикнулъ я и остановился. — Куда вы собственно несете сумку?

Тутъ человѣкъ улыбнулся.

— Это вы сами должны рѣшить, — отвѣтилъ онъ.

— Совершенно вѣрно, — сказалъ я, — это я самъ долженъ

рѣшить. У меня нѣтъ ни малѣйшей охоты плясать по вашей дудкѣ.

Я ни подъ какимъ видомъ не хотѣлъ, чтобы онъ шелъ со мной. Мы прошли какъ разъ мимо „Комнатъ для прѣзжающихъ“ въ одномъ погребкѣ, и въ этомъ погребкѣ я и хотѣлъ остановиться. Но я не хотѣлъ имѣть слугу изъ конкурирующей гостиницы съ собой, я хотѣлъ одинъ спуститься туда.

Я вынулъ полъ-кроны изъ кармана и отдалъ ее слугѣ.

Онъ все еще стоялъ съ протянутой рукой.

— Я и вчера несъ вашу сумку,—сказалъ онъ.

— Это вамъ за вчерашнее,—возразилъ я.

— Но я и теперь ее несъ,—продолжалъ онъ.

Чортъ, онъ грабилъ меня!

— Это за сегодня,—сказалъ я и бросилъ ему еще полъ-кроны.—А теперь, надѣюсь, вы исчезнете!

Молодецъ ушелъ, но онъ нѣсколько разъ оглянулся и смотрѣлъ на меня.

Я пошелъ по улицѣ къ скамьѣ и сѣлъ. Было немного холодно, но, когда солнце взошло, стало лучше. Я заснулъ и проспалъ должно быть нѣсколько времени; когда я проснулся, было нѣсколько человѣкъ на улицѣ. Изъ разныхъ трубъ шелъ дымъ. Тогда я спустился въ погребокъ и сговорился съ хозяйкой относительно помѣщенія. За ночь мнѣ надо было заплатить полъ-кроны.

* * *

Когда прошло два дня ожиданія, я снова отправился къ стряпчему Карлсену на дачу. Онъ повторилъ свой совѣтъ отказаться отъ лекціи, но я не далъ себя уговорить; между тѣмъ я заплатилъ за то, чтобы въ газетѣ Арентсена помѣстить объявленіе, въ которомъ возвѣщалось о времени, мѣстѣ и темѣ.

Когда я тотчасъ же хотѣлъ заплатить за помѣщеніе,

чѣмъ я лишалъ себя послѣдняго гроша, этотъ странный человѣкъ сказалъ:

— Вы же успѣете заплатить послѣ лекціи.

Я не такъ понялъ его и почувствовалъ себя оскорбленнымъ.

— Вы можете быть думаете, что у меня нѣтъ восьми кронъ.

— Да, нѣтъ же, Боже мой,—отвѣтилъ онъ.— Но по правдѣ сказать неизвѣстно еще, что вамъ понадобится помѣщеніе, въ такомъ случаѣ вамъ не надо будетъ платить за него.

— Но я уже объявилъ о лекціи,—возразилъ я.

Онъ кивнулъ.

— Это я видѣлъ,—отвѣтилъ онъ.

Черезъ минуту онъ спросилъ:

— Вы бы стали говорить, если бы было не больше пятидесяти человѣкъ?

Въ душѣ я былъ нѣсколько обиженъ; но я подумалъ и сказалъ, что пятьдесятъ человѣкъ правда немногочисленная публика, но что я все же сталъ бы говорить.

— Но для десяти человѣкъ, вы бы не стали говорить.

Тутъ я громко засмѣялся.

— Нѣтъ, извините. Для всего есть границы!

Тогда мы не стали больше говорить объ этомъ, и я заплатилъ за помѣщеніе. Мы заговорили о литературѣ. Стряпчий мнѣ показался ужъ не такимъ безнадежнымъ, какъ при моемъ первомъ посѣщеніи, у этого человѣка были очевидно интересы, но его взгляды показались мнѣ, по сравненію съ моими, малозначущими.

Когда я простился съ нимъ, онъ пожелалъ мнѣ имѣть много слушателей на лекціи завтра вечеромъ.

Я вернулся въ мой погребокъ, исполненный самыхъ радужныхъ надеждъ. Теперь все было готово къ битвѣ. Уже съ утра я за полторы кроны нанялъ человѣка, который дол-

женъ былъ ходить по городу и разбросать пятьсотъ моихъ визитныхъ карточекъ. Теперь о событіи было извѣстно въ каждомъ домѣ, въ каждой хижинѣ.

Я пришелъ въ приподнятое настроеніе. Мысль о важномъ днѣ, который предстоялъ мнѣ, дѣлала мнѣ очень не-приятнымъ пребываніе въ погребкѣ съ его вульгарной публикой. Всѣ хотѣли знать, кто я такой и почему я тутъ живу. Хозяйка, женщина за прилавкомъ, объяснила, что я ученый человѣкъ, что я сижу цѣлый день и пишу и учусь, и она заботилась о томъ, чтобъ меня не мучали вопросами. Она мнѣ очень помогла. Люди, которые приходили въ этотъ погребокъ, были голодные, рабочіе и носильщики, въ блузахъ и съ короткими рукавами. Они спускались сюда, чтобы спросить себѣ чашку горячаго кофе, или кусокъ хлѣба съ масломъ и сыромъ. Иногда они становились не-приятны и угощали хозяйку грубостями, потому что сухари были слишкомъ стары или яйца слишкомъ малы. Когда они узнали, что я буду читать лекцію, они потребовали, чтобъ имъ сказали, сколько будетъ стоить входной билетъ; нѣкоторые изъ нихъ объяснили, что они охотно стали бы слушать мою рѣчь, но поль-кроны слишкомъ дорого, и они начали торговаться и просить меня уступить.

Я рѣшился не ронять своего достоинства передъ этими людьми; у нихъ же не было никакого образованія.

Рядомъ со мной занималъ комнату какой-то господинъ. Онъ говорилъ на какомъ-то ужасномъ шведско-норвежскомъ языкѣ, и хозяинъ называлъ его господиномъ директоромъ. Когда этотъ человѣкъ, важничая, появлялся среди насъ, онъ возбуждалъ величайшее вниманіе къ себѣ, между прочимъ и тѣмъ, что онъ своимъ носовымъ платкомъ смахивалъ пыль со стула, прежде чѣмъ сѣсть на него. Это былъ важный господинъ съ повадками богатаго человѣка; когда онъ желалъ получить бутербродъ, онъ каждый разъ спрашивалъ свѣжій хлѣбъ съ наилучшимъ масломъ.

— Это вы тотъ господинъ, что хочетъ читать лекцію?—спросилъ онъ меня.

— Да, это онъ,—отвѣтила хозяйка.

— Плохая афера,—продолжалъ г. директоръ, обращаясь ко мнѣ.—Вы же не объявляете! Развѣ вы не видѣли, какъ я объявляю?

Теперь выяснилось, кто былъ этотъ господинъ: анти-спиритъ, человѣкъ съ обезьянами и дикими звѣрями.

— Я объявляю на афишахъ вотъ какого размѣра,—продолжалъ онъ.—Я прилѣплю ихъ на каждомъ углу улицы, всюду, гдѣ я могу достать. Толстенными буквами. Вы видѣли мои буквы? На нихъ и картинки съ звѣрями.

— Моя лекція имѣетъ предметомъ изящную литературу,—ввернулъ я,—искусство, значить, духовные интересы.

— На это мнѣ наплевать,—возразилъ онъ и по своему нахальству онъ продолжалъ:

— Совсѣмъ бы другое дѣло было, если бы вы поступили ко мнѣ на службу. Мнѣ нуженъ человѣкъ, который пояснялъ бы звѣрей, всего бы лучше для этого мнѣ чужого человѣка, который неизвѣстенъ здѣсь въ городѣ. А то появится какой-нибудь знакомый, публика кричитъ: Ахъ, да вѣдь это Педерсенъ! Что онъ знаетъ о тропическихъ звѣряхъ.

Я съ молчаливымъ презрѣніемъ повернулся спиной къ этому человѣку. Я слишкомъ чувствовалъ свое превосходство, чтобы отвѣчать на такое нахальство.

— Обдумайте-ка это лучше,—сказалъ г. директоръ.—Обдумайте-ка. Я плачу пять кронъ за вечеръ.

Тогда я всталъ съ своего стула, не говоря ни слова, и оставилъ погребокъ. Я нашелъ, что это было единственное, что мнѣ оставалось дѣлать. Господинъ директоръ конечно боялся моей конкуренціи, я отвлеку публику со всего города; онъ хотѣлъ столкнуться со мной, подкупить меня. „Никогда“, сказалъ я самому себѣ; „никогда меня никто не

соблазнить отвернуться отъ моихъ духовныхъ интересовъ. Мой путь—идеаленъ!"

* * *

Прошелъ день и наступилъ вечеръ. Я тщательно почистилъ свое платье, надѣлъ чистое бѣлье и отправился по дорогѣ къ павильону, въ паркъ. Было шесть часовъ. Я съ большимъ усердіемъ заучилъ свою лекцію, голова моя была полна высокими и прекрасными словами, которыя я хотѣлъ произнести, и я мысленно переживалъ огромный успѣхъ, быть можетъ даже телеграфъ будетъ приведенъ въ движеніе, чтобы оповѣстить о сраженіи, которое я давалъ.

Шелъ дождь. Погода не слишкомъ благопріятствовала, но публику, интересующуюся литературой, не удержалъ бы небольшой дождь. Я же встрѣчалъ людей на улицѣ, одна пара за другой шла подъ однимъ зонтикомъ. Правда, меня поразило, что они шли не по тому направленію, что я, не къ павильону въ паркъ. Куда только шли они? Ахъ, это должно быть были низшіе слои населенія, чернь, которая отправлялась въ Рабочій Союзъ къ обезьянамъ.

Продавецъ билетовъ былъ на своемъ посту.

— Есть ужъ кто-нибудь?—спросилъ я.

— Нѣтъ еще,—отвѣтилъ онъ.—Но вѣдь еще добрыхъ полчаса до начала.

Я пошелъ въ залу, въ этомъ безмѣрномъ пространствѣ мои шаги раздавались какъ топотъ лошадей. Ахъ, Господи, если бы теперь былъ полный сборъ, если бы тутъ сидѣли голова къ головѣ дамы и мужчины, которые только бы ожидали оратора!—Ни души!

Я ждалъ эти долгіе полчаса; никто не пришелъ. Я пошелъ къ продавцу билетовъ и спросилъ его мнѣніе. Оно было нѣсколько сдержанно. И все же оно утѣшило меня. Мнѣніе продавца билетовъ было, что сегодня вечеромъ неподходящая погода для лекціи, въ такой проливной дождь

люди не выходятъ;—впрочемъ,—сказалъ онъ,—большую часть публики можно ожидать въ послѣднія минуты.

И мы стали ждать.

Наконецъ пришелъ чловѣкъ, промокшій и задыхавшійся, онъ взялъ билетъ за полъ-кроны и вошелъ.

— Теперь начинаютъ собираться,—сказалъ продавецъ билетовъ и кивнулъ мнѣ. — Этакая проклятая привычка у людей приходить массаами въ послѣднюю минуту.

Мы ждали. Никто больше не пришелъ. Наконецъ мой единственный слушатель покинулъ залъ и сказалъ:

— Этакая собачья погода.

Это былъ стряпчій Карлсенъ.

Теперь мнѣ стало стыдно, хотъ сквозъ землю провалиться.

— Я боюсь, сегодня вечеромъ никто не придетъ,—сказалъ онъ;—лѣтъ какъ изъ ведра. Онъ замѣтилъ мою смущенную фizioномію и прибавилъ: — да, я по барометру видѣлъ, онъ вдругъ такъ опустился! Поэтому я и отсовѣтовалъ вамъ читать лекцію.

Продавецъ билетовъ все еще хотѣлъ подбодрить меня:

— Подождемте все же еще полъ часа, — сказалъ онъ, — было бы чертовски странно, если бы въ концѣ концовъ не пришло еще двадцать, тридцать чловѣкъ.

— Я этого не думаю, — сказалъ стряпчій и застегнулъ свой дождевой плащъ. Кстати, — сказалъ онъ, обращаясь ко мнѣ, — вамъ не надо конечно платить за помѣщеніе.

Онъ снялъ шляпу, поклонился и ушелъ.

Продавецъ билетовъ и я подождали еще полъ часа и обсудили положеніе вещей. Положеніе было фатальное, и я почувствовалъ себя очень униженнымъ. Стряпчій кромѣ того оставилъ свои полъ кроны, которыя онъ долженъ былъ получить назадъ. Я хотѣлъ бѣжать за нимъ и отдать ему деньги, но продавецъ билетовъ удержалъ меня.

— Я оставлю себѣ эти полъ кроны, — сказалъ онъ. Тогда вы будете мнѣ должны еще только полъ кроны.

Но я далъ ему еще цѣлую крону. Онъ вѣроу и правдой служилъ мнѣ, и я хотѣлъ выразить ему мою признательность. Онъ искренно поблагодарилъ меня и протянулъ мнѣ руку на прощанье.

Какъ побитый я вернулся домой. Разочарованіе, пренебреженіе, выказанное мнѣ, почти парализовало меня. Я безвольно поплелся внизъ по улицамъ, не думая о томъ, куда я иду. Къ довершенію несчастья у меня не было больше средствъ вернуться въ Христіанію.

А дождь все лилъ и лилъ.

Я пришелъ къ какому-то большому дому; съ улицы я уже увидѣлъ освѣщенное объявленіе о распродажѣ билетовъ въ партеръ. Это былъ Рабочій Союзъ. Время отъ времени туда входилъ какой-нибудь запоздавшій, бралъ билеты у кассы и исчезалъ за большими дверями залы. Я спросилъ у продавца билетовъ, сколько было публики. Билеты были почти всѣ распроданы. Жалкій директоръ одержалъ надо мной блестящую побѣду.

Тогда я прокрался назадъ въ погребокъ. Я не ѣлъ и не пилъ, молча улегся въ постель.

Ночью ко мнѣ постучался, какой-то человекъ и вошелъ въ мою комнату. У него была свѣчка въ рукахъ. Это былъ г. директоръ.

— Какъ сошла ваша лекція? — спросилъ онъ.

При другихъ обстоятельствахъ я бы его вытолкалъ за дверь, но теперь я былъ слишкомъ подавленъ, чтобы выступить смѣло, такъ что я отвѣтилъ ему только, что я отказался отъ чтенія лекціи.

Онъ улыbnлся.

— Погода была неподходящая для чтенія лекціи по изящной литературѣ, — объяснилъ я. Съ этимъ же онъ долженъ согласиться!

Онъ все еще улыбался.

— Если бъ вы только знали, какъ ужасно упалъ барометръ, — сказалъ я.

— У меня былъ полный сборъ, — возразилъ онъ. Онъ впрочемъ больше не улыбался, и попросилъ извиненія, что помѣшалъ мнѣ. Онъ пришелъ съ предложеніемъ.

Его предложеніе было очень страннаго свойства: онъ пришелъ снова предложить мнѣ ангажементъ на роль пояснителя его представленія.

Я почувствовалъ себя оскорбленнымъ въ глубинѣ души и я попросилъ его самымъ рѣшительнымъ образомъ не нарушать моего спокойствія ночью.

Вмѣсто того, чтобы идти, онъ сѣлъ на мою кровать со свѣчкой въ рукѣ.

— Мы же можемъ объ этомъ поговорить, — сказалъ онъ. Онъ объяснилъ мнѣ, что тотъ человекъ изъ Драммена, котораго онъ пригласилъ, чтобы „объяснять звѣрей“, былъ слишкомъ извѣстенъ. Онъ самъ—директоръ—имѣлъ феноменальный успѣхъ со своими антиспиритическими фокусами, но тотъ человекъ испортилъ все впечатлѣніе. „Ахъ, да вѣдь это Біорнъ Педерсенъ!“ кричали зрители. „Откуда у тебя этотъ барсукъ?“ А когда Біорнъ Педерсенъ объяснилъ, согласно программѣ, что это не барсукъ, а гіена изъ страны бушменовъ, пожравшая трехъ миссіонеровъ, публика съ озлобленіемъ закричала, что онъ надъ ними смѣется.— „Я не понимаю“, сказалъ директоръ, „я такъ черно замазалъ ему лицо, и громадный парикъ надѣлъ ему, а его все же узнали“.

Все это меня нисколько не касалось, и я повернулся къ стѣнѣ.

— Подумайте-ка объ этомъ, — сказалъ г. директоръ, передъ тѣмъ какъ уйти.—Можетъ, я дамъ вамъ шесть кронъ въ вечеръ, если вы хорошо исполните свою роль.

Никогда бы я не унился до такой пошлой роли, кото-

рую онъ мнѣ предлагалъ! Есть же настолько достоинства у человѣка!

* * *

На слѣдующій день ко мнѣ пришелъ г. директоръ и попросилъ меня просмотрѣть рѣчь о звѣряхъ. Если бы я ее тутъ и тамъ подправилъ и улучшилъ бы нѣсколько языкъ, онъ бы мнѣ заплатилъ двѣ кроны за это.

Несмотря на мое отвращеніе, я принялся за работу. Я же оказывалъ этому человѣку благодареніе, и это была до нѣкоторой степени работа на пользу литературы. Кромѣ того мнѣ очень были нужны двѣ кроны. Но я просилъ его оставить подъ строжайшимъ секретомъ мое сотрудничество.

Я проработалъ весь день, передѣлалъ всю рѣчь съ начала до конца, вложилъ много чувства и много остроумія въ описаніе, иллюстрировалъ ее роскошными картинками, и самъ все больше и больше увлекался своей работой. Это было настоящимъ искусствомъ—такъ много сказать о нѣсколькихъ жалкихъ звѣряхъ. Когда я къ вечеру прочелъ г-ну директору мое произведеніе, этотъ человѣкъ сталъ утверждать, что никогда въ жизни не слыхалъ ничего подобнаго. Такое впечатлѣніе оно на него произвело. Онъ изъ признательности далъ мнѣ три кроны.

Это тронуло и ободрило меня. Я началъ лелѣять новыя надежды на литературную миссію.

— Если бъ у меня былъ только подходящий человѣкъ, чтобы произнести эту рѣчь,—сказалъ г. директоръ.—Но такого человѣка здѣсь не найдешь.

Я началъ раздумывать. Въ сущности, было бы досадно, если бы какому-нибудь первому встрѣчному Біорнъ Педерсену досталось такое изящнѣйшее изложеніе и онъ испортилъ бы его своей жалкой передачей. Я не могъ перенести этой мысли.

— Подъ извѣстными условіями, я бы еще могъ произнести эту рѣчь, сказалъ я.

Директоръ пододвинулся ко мнѣ.

— Какія условія? Я заплачу вамъ семь кронъ!—сказалъ онъ.

— Да, это хорошо. Но главное, чтобы осталось тайной между нами, кто будетъ произносить рѣчь.

— Это я обещаю!

— Да, вы же понимаете,—сказалъ я,—что человѣкъ моего званія не можетъ давать поясненія о звѣряхъ.

Да, онъ это понималъ.

— Въ такомъ случаѣ, я вамъ окажу эту услугу.

Директоръ поблагодарилъ.

Когда пробило семь часовъ, мы пошли вмѣстѣ въ Рабочій Союзъ. Мнѣ надо было посмотрѣть звѣрей и нѣсколько освоиться въ обращеніи съ ними.

Оказалось, что на лицо были двѣ обезьяны, одна черепаха, медвѣдь, два волченка и барсукъ.

О волкахъ и барсукѣ въ моей рѣчи не было ни слова. Я распространялся объ извѣстной гіенѣ изъ страны бушменовъ, о соболѣ, о куницѣ „уже извѣстной по Библии“, и объ огромномъ американскомъ сѣромъ медвѣдѣ. О черепахѣ я очень тонко сострилъ, что она благородная дама, которая питается однимъ только настоящимъ черепашинымъ супомъ.

— А гдѣ соболь и куница?—спросилъ я.

— Вотъ,—отвѣтилъ директоръ, и показалъ мнѣ на двухъ волчатъ.

— А гіена гдѣ?

Тутъ онъ, не долго думая, показалъ на барсука и сказалъ:

— Вотъ она, гіена.

Я густо покраснѣлъ отъ гнѣва и сказалъ:

— Нѣтъ, такъ нельзя; это обманъ! Я долженъ глубоко вѣрить въ то, что я возвѣщаю; я долженъ быть внутренно убѣжденъ въ этомъ.

— Не расходиться же намъ изъ-за такихъ пустяковъ,—сказалъ г. директоръ. Онъ досталъ бутылку водки изъ какого-то угла и предложилъ мнѣ выпить.

Чтобъ показать ему, что я ничего не имѣю противъ его личности, а только противъ грязнаго предпріятія, я взялъ стаканъ и выпилъ его. Послѣ меня выпилъ и онъ.

— Не губите меня,—сказалъ онъ.—Рѣчь великолѣпная, звѣри тоже не плохи, правда, нѣтъ; посмотрите только, какой большой медвѣдь! Начните только говорить, все пойдетъ отлично!

Въ залѣ начинали показываться новыя лица, и г. директоръ становился все болѣе и болѣе безпокоенъ. Я держалъ его судьбу въ своихъ рукахъ, и было понятно, что я не хотѣлъ злоупотребить своей большой властью. Кромѣ того, я сознавалъ невозможность прсизвести всѣ поправки въ моей рѣчи въ тотъ короткій срокъ, что мнѣ теперь оставался; и затѣмъ было совершенно невозможно вложить такъ много чувства въ описаніе барсука, какъ въ описаніе жизни страшной гіены. Отъ такихъ поправокъ мое литературное произведеніе должно было больше потерять, чѣмъ я могъ отвѣчать за это. Это я и сказалъ господину директору.

Онъ тотчасъ же все понялъ. Онъ поднесъ мнѣ еще стаканчикъ водки и я выпилъ.

Представленіе началось при полномъ залѣ, анти-спиритъ дѣлалъ фокусы, которые самъ чортъ не могъ бы понять; онъ вытаскивалъ изъ носа платки носовые, досталъ червоннаго валета изъ кармана какой-то старой женщины въ заднихъ рядахъ, заставилъ танцовать столъ на полу, не прикасаясь къ нему; наконецъ, г. директоръ обратился въ духа, и ушелъ въ землю черезъ люкъ. Публика была въ восторгѣ и топала ногами, какъ одержимая. Теперь пришла очередь звѣрей. Г. директоръ выводилъ ихъ собст-

венноручно, одного за другимъ, а я долженъ былъ давать объясненія.

Мнѣ сразу стало ясно, что я не могъ снискать такого успѣха, какъ г. директоръ; но я лелѣялъ надежду, что истинно-понимающіе въ публикѣ заинтересуются моею рѣчью. Эта надежда не обманула меня.

Послѣ того какъ была выведена черепаха, мнѣ оставалось говорить только о животныхъ, живущихъ на сушѣ, я взялъ исходнымъ пунктомъ Ноя, который взялъ въ ковчегъ свой по парѣ всякихъ животныхъ, не могущихъ жить въ водѣ, но представленіе не производило никакого впечатлѣнія, юморъ покинулъ публику. Соболь и куница не были оцѣнены по достоинству, хотя я рассказалъ, во сколько такихъ драгоценныхъ шкуръ съ этихъ дивныхъ звѣрей была одѣта царица Савская, когда она посѣтила Соломона. Теперь впрочемъ я почувствовалъ, что дѣло пошло лучше; разгоряченный библейской темой и двумя стаканчиками водки, я отклонился отъ своихъ записокъ, и импровизировалъ на свой страхъ, моя рѣчь становилась все красочнѣе и прекраснѣе, и когда я кончилъ, нѣсколько голосовъ снизу закричало „браво“ и вся зала зааплодировала.

— Тамъ за занавѣсомъ водка,—прошепталъ мнѣ г. директоръ.

Я отступилъ за занавѣсъ и нашелъ водку. Бутылка стояла тутъ же. Я присѣлъ на минуточку на стулъ.

Между тѣмъ г. директоръ вывелъ новаго звѣря и ждалъ меня. Я выпилъ еще стаканчикъ и сѣлъ опять. Время, что меня ждалъ г. директоръ, вѣрно показалось ему слишкомъ длиннымъ, поэтому онъ самъ началъ поясненіе на своемъ ужасномъ языкѣ, и я услышалъ, къ своему ужасу, что онъ принимался за гіену; въ заключеніе онъ оговорился и назвалъ ее барсукомъ. Тутъ мной овладѣлъ уже гнѣвъ, я вышелъ на сцену, взялъ г. директора подъ руку, отвелъ его въ сторону, и сталъ говорить

вмѣсто него. Гіена была козыремъ всего представленія. Чтобы спасти его, я долженъ былъ говорить какъ никогда до сихъ поръ, и уже при одномъ моемъ появленіи, когда я за руку удалилъ директора, публика была на моей сторонѣ. Я изобличилъ г. директора, сказалъ, что онъ никогда въ жизни не видалъ гіены, и я началъ съ описанія разнузданной жизни такого хищнаго звѣря. Водка дѣйствовала, мое вдохновеніе достигало головокружительной высоты; я самъ слышалъ, что слова мои становились все рѣзче и краснѣе, между тѣмъ какъ гіена стояла у ногъ г. директора и терпѣливо моргала своими крохотными глазами. „Держите ее крѣпче, крѣпче!“ закричалъ я г. директору. „Она собирается броситься, она жаждетъ моихъ внутренностей! Держите на готовѣ пистолетъ на случай, если она вырвется!“.

Директоръ вѣрно самъ сталъ нервень. Онъ сталъ дергать гіену къ себѣ,—веревка оборвалась и звѣрь проскользнулъ между его ногъ. Крикъ женщинъ и дѣтей наполнилъ залъ, половина публики встала. Это была минута высочайшаго напряженія. Гіена поспѣшными шагами убѣгала черезъ сцену въ свою дыру. Директоръ съ громкимъ трескомъ захлопнулъ за нею дверцу.

Мы всѣ вздохнули, и я закончилъ свои поясненія нѣсколькими словами: „На этотъ разъ мы счастливо отдѣлались,“ сказалъ я, „еще сегодня вечеромъ мы позаботимся о томъ, чтобы посадить это чудовище на желѣзную цѣпь“. Затѣмъ я поклонился и отступилъ.

Тутъ разразился громъ аплодисментовъ, онъ былъ оглушителенъ, вызывали оратора—оратора. Я вышелъ и снова кланялся, и дѣйствительно, надо признаться, успѣхъ мой былъ необычайный. Всѣ до послѣдняго человѣка въ залѣ хлопали мнѣ до самыхъ дверей.

Директоръ былъ доволенъ, онъ искренно благодарилъ

меня за мою помощь. Онъ навѣрно еще не разъ будетъ имѣть полный сборъ.

Когда я хотѣлъ идти домой, у дверей снаружи меня ждалъ какой-то человѣкъ. Это былъ мой продавецъ билетовъ изъ павильона. Онъ присутствовалъ на представленіи и былъ въ восторгѣ. Онъ восхвалялъ въ высокихъ выраженіяхъ мой ораторскій талантъ. Я ни въ какомъ случаѣ не долженъ былъ отказываться отъ лекціи въ павильонѣ парка, теперь, когда люди знаютъ, чего я стою. Напримѣръ, повтореніе моей рѣчи о гіенѣ, особенно, еслибы я привелъ звѣря съ собой.

* * *

Но г. директоръ, этотъ позорный человѣкъ, не хотѣлъ мнѣ заплатить деньги на слѣдующій день. Если я не хотѣлъ письменно обязаться выступить и на слѣдующій вечеръ, то онъ хотѣлъ довести дѣло до суда, сказалъ онъ. Мошенникъ! Жуликъ! Мы наконецъ пришли къ полюбовному соглашенію: онъ долженъ былъ заплатить мнѣ пять кронъ; съ тѣми тремя, которыя онъ уже мнѣ далъ, у меня были деньги на обратную дорогу въ Христіанію. Но написанную рѣчь онъ хотѣлъ удержать; объ этомъ пунктѣ мы долго спорили, такъ какъ мнѣ очень не хотѣлось оставлять ему свое произведеніе, прямо на профанацію. А съ другой стороны оно было несомнѣнно его собственностью, такъ какъ онъ за него заплатилъ. Наконецъ я уступилъ ему. Онъ придавалъ огромное значеніе моему труду.

— Такой рѣчи я еще никогда не слышалъ, — сказалъ онъ. Вчера она на меня сильнѣе подѣйствовала, чѣмъ какая-либо проповѣдь.

— Да, вотъ вы можете видѣть, — отвѣтилъ я—какое вліяніе оказываетъ литература на умы!

Это было мое послѣднее слово къ нему. Съ двѣнадцатичасовымъ поѣздомъ я возвращался въ Христіанію.

Отецъ и сынъ.

ИСТОРИЯ ИГРОКА.

I.

Въ послѣднюю осень я совершилъ путешествіе на югъ, спустился далеко на югъ, и однимъ раннимъ утромъ прибылъ на рѣчномъ пароходѣ въ мѣстечко Д., маленькое мѣстечко, странное мѣстечко, запятанное и забытое, мѣстечко, гдѣ съ дюжину домовъ, церковь, почта, и шесть для флага. Это мѣстечко знакомо посвященнымъ, искателямъ приключеній, и игрокамъ, свѣтскимъ людямъ и бродягамъ, и въ лѣтніе мѣсяцы, разъ въ году, въ этомъ глухомъ углу царить большое оживленіе и дѣлаются большіе обороты.

Теперь здѣсь была ярмарка, и окрестное населеніе съѣхалось сюда; на прѣхавшихъ были шелковыя платья, мѣха, пояса, шарфы и драгоценности, все по положенію и состоянію. Вокругъ церкви рядами размѣстились палатки, въ которыхъ покупали и продавали; одна изъ этихъ палатокъ была синяя,—это была палатка Паво изъ Синвары.

А совсѣмъ вблизи церкви, между шестомъ съ флагомъ и почтой находилась гостиница. Верхній этажъ ея былъ синий,—тамъ игроки проигрывали свои деньги.

Въ гостиницѣ рассказывали, что сегодня вечеромъ на-

вѣрное прѣдетъ Паво. Я спросилъ, кто это Паво, и по этому вопросу увидали, что я былъ чужимъ здѣсь, такъ какъ Паво знали всѣ. Это былъ человѣкъ, который три раза сорвалъ банкъ, его отецъ владѣлъ величайшимъ имѣніемъ на много миль кругомъ, а самъ Паво на праздникахъ послѣднею весной просадилъ все свое состояніе. Каждый ребенокъ зналъ Паво; всѣ дѣвушки въ этомъ мѣстечкѣ говорили о немъ, когда вечеромъ собирались у колодца, а набожные люди молились за него, когда о немъ думали. Словомъ, онъ былъ игрокъ, блудный сынъ, павшая величина, бывший Крезъ, Паво изъ Синвары. Это была гордость этого мѣстечка и одновременно его позоръ.

Что касается палатки Паво, она была куплена для него его доброй матерью, которая устроила ему это дѣло, чтобъ по возможности вывести его на дорогу. И все бы пошло хорошо, если бы только Паво хотѣлъ серьезно отнестись, но это извращенное дитя въ ту же недѣлю выкрасило свою палатку въ синій цвѣтъ игорнаго дома, потому что въ душѣ онъ былъ неизмѣненъ. И онъ все еще игралъ. Все, что онъ зарабатывалъ за своимъ прилавкомъ, онъ выкладывалъ на игорный столъ, и обыкновенно онъ уходилъ изъ банка бѣднымъ, чѣмъ приходилъ туда. Его палатка торговала хорошо, у него было много покупателей, ни мужики, ни мѣстные жители не проходили мимо него, всѣ хотѣли купить что-нибудь у Паво изъ Синвары. И его мать доставляла ему товаръ въ изобиліи, его палатка была биткомъ набита.

Вотъ теперь, сегодня вечеромъ, онъ долженъ былъ прибыть. Все мѣстечко знало, что онъ прибудетъ.

II.

Башенные часы пробили, я слышалъ ихъ пѣвучій бой, который смѣшался съ прочимъ шумомъ ярмарочной площади. Вдругъ ко мнѣ въ дверь постучалъ гостиничный слуга. Молодой человѣкъ былъ очень взволнованъ.

— Представьте себѣ,—сказалъ онъ,—господинъ владѣлецъ Синвары тоже прїѣдетъ.

Я не просилъ объ этомъ сообщеніи, и сказалъ слугѣ, что мнѣ нѣтъ никакого дѣла до этого упомянутого господина. Кто это такой? Откуда онъ? Слуга пожалъ плечами и объяснилъ, что господинъ владѣлецъ Синвары ни кто другой, какъ самый знатный человѣкъ всего края, самый богатый, другъ князя Ярива и родной отецъ Паво. И вотъ онъ-то прибываетъ. И прїѣздъ его должно быть не имѣть другой цѣли, какъ той, что онъ хочетъ посмотрѣть, каковы дѣла его сына; онъ самъ хотѣлъ посмотрѣть на проклятую рулетку, которая разорила его дитя и причинила столько горя матери.

— Всѣ эти извѣстія меня нисколько не интересуютъ,—отвѣтилъ я слугѣ.—А я вотъ чаю просилъ. Прощайте!

Итакъ слуга ушелъ.

Когда пробило шесть часовъ, въ гостиницѣ произошло большое движеніе, господинъ этотъ прїѣхалъ. Онъ шелъ рядомъ со своимъ сыномъ, Паво, одѣтымъ въ свѣтлое, самъ онъ былъ въ темномъ. Онъ былъ серьезенъ и самоуверенъ. Церковные колокола звонили, потому что тотчасъ по прибытіи въ это мѣстечко господинъ владѣлецъ Синвары общалъ церкви большую сумму денегъ, которая обезпечивала все ея будущее. Кромѣ того онъ общалъ новый флагъ на шесть около почты. По сему случаю все мѣстечко было въ приподнятомъ настроеніи. Прислуга была отпущена на этотъ день, всѣ люди были на улицахъ, а бургомистръ расхаживалъ въ новомъ съ иголочки мундирѣ.

Владѣлецъ Синвары былъ почтенный человѣкъ лѣтъ за шестьдесятъ, нѣсколько тучный, нѣсколько блѣдный и заплывшій отъ неподвижной жизни, которую онъ велъ, но съ нафабранными усами и молодыми глазами; кромѣ того у него былъ веселый,верху вздернутый носъ. Всюду было извѣстно, что онъ былъ другъ князя Ярива, у него было

два ордена, но онъ рѣдко носилъ ихъ, потому что его появленіе и безъ этихъ украшеній было весьма внушительно. Если онъ заговаривалъ съ кѣмъ-нибудь, человѣкъ, къ которому онъ обращался, снималъ шляпу и отвѣчалъ ему.

Когда онъ выпилъ стаканъ вина, онъ посмотрѣлъ на всѣхъ любопытныхъ, которые провожали его до гостиницы, и онъ каждому изъ нихъ далъ что-нибудь. Одну дѣвочку онъ даже вызвалъ изъ толпы и собственноручно подарилъ ей золотую монету. Правда, что дѣвочка эта была ужъ не слишкомъ мала, ей было не меньше шестнадцати, семнадцати лѣтъ.

Вдругъ онъ сказалъ:

— Гдѣ рулетка? Я хочу туда.

Паво, въ восторгѣ отъ причуды отца, поднимается передъ нимъ вверхъ по лѣстницѣ. Всѣ слѣдуютъ за ними.

Тамъ онъ встрѣченъ большимъ вниманіемъ. Колесо на полномъ ходу, игра очень оживленная; какой-то брюнетъ, котораго слуга величаетъ принцемъ, любезно даетъ мѣсто своему равному, знаменитому господину Синвары.

Въ ту самую минуту крупье выкрикиваетъ:

— Тринадцать, черное, нечетъ и тапке.

И загребаетъ всѣ деньги.

На столѣ лежали кучи серебра, много золота, цѣлыя пачки бумажныхъ денегъ, почти все исчезаетъ въ желѣзной дырѣ игорнаго стола. И снова ставятъ деньги, такъ молчаливо и спокойно, какъ будто ничего не случилось. На самомъ же дѣлѣ, эти тринадцать произвели большой захватъ. Но никто не говоритъ, игра идетъ своимъ чередомъ, шаръ вертится, тише, останавливается: опять тринадцать.

— Тринадцать! — опять кричитъ крупье и загребаетъ большую часть денегъ.

Эти два хода на много сотъ золотыхъ обогатили банкъ. И опять ставятъ, принцъ бросаетъ цѣлую горсть бумажекъ на столъ, не считая ихъ. Никто не говоритъ, кругомъ очень

тихо, одинъ изъ слугъ ударяетъ въ волненіи пустымъ стаканомъ объ столъ, раздается тонкій звонъ, который смѣшивается съ глухимъ звукомъ вертящагося шара.

— Объясни-ка мнѣ игру, — говоритъ господинъ Синвары.

И Паво, который знаетъ игру какъ свои пять пальцевъ, сообщаетъ ему все о ней. Отецъ совершенно поглощенъ принцемъ. „Онъ разорится!“ — утверждаетъ онъ. И какъ будто это поставлены его собственныя деньги, онъ спокойно ерзаетъ на стулѣ.

— Принцъ ни въ коемъ случаѣ не разорится, — возражаетъ Паво. — Онъ играетъ только на свой выигрышъ. Онъ умѣетъ играть.

Такъ и было на самомъ дѣлѣ. Принцъ много выигралъ: за его стуломъ, не отходя, стоялъ лакей, подавалъ ему воду, поднималъ его носовой платокъ, когда тотъ ронялъ его, оказывалъ ему всевозможныя услуги, въ надеждѣ на хорошее вознагражденіе по окончаніи игры.

Высокій, блѣдный человѣкъ, темноволосый румынъ стоитъ возлѣ него. Онъ играетъ не на жизнь, а на смерть. Вслѣдствіе двухъ послѣднихъ тринадцати, онъ проигралъ громадную сумму, такъ какъ онъ упрямо держался своего несчастнаго числа. Онъ стоитъ бокомъ за господиномъ Синвары, и черезъ его плечо протягиваетъ руку, когда ставить. Его рука дрожитъ.

— Проиграетъ молодой человѣкъ! — говоритъ отецъ.

Сынъ, Паво, киваетъ и говоритъ:

— Проиграетъ!

— Попроси его остановиться! — продолжаетъ отецъ, — скажи ему это отъ меня. Подожди, я самъ ему скажу.

На это возражаетъ сынъ, что здѣсь не позволено давать совѣты, — точно такъ же, — продолжаетъ онъ хитро, — какъ не позволено сидѣть здѣсь зрителемъ.

Отецъ смотритъ на него удивленно. Онъ не понимаетъ,

что въ душѣ Паво уже неистовствуетъ страсть участвовать въ игрѣ.

— Здѣсь же такъ много другихъ, что не играютъ, — отговаривается онъ.

— Это игроки, которые только ждутъ своей очереди, — лжетъ Паво.

Тогда господинъ Синвары съ большимъ достоинствомъ вынимаетъ свой бумажникъ.

— Такъ поиграй, — говоритъ онъ, — поиграй немножко, покажи мнѣ, какъ это. Но немного, не рискуй.

Затѣмъ тотчасъ-же онъ хватается за руку сына и требуетъ объяснить странное число тринадцать:

— Почему каждый разъ выигрываетъ тринадцать. Не обманъ ли это со стороны крупье? Скажи-ка ему это!

Онъ какъ разъ собирается спрятать свой бумажникъ, какъ вдругъ его остигаетъ мысль, онъ вынимаетъ нѣсколько бумажекъ, суетъ ихъ Паво и говоритъ:

— Поставь на тринадцать!

Паво возражаетъ:

— Тринадцать вышло два раза подрядъ.

Отецъ киваетъ и возражаетъ рѣшительно:

— Хорошо. Поставь на тринадцать!

Паво размѣниваетъ бумажку, бросаетъ золотую монету на тринадцать и снисходительно улыбается на эту глупость.

— Проиграли, — говоритъ отецъ. — Попробуй еще разъ. Поставь вдвое!

Паво не спорилъ больше. Это было слишкомъ смѣшно. Помѣнялись мѣстами за столомъ, Паво нѣсколько разъ подрядъ ставить двойную сумму, и всѣ хотѣли видѣть страннаго игрока, господина Синвары. И онъ самъ уже весьма заинтересованъ, его живые глаза слѣдятъ за движеніемъ колеса, онъ ерзаетъ на стулѣ взадъ и впередъ. Онъ жи-

маетъ въ кулакъ свою нѣсколько жирную руку, на одномъ пальцѣ у него два драгоцѣнныхъ кольца.

Когда крупье, вмѣсто ожидаемаго тринадцать, называетъ двадцать три онъ кричитъ:

— Ну что жъ, поставь еще разъ на тринадцать! Поставь сто!

— Но...

— Поставь сто.

И Паво ставитъ. Колесо вертится, шаръ проносится двадцать, тридцать разъ черезъ каждое число, онъ ищетъ между всѣми, медлитъ, красное, и черное, четъ и нечетъ, отъ единицы до семнадцати, отъ семнадцати до тридцати четырехъ, онъ обходитъ всю систему, обнюхиваетъ каждую цифру и останавливается.

— Тринадцать!—выкликаетъ крупье.

— Ну, что же, Паво, я былъ неправъ? — говоритъ господинъ Синвары. И онъ, важничая, говоритъ такъ, чтобъ всѣ вокругъ стоящіе слышали:

— Поставь еще разъ, поставь сто на тринадцать!

— Ты шутишь, отецъ, тринадцать вѣрно за весь вечеръ больше не выйдетъ.

— Ставь сто на тринадцать!

— Зачѣмъ тебѣ бросать деньги?

Господинъ Синвары сталъ нетерпѣливъ, онъ сдѣлалъ движеніе, будто хотѣлъ отнять у сына деньги, но овладѣлъ собой и сказалъ:

— Сынъ мой, ну, а если бы я имѣлъ намѣреніе сорвать банкъ, и желалъ бы съ нѣкоторой опредѣленной цѣлью разорить отвратительную рулетку? Ставь сто на тринадцать!

И Паво поставилъ опять. Онъ обмѣнялся улыбкой съ крупье, а румынъ громко расхохотался. Игра въ баккара на сосѣднемъ столѣ совершенно прекратилась, все вниманіе было устремлено на рулетку.

— Тринадцать!

— Что я говорилъ! — вскричалъ господинъ Синвары. — Вотъ деньги. Сколько здѣсь? Сочти-ка!

Паво былъ совершенно ошеломленъ.

— Здѣсь три съ половиною тысячи,—сказалъ онъ совсѣмъ побитый.—Ты всего выигралъ пять тысячъ.

— Отлично, теперь играй ты! Дай-ка я посмотрю, какъ ты играешь. Ставь на красное.

Паво поставилъ на красное и потерялъ.

Отецъ покачалъ головой и улыбнулся зрителямъ.

— Такъ вотъ какъ ты играешь! Развѣ ты не видишь, куда это ведетъ? Мнѣ рассказывали, что ты три раза сорвалъ банкъ. Это было хорошо. Но почему же ты все опять потерялъ? Ставь на четъ.

— Сколько?

— Сколько хочешь. Поставь шестьсотъ.

— Шестьсотъ слишкомъ много.

— А я какъ разъ думалъ, не поставитъ ли тебѣ больше. Да, я такъ хочу! Поставь тысячу двѣсти на четъ.

Четъ потерялъ.

Тогда господинъ Синвары угрожающе поднялъ на сына свой жирный палецъ и сказалъ запальчиво:

— Ступай, Паво! Мы тутъ по твоей милости потеряли тысячу двѣсти. Ступай отсюда. Я такъ хочу.

И Паво ушелъ. Я пошелъ за нимъ. Онъ хохоталъ, хохоталъ, какъ одержимый.

— Видаль ли я когда-нибудь такую игру? Сидитъ и выигрываетъ тысячи только по причинѣ своей глупости. Да хранить его Богъ. Что за фантазія у этого человѣка играть въ рулетку!

Паво заговаривалъ со всѣми, кого онъ встрѣчалъ, и съ громкимъ смѣхомъ сообщалъ о странной фантазіи своего отца.

Позднѣе, вечеромъ, я слышалъ, что господинъ Синвары проигралъ девять тысячъ передъ тѣмъ какъ оставилъ рулетку.

Было десять часовъ. Я сидѣлъ на балконѣ гостиницы и курилъ въ обществѣ одного русскаго Ильича одну папиросу за другой. Вдругъ гостиничный слуга закричалъ намъ наверхъ, что господинъ Синвары только что послалъ за своимъ сыномъ. Я только что приготовился сдѣлать ему выговоръ за его навязчивость, но русскій меня удержалъ. Ему тотчасъ стало любопытно.

— Давайте, посмотримте,—сказалъ онъ,—что теперь будетъ. Онъ ночью посылаетъ за Паво!

Мы сидѣли съ минутку и молча курили. Паво идетъ. Отецъ идетъ къ нему навстрѣчу до лѣстницы.

— Послушай-ка,—говоритъ онъ.—Я проигралъ девять тысячъ въ этой проклятой рулеткѣ. Я уже легъ спать, но не могъ заснуть. Меня мучаютъ эти деньги, это какъ разъ та сумма, которую я обѣщался церкви. Мнѣ надо ихъ отыграть. Я не успокоюсь, пока не получу эти деньги назадъ. Мнѣ надо вернуться въ рулетку.

Паво стоитъ безмолвный.

Самъ Паво, этотъ прожженный игрокъ, онѣмѣлъ отъ удивленія. Онъ не говоритъ ни слова.

— Что же ты стоишь!—воскликаетъ отецъ.—Игра же не кончается раньше какъ за полночь, передъ нами цѣлыхъ два часа. Не будемъ же терять времени.

И они ушли.

— Пойдемте,—сказалъ мнѣ русскій.—Пойдемте за ними. Тамъ что-нибудь произойдетъ.

Игра шла возбужденнѣе чѣмъ когда-нибудь. Какъ всегда, когда приближается полночь, рискуютъ большими суммами, чѣмъ въ началѣ вечера. Принцъ все еще сидитъ на своемъ мѣстѣ, мрачный и спокойный, ставитъ деньги и выигрываетъ. Передъ нимъ лежало вѣрно тысячъ двадцать на столѣ. Онъ одновременно дѣлаетъ три ставки, слѣдитъ за всѣмъ съ ве-

личайшимъ спокойствіемъ, ставитъ пригоршнями деньги, не считая ихъ однако. Ему ничто не мѣшаетъ, даже блѣдный бѣшенный румынъ, который послѣ того какъ правильно и скромно выигрывалъ въ продолженіе трехъ четвертей часа, начинаетъ опять терять. И онъ тоже собираетъ свои деньги, и пытается въ каждую свободную минуту сосчитать ихъ, сложить въ кучки по одной тысячѣ, чтобы видѣть, что онъ имѣетъ въ наличности; но онъ черезчуръ безпокоенъ, его руки дрожатъ, ему надо все время слѣдить за колесомъ, и онъ отказывается въ концѣ концовъ сосчитать ихъ. Какъ глупо онъ это дѣлаетъ! Онъ играетъ въ квадратъ, ставитъ на четыре номера, держится непрестанно этихъ чиселъ, какъ упрямый ребенокъ, который не хочетъ уступить. Онъ предпочиталъ бы лучше встать изъ-за стола безъ гроша, чѣмъ отказаться отъ такой игры. И онъ все увеличиваетъ ставки.

Принцъ взглядываетъ на дверь, когда входятъ отецъ съ сыномъ, и даетъ имъ мѣсто около себя. Затѣмъ онъ продолжаетъ играть холодно и мрачно, совершенно хладнокровно. Онъ, кажется, внушаетъ большое уваженіе игрокамъ.

— Паво,—говоритъ господинъ Синвары,—играй, какъ ты обыкновенно играешь, какъ самъ хочешь. Вотъ деньги. Тебѣ везетъ на красномъ, не правда ли, такъ ставь на красное.

Паво спрашиваетъ у своего сосѣда, старика, военнаго, съ одной рукой, и этотъ сообщаетъ ему, что красное вышло семь разъ подрядъ. Поэтому Паво ставитъ на черное.

— Двадцать пять, красное, нечетъ и пась,—возглашаетъ крупье и загребаетъ себѣ деньги.

— Ты плохо началъ, Паво, но ставь по своему усмотрѣнію,—говоритъ господинъ Синвары разочарованно.—Сколько разъ тебѣ говорить? Что жъ ты думаешь, у меня денегъ куры не клюютъ? Теперь ставь на красное.

Но онъ проигралъ. Наконецъ, послѣ восьмиразъ вышло

черное, попало на крестъ румына, и снова поставило его на ноги. Обезумѣвъ отъ своей неудачи, доведенный до безразсудства, румынъ на этотъ разъ бросилъ колоссальную сумму на свои четыре числа, побѣлѣлъ отъ упрямства, въ ту минуту ему стало все равно, выиграетъ ли онъ или потеряетъ. Когда колесо остановилось на одномъ изъ четырехъ его чиселъ, онъ позвалъ лакея, который стоялъ за стуломъ принца, и далъ ему, не говоря ни слова, бумажку. Затѣмъ онъ снова поставилъ дрожащими руками.

— Паво!—сказалъ отецъ,—ты опять потерялъ. Тебѣ не везетъ. Я дамъ тебѣ просадить мои деньги, и дѣлаю это ради тебя. Я хочу тебя исправить въ эту ночь. Паво, ты меня понимаешь?

И хитрый Паво понимаетъ его очень хорошо. Онъ знаетъ, что его отецъ уже схваченъ безуміемъ игры, и даже если онъ терять, для него все же радость играть. Онъ переживаетъ такъ живо, какъ никто другой, все мученіе игры, при колебаніи его кровь останавливается, онъ слышитъ собственное дыханіе. Ахъ, все это слишкомъ хорошо знакомо Паво!

Вдругъ онъ становится задумчивъ, онъ дѣлается невнимательнъ, отсутствуетъ. Крупье указываетъ ему на то, что онъ, этотъ прославленный игрокъ, играетъ противъ себя самого, и онъ дивится про себя на Паво. И я тоже замѣчаю, что Паво разъ за разомъ снимаетъ поставленные деньги, чтобы спасти ихъ, прежде чѣмъ остановится колесо. Что, онъ сталъ благоразумнѣе? Или онъ боится несчастья?

Русскій отводитъ меня къ дивану въ концѣ залы и начинаетъ говорить о Паво. Замѣтилъ ли я, что онъ внезапно измѣнилъ свою игру? Ахъ, Паво въ сущности былъ умнѣе, какъ дьяволъ, онъ такой ловкій на всѣ штуки. Русскій показывалъ мнѣ на отца съ сыномъ и сказалъ:

— Изъ нихъ обоихъ сынъ менѣе одержимъ. Паво уже замѣтилъ, что страсть игры овладѣла отцомъ, онъ хочетъ

его удержать. Это очень смѣшно, но онъ, правда, хочетъ удержать старика. Неправда ли это великолѣпно? Для Паво не безразлично, что его отецъ разорится.

Мы сидимъ такъ на диванѣ. За рулеткой происходитъ что-то необычайное. Всѣ окружили господина Синвары и его сына. Игра въ баккара прекратилась, даже тѣ три мужика съ горъ, въ большихъ сѣрыхъ плащахъ и металлическихъ поясахъ, и старые лавочники съ ярмарки, сидѣвшіе внизу въ дверяхъ, и игравшіе на кружку вина, встаютъ и смѣшляются съ толпой у рулетки. Мы тоже идемъ туда.

— Теперь смотрите! — говоритъ русскій. — Онъ очень взволнованъ.

Господинъ Синвары опять сталъ ставить на тринадцать. Въ своемъ рвеніи онъ самъ беретъ деньги и самолично дѣлаетъ ставки. Его жирныя руки копаются въ бумажкахъ, дрожать, ищутъ, хватаютъ грязныя бумажки, стараясь усердно сосчитать ихъ и сложить въ кучки. Онъ не говоритъ, и Паво сидитъ молча около него. Его лицо очень мрачно.

— Тринадцать,—возглашаетъ крупье.

Господинъ Синвары вздрагиваетъ, да и самъ Паво имѣетъ видъ помѣшаннаго. Какое счастье привязалось къ этой безсмысленной игрѣ! На этотъ разъ банку нанесенъ существенный ударъ. Крупье выплачиваетъ всю сумму спокойнымъ движеніемъ. Этого человѣка ничего больше не изумляетъ, онъ видѣлъ всѣ прихоти случайностей, пережилъ самыя отчаянныя вещи. Принцъ на мгновеніе стоитъ растерянный, тотчасъ за этимъ онъ сгребаетъ всѣ свои деньги, отдѣляетъ бумажки отъ золота и запикиваетъ все въ свои карманы. Онъ спрашиваетъ стаканъ вина, который выпиваетъ залпомъ, затѣмъ встаетъ и прекращаетъ игру. При выходѣ онъ раздаетъ бумажки направо и налево всѣмъ лакеямъ, которые попадаютъ ему на дорогѣ.

А господинъ Синвары толкаетъ своего сына въ локоть и смотритъ на него лихорадочно горящими глазами.

— Видишь ты! Видишь, а ты хотѣлъ меня учить, какъ играть? Я васъ всѣхъ обыграю до тла!

И онъ хохочетъ громко и отрывисто, обратившись къ удивленнымъ зрителямъ. Въ восторгъ отъ своей удачи онъ бросаетъ еще сумму на тринадцать.

— Пусть лежатъ,—говоритъ онъ.— Пусть лежатъ,— говорю я.— Тринадцать все же удивительное число.

Но крупье загребааетъ деньги своей лопаткой. Онъ дѣлаетъ это неохотно, ему навѣрное было бы приятно, чтобы тринадцать еще разъ вышло, чтобы ободрить богатаго игрока, который рано или поздно все равно долженъ стать его добычей.

Послѣ четырехъ напрасныхъ попытокъ съ тринадцатю господинъ Синвары теряетъ терпѣніе. Онъ рѣзко говоритъ сыну:

— Говорю тебѣ, Паво, я больше не буду ставить на тринадцать. Довольно я потерялъ на этомъ глупомъ числѣ.

Онъ стансвится все раздраженнѣе, какого-то лакея проситъ не скрипѣть башмаками, идти своей дорогой, на румына мечутся злобные взгляды, когда онъ одинъ разъ запаздываетъ взять свой выигрышъ и тѣмъ замедляетъ игру. Господинъ Синвары начинаетъ тоже жаловаться на всѣхъ зрителей, которые его постоянно обступаютъ. Развѣ у нихъ нѣтъ другого дѣла? Онъ вызываетъ дѣвушку изъ толпы и говоритъ:

— Развѣ не тебѣ я далъ давеча золотой?

Дѣвушка краснѣетъ и низко присѣдаетъ.

— Да, господинъ,—отвѣчаетъ она.

— Ну такъ почему же ты не уходишь отсюда, дитя мое?

Ея маленький, красный ротъ зашевелился, но она молчитъ и опустила глаза. Господинъ Синвары посмотрѣлъ на нее внимательнѣй и протянулъ ей еще золотой.

— Вотъ, возьми! приходи послѣ игры, послѣ полуночи, ко мнѣ!

Дѣвочка вспыхнула до волосъ и присѣла, полная благодаренія. Затѣмъ она вышла изъ толпы, улыбнулась всѣмъ и ушла.

Господинъ Синвары опять обратился къ игръ.

— Теперь здѣсь мухи на окнахъ,—сказалъ онъ.— Здѣсь многое мѣшаетъ. Прогоните мухъ!

Его деньги замѣтно убывали. Румыну везло. Господинъ Синвары слѣдилъ за его удачей съ великимъ неудовольствиемъ.

— Развѣ ты не видишь, что у меня осталось всего нѣсколько жалкихъ бумажекъ?—сказалъ онъ Паво.— Но я не перестану, я потеряю все. Вотъ такъ. Теперь я ставлю тысячу на красное, можетъ быть это мой цвѣтъ?

Онъ выигралъ.

— Быть можетъ мнѣ повезетъ на красномъ. Поставлю еще разъ. Это будетъ проба.

Онъ потерялъ.

Терпѣніе господина Синвары совершенно истощилось.

— Ступай,—закричалъ онъ сыну, стоявшему рядомъ съ нимъ.— Ты приносишь мнѣ несчастье! Развѣ ты не видишь, что ты меня разоряешь. Я хочу реванша, я хочу получить свои деньги назадъ!—Въ ту же минуту онъ вспомнилъ, какую роль хотѣлъ играть, и онъ добавилъ: — Вотъ видишь, что я дѣлаю ради тебя. Я хочу тебя исправить.

— Я ужъ исправился,—пробормоталъ Паво.

— Молчи! Ты не исправился. Ты опять за то же примешься. Я все это дѣлаю для тебя. Ну, а теперь иди своей дорогой.

И Паво всталъ и пошелъ.

IV.

Было почти двѣнадцать часовъ.

Одинъ игрокъ за другимъ вставалъ изъ-за рулетки, только румынъ и однорукій военный еще держались. Сѣдовласый вояка игралъ чрезвычайно осторожно, ставилъ немного, игралъ грубо на мелкія деньги и выигрывалъ. Ему постоянно везло, но отъ этого онъ не становился смѣлѣе.

Господинъ Синвары дѣйствовалъ совершенно иначе, при малѣйшей удачѣ онъ дѣлался смѣлымъ до глупости. У него оставалось быть можетъ еще тысяча всего на всего, когда его покинулъ Паво. Затѣмъ онъ въ два приѣма выигралъ шестьсотъ, которые онъ тотчасъ же поставилъ и проигралъ. Въ сущности этотъ человѣкъ былъ достоинъ состраданія и возбуждалъ симпатію среди стоявшихъ вокругъ. Принцъ, который вернулся въ залу зрителемъ, собственноручно принесъ большой стаканъ вина господину Синвары.

— Вамъ не везетъ,—сказалъ принцъ.—Остановитесь на сегодня.

Принцъ подалъ этотъ совѣтъ громкимъ голосомъ. Господинъ Синвары не отвѣтилъ, онъ только поднялъ на него глаза, отсутствующе, совершенно поглощенный игрой, и молча выпилъ вино.

И вдругъ счастье какъ будто вернулось къ нему, онъ выигралъ трижды, разъ за разомъ.

— Вотъ какъ надо играть, — весело сказалъ онъ, любезно обращаясь къ старому военному. Но этотъ ничего не слышалъ, онъ былъ такъ поглощенъ своей игрой. Румынъ внимательно наблюдаетъ за нервнымъ возбужденіемъ, въ которомъ находится господинъ Синвары, онъ обмѣнивается взглядомъ съ крупье и беретъ свой послѣдній выигрышъ. И онъ также заканчиваетъ игру.

Господинъ Синвары теперь совсѣмъ чистъ. У него осталось нѣсколько сотъ, которые онъ ставитъ на черное и

теряетъ. Онъ смотритъ растерянно вокругъ себя. Онъ очень блѣденъ.

— Къ чорту черный цвѣтъ,—бѣснуется онъ.

Затѣмъ черезъ минуту онъ одумывается. Крупье не сводитъ съ него глазъ; онъ механически выплачиваетъ старому воину его ставку, выигрываетъ онъ или нѣтъ. Господинъ Синвары все еще сидитъ неподвижно, онъ кажется размышляеть. Почему онъ не уходитъ?

Онъ снимаетъ оба кольца съ пальца, одно за другимъ, и протягиваетъ ихъ черезъ колесо крупье. Тотъ взглядываетъ на нихъ, кладетъ ихъ спокойно въ свой желѣзный выдвижной ящикъ къ другимъ кольцамъ, и подаетъ господину Синвары три тысячи золотомъ. Никто не произноситъ ни слова. Онъ цѣлую минуту держитъ тяжелые свертки золота въ рукѣ, и дрожитъ всѣмъ тѣломъ. Внезапно онъ дѣлаетъ рѣзкое движеніе, онъ привстаетъ наполовину со стула, и ставитъ всѣ свертки одинъ за другимъ на черное. Золото глухо звенитъ, завернутое въ бумагу.

Колесо вертится, оно легко, безшумно шелеститъ, медлить то у одного, то у другого числа, и наконецъ останавливается.

— Красное!

Господинъ Синвары вскакиваетъ, онъ хватается обѣими руками за голову, испускаетъ крикъ и отходитъ отъ стола.

V.

На слѣдующее утро болтливый гостиничный слуга могъ мнѣ рассказать, что господинъ Синвары потерялъ въ предыдущій вечеръ за рулеткой пятьдесятъ четыре тысячи. А Паво напротивъ, вернулся въ свою палатку, онъ, слуга, видѣлъ его у колодца, онъ будто бы ходилъ тамъ съ непокрытой головой, и говорилъ что-то громко, или проповѣдывалъ. Впрочемъ, ни одинъ священникъ не можетъ такъ проповѣдывать, какъ Паво, когда ему это вздумается.

— Бѣги погибели!—восклицалъ онъ, разъ за разомъ.— Отвратись отъ искушителя! Если ты дашь ему палецъ, онъ возьметъ твое сердце. Или ты такъ низко опустился, что я—твой блудный сынъ—долженъ предостерегать тебя?

Паво дѣйствительно говорилъ очень убѣдительно, слуга полагалъ, что онъ заучивалъ рѣчь, которую онъ хотѣлъ сегодня утромъ держать къ отцу.

Пронырливый слуга всюду совалъ свой носъ, и зналъ все.

— Вы сегодня хотите уѣзжать?—сказалъ онъ мнѣ.

Я ни слова не говорилъ объ этомъ въ гостиницѣ и не спрашивалъ счета.

— Откуда вы это знаете?—спросилъ я.

— Я этого не знаю, — отвѣтилъ онъ. — Но вы просили на почтѣ пересылать вамъ письма, и вы заказали лошадей къ пяти часамъ на пристань.

Даже это онъ разнюхалъ! У меня было чувство, какъ будто этотъ мудрый человѣкъ выслѣживалъ меня, и онъ показался мнѣ очень отталкивающимъ. Я пришелъ въ ярость, я не могъ выносить его безстыднаго взгляда; у него были два бѣлые глаза, которые приводили меня въ дрожь какъ сквозной вѣтеръ.

— Убирайся ты, собачій сынъ!—сказалъ я.

Онъ стоялъ неподвижно. Этотъ безсовѣстный человѣкъ не трогался съ мѣста. Онъ держалъ обѣ руки за спиной. О чемъ онъ думалъ, и что онъ дѣлалъ своими руками за спиной? Собирался онъ сдѣлать что-нибудь?

— Мнѣ очень жаль, что вы такъ сказали, — сказалъ онъ наконецъ. Онъ не сказалъ больше ничего, но онъ смотрѣлъ на меня пристально, не отрывая глазъ. Я сталъ сзади него, чтобы узнать, что у него въ рукахъ. Въ рукахъ у него ничего не было, онъ сложилъ руки и ломалъ пальцы. Я опять сталъ передъ нимъ. Его плечи вздрагиваютъ и глаза полны слезъ. Я жалѣю, что выбранилъ его, и я только собираюсь загладить это, когда онъ вдругъ надвигается на

меня, странный предметъ блеститъ въ его рукъ, смѣшной дверной ключъ съ двумя бородками. Онъ поднимаетъ его кверху и попадаетъ мнѣ по кисти правой руки. Рука моя опускается, она нѣмѣетъ отъ этого глухого удара. Я совершенно остоленѣлъ отъ этой наглости, я не могу произнести ни слова и стою неподвижно. Онъ опять кладетъ руки за спину. Черезъ мгновеніе я прохожу мимо него, къ двери.

— Вы думаете, что я васъ еще разъ ударю, — говоритъ онъ. — Но вы такъ не думайте. Боже сохрани!

Я закрываю дверь лѣвой рукой и возражаю холодно:

— Поди и принеси счетъ!

Слуга низко мнѣ кланяется и уходитъ. Я слышу, какъ онъ громко рыдаетъ за дверью.

Я не уѣхалъ въ тотъ день; у меня такъ сильно болѣла рука, и я чувствовалъ себя почти больнымъ. На кисти руки были двѣ глубокія ямки. Ямки съ синими кровоподтеками. Жилы распухли до самыхъ плечъ. Какая дикость со стороны слуги! Онъ между тѣмъ, казалось тотчасъ же раскаялся въ своемъ нападеніи, онъ принесъ мнѣ спиртъ для руки, и положилъ повязку на рану; лучше, чѣмъ онъ, мнѣ теперь никто не могъ помочь. Онъ заботился о томъ, чтобы въ сосѣдней комнатѣ было тихо, когда я вечеромъ легъ спать, и это онъ сдѣлалъ по собственному своему побужденію. Ватагу пьяныхъ мужиковъ, которые около часу ночи остановились подъ моимъ окномъ и пѣли, онъ разогналъ съ бѣшенствомъ. Я слышалъ, какъ онъ ихъ упрекалъ въ томъ, что они не даютъ отдохнуть больному знатному господину, князю, который повредилъ себѣ руку.

На слѣдующій день я позвонилъ два раза, но онъ не приходилъ. Я былъ очень раздраженъ, очень плохо себя чувствовалъ, я сильно дернулъ колокольчикъ и позвонилъ еще разъ. Наконецъ я увидѣлъ его идущимъ по улицѣ.

Онъ отсутствовалъ. Когда онъ вошелъ въ мою комнату, я не могъ удержаться, чтобы не сказать ему:

— Я звонилъ четверть часа. Я охотно заплачу вдвое больше, если вы думаете, что этого заслуживаете. Принесите мнѣ чаю.

Я видѣлъ, какъ больно сдѣлали ему мои слова. Онъ ничего не отвѣтилъ, бросился изъ комнаты принести мнѣ чаю. Я вдругъ совершенно растрогался его терпѣніемъ и кротостью; быть можетъ, онъ никогда въ жизни не слышалъ добраго слова, а теперь и я былъ несправедливъ. Я хотѣлъ тотчасъ же загладить свою вину, поэтому я сказалъ, когда онъ вернулся:

— Простите меня! Я никогда больше не скажу ничего такого. Но сегодня я совсѣмъ боленъ.

Онъ видимо очень обрадовался моей привѣтливости и возразилъ:

— Мнѣ давеча нужно было уйти. Я васъ увѣряю, что мнѣ необходимо было исполнить одно порученіе.

Но ободренный моей привѣтливостью онъ тотчасъ же по прежнему сталъ болтливъ. Онъ былъ полонъ всякихъ исторій, и уже былъ готовъ рассказать мнѣ все, что онъ вынюхалъ о тѣхъ, кто былъ въ гостиницѣ.

— Осмѣлюсь я вамъ доложить,—сказалъ онъ,—господинъ Синвары въ эту минуту посылаетъ домой человѣка за деньгами, за большими деньгами. Паво предполагаетъ, что онъ разорится на рулеткѣ. Своихъ колецъ онъ до сихъ поръ еще не выкупилъ.

— Хорошо,—сказалъ я.

— А та дѣвочка, которую вы вчера видѣли, ночью у него была. Она съ горъ, ей и во снѣ не снилось такъ возвыситься. Отецъ ея и то не хотѣлъ вѣрить, что она такъ возвысилась.

Подъ вечеръ я опять сидѣлъ на балконѣ и наблюдалъ за тѣмъ, что происходило на ярмарочной площади. У меня

рука была на перевязи. Русский лежалъ на скамьѣ рядомъ со мной и читалъ книгу. Вдругъ онъ взглянулъ на меня и спросилъ, знаю ли я, что господинъ Синвары послалъ къ себѣ домой курьера за деньгами. А днемъ у него было свиданіе съ Паво. Паво сказалъ ему рѣчь и отецъ не могъ не согласиться съ нимъ. Но онъ ничего не далъ сказать себѣ, онъ утверждалъ, что онъ только хочетъ вернуть свои деньги. Что же, вообразилъ себѣ кто-нибудь что ли, что онъ этой шайкѣ разбойниковъ предоставитъ шестьдесятъ три тысячи чистоганомъ? Но это напрасно. Онъ впрочемъ не хочетъ играть только для того, чтобы покрыть свой проигрышъ. Пусть знаютъ добрые люди, которые сожалѣли о томъ, что онъ потерялъ свои кольца, что онъ можетъ первому попавшемуся нищему подарить такое кольцо на каждый палецъ, не обѣднѣвъ отъ этого.

— И это правда,—сказалъ русский,—онъ уже такой взятый игрокъ, что для него главное совсѣмъ не проигрышъ. Его теперь притягиваетъ возбужденіе, напряженіе, мука, это дикое волненіе крови.

— А Паво? Что же Паво на это сказалъ?

— Бѣги погибели своей!—сказалъ Паво.—Возстанъ человѣкъ. Бери примѣръ съ меня!

Паво говорилъ убѣдительно, его голосъ былъ печаленъ, и время отъ времени онъ даже указывалъ вверхъ на небо. Это было забавное зрѣлище, видѣть, какъ этотъ промотавшійся молодой грѣшникъ притворялся добродѣтельнымъ, каковымъ онъ давно пересталъ быть. Онъ былъ достаточно нахаленъ, чтобы серьезно читать отцу нравоученіе. Отецъ утверждалъ, что онъ игралъ только ради сына, онъ хотѣлъ его спасти отъ порока, что для этой цѣли онъ ничего не пожалѣетъ. Тогда Паво вспылилъ: онъ всю свою жизнь сохранялъ чувство собственного достоинства, а отецъ наоборотъ проигралъ свои кольца, заложилъ свои драгоценности въ присутствіи всѣхъ. Онъ, Паво, сохранилъ свое

достоинство, онъ никогда не прибѣгалъ къ займу подъ закладъ своей палатки, она стоитъ нетронутая, и онъ всегда занятъ своимъ дѣломъ. Въ заключеніе Паво пригрозилъ старику княземъ Яривомъ.

— Молчи,—сказалъ отецъ.—Я самому себѣ обѣщался показать тебѣ послѣдствія твоихъ излишествъ и это я сдѣлаю. Прощай, Паво!

И Паво пришлось уйти. Но онъ прямо отъ отца отправился въ игорный домъ.

— А вы не думаете, что отецъ дѣйствительно намѣревается наставить Паво такимъ образомъ на истинный путь?—спросилъ я русскаго.

Онъ покачалъ головой.

— Можетъ быть. Но это ему не удастся. Да, кромѣ того, старикъ вѣдь такъ же втянулся, какъ его сынъ.

Теперь всѣ говорятъ о господинѣ Синвары и его игрѣ. Это ему совершенно безразлично, сказалъ онъ, и онъ поднималъ голову еще выше, чѣмъ до сихъ поръ, и дѣлалъ веселое лицо. Иногда онъ даже удостаивалъ шутки окружающихъ его:

— Вы смотрите на мои руки,—говорилъ онъ. — Ахъ, да, я очень обѣднѣлъ, свои кольца даже проигралъ! Ха, ха, ха!

Онъ не ходилъ больше въ рулетку, теперь, когда у него совсѣмъ не было денегъ, но онъ заставлялъ лакеевъ доносить себѣ о ходѣ игры, кто терялъ, кто выигрывалъ, сколько ставили, и кто смѣлѣе всѣхъ игралъ. На слѣдующій день ко мнѣ пришелъ русскій и рассказалъ мнѣ, что господинъ Синвары три часа молился Богу, прося его о счастьѣ; онъ хотѣлъ только вернуть потерянные деньги, тогда онъ перестанетъ играть. Онъ обѣщалъ это Богу громкимъ голосомъ, при этомъ даже плакалъ. Русскій слышалъ это отъ гостиничнаго слуги, который подсмотрѣлъ это въ замочную скважину.

Прошло три дня. Рука моя не болѣла больше, я рѣшился уѣхать вечеромъ. Я пошелъ въ городъ, чтобы покончить съ нѣкоторыми дѣлами, между прочимъ я былъ въ полиціи, чтобы дать подписать мой паспортъ. На возвратномъ пути я прошелъ мимо палатки Паво. Въ концѣ концовъ я началъ помимо своей воли интересоваться этимъ человѣкомъ и его отцомъ. Всѣ говорили о нихъ, вся гостиница была полна разсказовъ объ этихъ людяхъ, и я самъ наконецъ не могъ не думать о нихъ, какъ всѣ другіе и каждый день о нихъ спрашивалъ.

Я вошелъ въ палатку къ Паво. Предыдущій вечеръ я слышалъ, что онъ выигралъ въ баккара большую сумму. Онъ лишилъ одного чужого проѣзжаго всѣхъ его наличныхъ денегъ, и послѣ того подарилъ ему нѣсколько сотъ, затѣмъ онъ обратился къ рулеткѣ, гдѣ счастье не покидало его, и нанесъ банку ущербъ въ цѣлое состояніе.

— Представьте себѣ, — сказалъ мнѣ Паво, какъ только я вошелъ въ его палатку, — представьте себѣ, куда сейчасъ приходилъ господинъ Синвары, мой отецъ, чтобы занять денегъ! Онъ хотѣлъ выкупить свои кольца. Мнѣ конечно въ голову не приходитъ сдѣлать такую глупость. Отецъ мой очень добрый человѣкъ и мнѣ было жаль отказать ему въ этой услугѣ. Но я это сдѣлалъ ради него самого. Сынъ долженъ заботиться о чести семьи. Отецъ долженъ понять, куда это ведетъ, когда дѣлаетъ такіа глупости. Я нахожу, что я поступилъ совершенно правильно. А что вы думаете объ этомъ? —

Его внѣшность показалась мнѣ отталкивающей въ эту минуту. Онъ сталъ самодоволенъ и самоувѣренъ отъ необычайной удачи прошлаго вечера, который опять наполнилъ его карманъ деньгами. Въ то время какъ онъ говорилъ, онъ опускалъ лобъ, пряталъ его, нырялъ имъ, какъ

будто онъ у него былъ клейменный, и его глаза такъ нечестно лгали, когда онъ ихъ поднималъ. Но у него была красивѣйшая шея и нѣжный, красный ротъ.

— Что вы объ этомъ думаете? говорилъ онъ.

— Я объ этомъ не могу судить,—возразилъ онъ.

— То есть, — пробормоталъ онъ яростно, — вы не хотите принять словъ благоразумнаго человѣка.

Онъ сердито дергалъ плечами и бѣгалъ взадъ и впередъ передъ своимъ прилавкомъ.

— Чѣмъ, впрочемъ, я могу служить вамъ, такъ какъ вы потрудились пожаловать ко мнѣ?

Я перечислилъ разныя разности, что мнѣ пришлось въ голову, но что, въ сущности, мнѣ совсѣмъ не нужно было. Когда я получилъ желаемое, я удалился.

Только что я вернулся въ гостиницу, какъ слуга бросился ко мнѣ и рассказалъ мнѣ, что курьеръ господина Синвары съ деньгами прибылъ. Онъ сидитъ теперь здѣсь, готовый начать снова игру, какъ только откроется рулетка. Паво ничего объ этомъ не знаетъ. Паво ничего объ этомъ не долженъ знать, онъ, слуга, получилъ за это на чай, чтобы онъ не побѣждалъ и не рассказывалъ ему объ этомъ.

Пробило пять часовъ.

Какъ только открылась игорная комната, господинъ Синвары отправился туда. Онъ былъ въ возбужденіи, онъ дѣлалъ какія-то странныя движенія руками, какъ будто объясалъ что-то.

Принцъ и старый военный были ужъ тутъ, румына не было, нѣсколько постороннихъ также начали играть. Сначала господинъ Синвары выкупилъ свои кольца.

— Я сегодня буду дѣйствовать съ величайшей осторожностью,—сказалъ онъ крупье, не глядя на него, однако. Теперь у него видъ былъ холодный и важный.

— Пусть ваша звѣзда принесетъ вамъ счастье, — сказалъ крупье кланяясь.

Игра началась.

Господинъ Синвары имѣлъ рѣшительный видъ. Онъ ставилъ три раза на красное и выигралъ. Тогда онъ спряталъ въ карманъ свои собственные деньги и съ того времени игралъ только на свой выигрышъ. Онъ нѣсколько разъ попробовалъ на тринадцать, но проигралъ, перемежа удачу раздражаетъ его, онъ ставитъ еще нѣсколько разъ на красное и выигрываетъ. Теперь передъ нимъ на столѣ лежитъ значительная сумма, онъ играетъ безъ расчета, безъ размыслений, онъ ставитъ смѣло, и чтобы не терять времени, онъ готовится, прежде чѣмъ колесо остановилось, къ новой ставкѣ. Онъ и не считаетъ, онъ играетъ въ экстазѣ. Его глаза останавливаются на черномъ квадратѣ стола, и онъ ставитъ крупную сумму на этотъ квадратъ.

Черное выигрываетъ. Онъ выигрываетъ теперь безостановочно. Этотъ черный квадратъ дѣлается золотымъ рудникомъ, изъ котораго онъ черпаетъ сокровища и пускаетъ ихъ въ оборотъ. Вдругъ онъ одумывается, приостанавливается на минуту, глубоко дышетъ. Колесо вертится, но господинъ Синвары забываетъ поставить, онъ все еще не можетъ отдышаться. Входитъ его дѣвчонка. Улыбаясь и розовѣя, она подходитъ къ нему. Онъ замѣчаетъ ее и дѣлаетъ ей знакъ уйти.

— Вотъ видишь, ты пришла и я забылъ поставить, — говорить онъ. Въ слѣдующее мгновеніе онъ подзываетъ ее. Колесо остановилось, стрѣлка остановилась на красномъ, и это было счастье для господина Синвары, что онъ на этотъ разъ не поставилъ на черное. Онъ кладетъ въ руку своей дѣвчонкѣ одно изъ своихъ драгоценныхъ колецъ и шепчетъ ей что-то. Дѣвчонка дѣлается малиновой, обнимаетъ свою собственную шею руками и выбѣгаетъ изъ залы.

А господинъ Синвары продолжаетъ играть, безразсудно, совершенно механически. Онъ беретъ полную руку тяжелыхъ свертковъ золота и ставитъ ихъ на красное. Тотчасъ же за этимъ имъ овладѣваетъ страшная неувѣренность, онъ дѣлаетъ боязливое движеніе рукой, какъ будто хочетъ ихъ взять назадъ, но овладѣваетъ собой и оставляетъ ихъ на столѣ.

Колесо останавливается.

— Красное.

— Красное, — повторяетъ господинъ Синвары. И онъ опять побѣдоносно улыбается стоящимъ вокругъ и говорить громко: — Опять красное! Да, я такъ и предчувствовалъ!

Съ этой минуты онъ теряетъ разсудокъ. Бьетъ десять часовъ, входятъ нѣсколько постороннихъ, собственно игроковъ, которые съ этого часа начинаютъ свою игру. Между ними румынъ. Я забылъ о своемъ отъѣздѣ и не двигался съ мѣста, я слѣдилъ съ величайшимъ напряженіемъ за дѣйствіями господина Синвары. Онъ самъ не замѣчалъ всѣхъ тѣхъ новыхъ лицъ, что его окружали, онъ едва ли подозрѣвалъ, что кто-нибудь игралъ около него. Его счастье гипнотизируетъ его и онъ ставитъ крупныя суммы на нѣсколько номеровъ заразъ. Прихоть, внезапное внушеніе побуждаетъ его взять горсть золота и поставить самую большую ставку на двадцать пять. Трое игроковъ слѣдуютъ его примѣру, всѣ вокругъ него шепчутъ и ждутъ.

— Тринадцать!

Проиграли. Румынъ скрежещетъ зубами отъ отчаянія. У господина Синвары новая мысль. Онъ наполовину привстаетъ со своего стула и ставитъ самую большую ставку на нуль. Никто больше не слѣдуетъ за нимъ, эта отчаянная игра всѣхъ испугала.

— Нуль!

Въ шумѣ, который теперь произошелъ, я слышалъ, ка-

кія ужасныя проклятія произносилъ румынъ. Тотчасъ вслѣдъ за этимъ вошелъ Паво въ сопровожденіи гостиничнаго слуги, который все-таки извѣстилъ его. Паво прямо пошелъ къ стулу отца; не говоря ни слова, онъ схватилъ его за плечи и сталъ его трясти.

Тотъ поднялъ глаза, узналъ сына и тотчасъ же сдался. Онъ понялъ, что ему никакое сопротивленіе не поможетъ, да и онъ былъ слишкомъ потрясенъ.

— Какой ты сердитый, Паво, — сказалъ онъ только. Онъ механически загребаетъ свой послѣдній выигрышъ, собираетъ свои деньги, и начинаетъ разсовывать деньги по карманамъ. Онъ безпорядочно запихиваетъ монеты съ бумажками, беретъ въ руку послѣднюю кучку бумажекъ, встаетъ и уходитъ съ Паво.

Крупье провожаетъ уходящихъ бѣшеннымъ взглядомъ. Игра остановилась.

Потомъ въ гостиницѣ рассказывали, что господинъ Синвары не только вернулъ все потерянное въ рулетку предыдущимъ вечеромъ, но сверхъ того выигралъ еще небольшую сумму. Говорили о семистахъ чистой прибыли. Я радовался про себя его побѣдѣ. Никто не игралъ съ такимъ чистосердечіемъ, какъ онъ, а теперь ужъ онъ вѣрно никогда больше не подойдетъ къ рулеткѣ.

VII.

На слѣдующій вечеръ я былъ готовъ къ отъѣзду. Мои вещи были отнесены на пароходъ, счетъ заплоченъ и все устроено. Я сую въ руку гостиничнаго слуги бумажку и прощаюсь съ нимъ. Онъ усиленно моргаетъ бѣлыми глазами и начинаетъ плакать. Онъ цѣлуетъ мнѣ руку, жалкій бѣдняга.

— Повѣрите ли вы, — говоритъ онъ тотчасъ же за этимъ, и вытираетъ себѣ глаза, — господинъ Синвары уѣзжаетъ на

томъ же пароходѣ, что вы. Онъ обѣщалъ Паво вернуться домой.—Этотъ всезнающій человѣкъ преслѣдовалъ меня до послѣдняго мгновенія своими разсказами. Паво держалъ еще рѣчь къ своему отцу. Когда не помогло то, что онъ грозилъ ему княземъ Яривомъ, онъ показалъ ему маленькій никуда негодный пистолетъ, которымъ онъ долженъ былъ, къ сожалѣнiю, застрѣлиться, чтобы спасти свою честь. Тутъ отецъ уступилъ. Онъ дѣйствительно не хотѣлъ терять дружбы князя Ярива. Кромѣ того, онъ обѣщался клятвенно Богу прекратить игру, какъ только онъ вернетъ свои деньги. Словомъ господинъ Синвары хотѣлъ возвращаться домой.

— Прощайте!—сказалъ слуга.—Вы встрѣтите его внизу на пароходѣ.

Пробило пять часовъ.

Въ ту самую минуту, когда открывался игорный залъ, я отправился на пристань. Пароходъ грузили рогожами.

Нѣсколько минутъ спустя, появился господинъ Синвары со своимъ слугой, они оба были одѣты по дорожному. Много тутъ было людей, но я не видалъ Паво. Я спросилъ одного старика объ немъ, я сказалъ:

— Почему онъ не провожаетъ своего отца на пароходъ?

— Паво гордый,—отвѣтила молодая дѣвушка, которая какъ разъ подошла.—Онъ не признаетъ отца, который проигрываетъ свои кольца. Это похоже на Паво.

Тутъ же стояла и дѣвочка господина Синвары. Она стояла въ сторонѣ, и смотрѣла издали, съ опущенной головой. Тотъ, на котораго она смотрѣла, не удостоилъ ее и взглядомъ.

Я прошелся нѣсколько разъ по набережной, заплатилъ за мой экипажъ, посмотрѣлъ, чтобы всѣ мои вещи были доставлены на палубу. Старый слуга господина Синвары былъ уже тутъ, но самого его я не видѣлъ. Я искалъ глазами и его дѣвичку, но и она исчезла.

Послѣднюю рогожу спустили въ трюмъ и послѣднiй пассажиръ взошелъ на пароходъ. Вдругъ всѣ стали спрашивать о господинѣ Синвары, который хотѣлъ ѣхать. Гдѣ онъ остался? Его старый слуга вскакиваетъ. Куда-же дѣвался его баринъ? Пароходъ стоитъ, нельзя же было уѣзжать безъ такого важнаго барина! Мы всѣ обыскиваемъ пароходъ, набережную, всѣ углы и закоулки, мы спрашиваемъ всѣхъ людей объ немъ и никто не можетъ ничего намъ сказать. Не упалъ ли онъ въ воду? Быть можетъ онъ бросился въ воду и утонулъ незамѣченный никѣмъ? Вдругъ на меня находитъ предчувствiе, нелѣпая мысль, я прошу капитана подождать еще пять минутъ, тогда я быть можетъ, могу сообщить что-нибудь о томъ, кого ищутъ. Я выскакиваю на берегъ, бѣгу въ гостиницу, бросаюсь вверхъ по лѣстницѣ въ синiй этажъ. Задерживая дыханiе, я раскрываю дверь и заглядываю туда.

Прежде всего я вижу дѣвичку господина Синвары. У нея опять ея краснѣющее счастливое лицо. А передъ ней на стулѣ сидитъ самъ господинъ Синвары. Онъ сидитъ опять за рулеткой.

Голосъ жизни.

Писатель Г. рассказывает: у внутренней гавани въ Копенгагенѣ есть улица, которая называется Вестервольдъ, новый пустынный бульваръ. Тамъ мало домовъ, мало фонарей, и почти совсѣмъ не видно людей. Даже въ лѣтнее время рѣдко случается, чтобы тамъ кто-нибудь гулялъ.

Такъ вотъ! Третьяго дня вечеромъ, я пережилъ нѣчто на этой улицѣ.

Я нѣсколько разъ прошелъ взадъ и впередъ по тротуару, когда со мной поравнялась дама. Другихъ людей нигдѣ не видно. Фонари зажжены, но все же довольно темно, и я не могу разсмотрѣть лица дамы. Это одно изъ обыкновенныхъ ночныхъ созданий, думаю я, и прохожу мимо.

На концѣ бульвара я поворачиваю и иду назадъ. Поворачиваетъ и дама, и я опять встрѣчаюсь съ ней. Я думаю про себя: она кого-то ждетъ, посмотримъ, кого она ждетъ. И я еще разъ прохожу мимо нея.

Когда я въ третій разъ встрѣтился съ ней, я приподнял шляпу и заговорилъ съ ней.

Добрый вечеръ! Ждетъ ли она кого здѣсь?

Она вздрогнула. Нѣтъ—да, она кого-то ждетъ.

Имѣетъ ли она что нибудь противъ того, чтобы я побылъ съ нею, пока не придетъ тотъ, кого она ждетъ?

Нѣтъ, она ничего не имѣетъ противъ этого. Она по-

благодарила меня. Впрочемъ, сказала она, она никого не ждетъ, она вышла погулять сюда, потому что здѣсь такъ тихо.

Мы пошли рядомъ и начали говорить о безразличныхъ вещахъ; я предложилъ ей руку.

— Ахъ нѣтъ,—сказала она и покачала головой.

Не очень это было забавно идти такъ.

Я не могъ разсмотрѣть ее въ темнотѣ, поэтому я зажегъ спичку и попробовалъ ее освѣтить, въ то время какъ смотрѣлъ на часы.

— Половина десятаго,—сказалъ я.

Она содрогнулась, какъ будто ей было холодно. Я воспользовался случаемъ и спросилъ:

— Вамъ холодно, не хотите ли зайти куда-нибудь и что-нибудь выпить? Въ Тиволи, или въ Національ?

— Нѣтъ, я никуда не могу идти теперь, какъ видите,—отвѣтила она.

И только теперь я замѣтилъ, что на ней была очень длинная траурная вуаль.

Я попросилъ извиненія и свалилъ вину на темноту. И манера, какъ она приняла мое извиненіе, внезапно убѣдила меня, что она не принадлежала къ обыкновеннымъ искательницамъ приключеній.

— Возьмите мою руку,—сказалъ я еще разъ,—вамъ будетъ теплѣе.

Она взяла мою руку.

Мы нѣсколько разъ пошлись взадъ и впередъ. Она попросила меня посмотрѣть на часы.

— Десять,—сказалъ я,—гдѣ вы живете?

— На Конгевэй.

Я задержалъ ее.

— А можно мнѣ васъ проводить до дому?

— Нѣтъ, это неудобно,—возразила она.—Нѣтъ, этого нельзя.—Вы живете на Бретгадъ?

— Откуда вы это знаете?—спросилъ я удивленно.

— Я знаю, кто вы,—отвѣтила она.

Пауза.—Мы шли подъ руку и поворачивали въ освѣщенные улицы. Она шла быстро, ея длинная вуаль развѣвалась. Она сказала;

— Пожалуйста, пойдите поскорѣй.—

У входной двери дома, въ улицѣ Конгевэй, она обернулась ко мнѣ, какъ будто хотѣла поблагодарить меня за то, что я ее проводилъ. Я раскрылъ ей дверь, она медленно вошла въ нее, оглядываясь на меня. И слегка упираясь плечомъ въ дверь, вошелъ и я за ней. Тутъ она схватила меня за руку. Никто изъ насъ не промолвилъ ни слова.

Мы поднялись по лѣстницѣ кверху, и остановились во второмъ этажѣ. Она сама раскрыла первую дверь, раскрыла еще дверь, взяла меня за руку и ввела меня внутрь. Это, должно быть, была комната; я слышалъ, какъ тикали часы. Дама приостановилась на минуту въ дверяхъ, внезапно обвила меня руками и поцѣловала меня горячо и трепетно въ ротъ. Въ самый ротъ.

— Сядьте теперь,—сказала она.—Здѣсь диванъ.—Я пока зажгу свѣчи.—

И она зажгла свѣчи.

Я осмотрѣлся, съ смущеніемъ и любопытствомъ. Это была большая, чрезвычайно красиво обставленная комната, въ которой я находился; нѣсколько дверей въ смежныя комнаты были раскрыты. Я не могъ понять, что это было за созданіе, съ которымъ я встрѣтился столь удивительнымъ образомъ, и я сказалъ:

— Какъ здѣсь мило! Вы здѣсь живете?—

— Да, это мой домъ,—возразила она.

— Эта вашъ домъ, значитъ вы дочь хозяевъ?

Она засмѣялась и сказала:

— Нѣтъ, нѣтъ, я старая женщина, вы сейчасъ это увидите.—

И она сняла шляпу и вуаль.

— Вотъ вы видите,—сказала она, и внезапно обвила меня руками еще разъ, въ порывѣ неудержной страсти.

Ей было года двадцать два, двадцать три; на правой рукѣ у нея было надѣто обручальное кольцо, и поэтому, дѣйствительно, она могла быть замужней женщиной. Красива? Нѣтъ. У нея было слишкомъ много веснушекъ, и совсѣмъ не было бровей. Но въ ней жизнь кипѣла, и ротъ ея былъ замѣчательно красивъ.

Я хотѣлъ ее спросить, какъ ее зовутъ, гдѣ ея мужъ, если таковой имѣется; я хотѣлъ знать, въ чьемъ домѣ я нахожусь; но она крѣпко прижималась ко мнѣ, какъ только я раскрывалъ ротъ, и запретила мнѣ любопытничать.

— Меня зовутъ Элленъ,—сказала она.—Хотите выпить чего-нибудь? Это ничего, я отлично могу позвонить. Только вамъ надо будетъ на это время войти въ спальню.

Я вошелъ въ спальню. Лампа изъ гостиной бросала сюда слабый свѣтъ. Я видѣлъ двѣ кровати. Элленъ позвонила и спросила вина, я слышалъ, какъ дѣвушка принесла вина и опять ушла. Черезъ нѣсколько минутъ Элленъ вошла въ спальню. Она остановилась у двери. Я сдѣлалъ шагъ навстрѣчу ей, она слегка вскрикнула, и въ ту же секунду пошла ко мнѣ...

Это было третьяго дня вечеромъ.

Что послѣ произошло? Потерпи только, произошло и большее. Вчера утромъ, когда я проснулся, начинало свѣтать, дневной свѣтъ проникалъ въ комнату по обѣ стороны шторы. И Элленъ проснулась. Она устало вздохнула и улыбнулась мнѣ. Ея руки были бѣлыя, подобныя бархату, грудь пышная. Я прошепталъ ей что-то и она закрыла мнѣ ротъ своимъ ртомъ, онѣмѣвшимъ отъ нѣжности. Свѣтало все больше и больше.

Черезъ два часа я былъ на ногахъ, и Элленъ уже встала, она оправляетъ свое платье, она уже обулась. И

вотъ теперь я пережилъ нѣчто, что приводитъ меня еще въ эту минуту въ содроганіе, какъ дурной сонъ. Я стою у умывальника,—Элленъ что-то дѣлаетъ въ сосѣдней комнатѣ, и когда она раскрываетъ дверь, я поворачиваюсь и смотрю въ ту комнату. Холодное дуновеніе воздуха доходитъ до меня, идетъ изъ открытыхъ оконъ, и въ серединѣ комнаты, на длинномъ столѣ, я вижу покойника. Покойника, который лежитъ въ гробу, въ бѣломъ саванѣ съ сѣдой бородой, мужчины. Его тощія колѣни торчатъ вверхъ, какъ два яростные кулака, сжатые подъ покровомъ, его лицо, совершенно желтое, внушаетъ страхъ. Я вижу все при дневномъ свѣтѣ. Я отворачиваюсь и не говорю ни слова.

Когда Элленъ вернулась, я былъ одѣтъ, и собирался уйти. Я едва былъ въ состояніи отвѣтить на ея объятія. Она одѣлась окончательно, ей хотѣлось проводить меня до выхода, и я предоставилъ ей идти и все еще ничего не говорилъ. Внизу при выходѣ она прижалась къ стѣнѣ, чтобы ее не замѣтили и прошептала:

— Такъ до свиданія!

— Завтра?—спросилъ я нерѣшительно.

— Нѣтъ, не завтра!

— Почему не завтра?

— Молчи, милый, мнѣ надо завтра на похороны, у меня умеръ одинъ родственникъ. Ну, теперь ты знаешь!

— А послѣ завтра?

— Да, послѣ завтра, я буду ждать тебя здѣсь у входа. До свиданья!

Я ушелъ...

Кто она была? И покойникъ? Какъ онъ сжалъ кулаки, и какъ некрасиво, смѣшно опустились углы его рта! Послѣ завтра она будетъ ждать меня опять. Идти ли мнѣ къ ней опять?

Я направляюсь прямо въ кафѣ *Бернина*, гдѣ я спрашиваю адресную книгу,—я раскрываю ее, на Конгевэй тотъ-то

и тотъ-то номеръ, хорошо, я вижу имя и знаю какъ зовутъ Элленъ. Я жду минуту, пока не приходитъ утренняя газета, бросаюсь на газету, чтобы изучить объявленія о смерти. Да, я какъ разъ нахожу ея объявленіе, первое въ длинномъ рядѣ объявленій, жирнымъ шрифтомъ: „Послѣ продолжительной болѣзни скончался вчера мой мужъ на 53 году отъ роду“. Объявленіе помѣчено вчерашнимъ числомъ.

Я сижу долго и размышляю.

У человѣка есть жена, она на тридцать лѣтъ моложе его, онъ болѣетъ много лѣтъ, и затѣмъ въ одинъ прекрасный день умираетъ.

И молодая вдова облегченно вздыхаетъ.

Захолустная жизнь.

Если дождь не слишком сильный, то всю недѣлю сплошь, съ утра до вечера, слышны твердые звучные удары молота по болтамъ и гвоздямъ, тамъ, на корабельной верфи. Это единственный звукъ города, который всюду слышенъ, въ каждомъ домѣ.

Это маленькое мирное мѣстечко, весьма спокойное и консервативное гнѣздо, съ семейственными капитанами, питейными заведеніями и церковью. Ночнымъ сторожамъ здѣсь немного дѣла; о дракахъ и ночномъ нарушеніи покоя такъ рѣдко слышно, что всѣ чужіе дивятся этому — а если какому-нибудь моряку, или загулявшему бродягѣ вечеромъ какъ-нибудь и случится затянуть пѣсню или выругаться, то кажется, какъ будто сама тишина города понижаетъ его голосъ. И ночные сторожа спокойно бредутъ своей дорогой, не поворачивая головы, потому что въ этомъ нѣтъ надобности.

Ночью, здѣсь въ городѣ, принято спать; здѣсь не бодрствуютъ и не шатаются безъ дѣла. Вечеромъ оба ночные сторожа встрѣчаются на рынкѣ макрели. Это всегда ихъ точка отправленія. Они поздороваются, походятъ немного взадъ и впередъ, присядутъ на минутку, поспятъ немного, покурятъ немного, походятъ немного взадъ и впередъ — и такъ проходитъ ночь. Они знаютъ каждого человѣка, и

каждый человѣкъ знаетъ ихъ. Если, когда вечеромъ, кто-нибудь изъ почетныхъ обывателей идетъ по улицѣ нѣсколько позже обыкновеннаго, то ночные сторожа уже знаютъ, что онъ возвращается домой съ крестинъ, или просто изъ клуба. Никто ихъ въ этомъ подстерегать не станетъ. А если случится, что городская почтовая двуколка проѣдетъ мимо нихъ въ тишинѣ и темнотѣ ночи, и въ ней сидитъ женская особа въ капюшонѣ, а за ней мужчина, то и тогда ночные сторожа знаютъ въ чемъ дѣло. Тогда они близко подходятъ другъ другу, перешептываются и киваютъ другъ другу, какъ двѣ кумушки, и понимаютъ другъ друга до глубины души. Ровно въ шесть часовъ каждый идетъ своей дорогой въ городъ, и во всѣхъ домахъ, гдѣ люди уже встали, распространяется извѣстіе, что повивальная бабка два часа тому назадъ проѣхала по городу внизъ, и что у жены капитана Габріэльсена родился маленький.

Въ этомъ мѣстечкѣ есть еще двое хромыхъ портныхъ, одинъ нищій, армія спасенія, пароходная пристань, таможня и сберегательная касса. Все это имѣется. И въ центрѣ города находится „Союзъ“, мѣстный атеней и клубъ, гдѣ собираются отцы города и читаютъ „Послѣднія извѣстія“ или „Утренній Листокъ“. Тутъ, въ городѣ, не читаютъ до утомленія, до пресыщенія, книжный торговецъ торгуетъ всѣмъ возможнымъ, начиная съ гребенокъ и шоколадныхъ плитокъ и кончая школьными книгами и сборниками нравоученій. Говорятъ, что здѣсь есть человѣкъ, который въ юности своей прочелъ будто бы „Педера Паарса“ отъ доски до доски; но этому человѣку и плохо пришлось въ жизни, онъ сталъ старымъ холостякомъ и тунейдцемъ, и ко всему тому же нѣсколько чудаковатымъ. Человѣка этого зовутъ Теннесь Олай. Никто не знаетъ, чѣмъ живъ Теннесь Олай; но его никогда не видно въ обѣденный часъ на улицѣ; значитъ, у него есть какая-нибудь ѣда въ его старой-престарой комнатѣ, гдѣ онъ зиму и лѣто живетъ одинъ-одинешенекъ.

Но внѣ обѣденныхъ часовъ всегда его можно найти на улицахъ. Это маленькій чловѣкъ, съ красновато-желтыми волосами и бородой, мало бросающійся въ глаза, хотя въ послѣднее время онъ сталъ нѣсколько пополнѣй въ тѣлѣ; все, что онъ дѣлаетъ, онъ дѣлаетъ спокойно и обдуманно, и онъ наклоняетъ самую малость голову на сторону, это у него отъ его начитанности и разсудительности. Такъ какъ онъ знаетъ весь городъ, то онъ чувствуетъ себя обязаннымъ раскланиваться со всѣми; большинство отвѣчаетъ на его поклоны, только консуль отвѣчаетъ ему, прикладывая указательный палецъ къ шляпѣ.

Тотъ же Теннесь Олай впрочемъ пользуется извѣстнымъ уваженіемъ у маленькихъ людей. Обыкновенные рыбаки и портовые рабочіе считаютъ особенной честью называть его своимъ пріятелемъ и единомышленникомъ. Они думаютъ, Теннесь Олай зарабатываетъ свой хлѣбъ какимъ-то таинственнымъ способомъ, для котораго ему только нужна его голова; они думаютъ, что онъ чортъ; никто никогда не видалъ его за какой-нибудь работой, а онъ живетъ и процвѣтаетъ, знаетъ свое дѣло.

Но Теннесь Олай все же не чортъ ужъ до такой степени. Единственное, что онъ самъ можетъ быть допустилъ бы, это его особенность, что онъ днемъ и ночью шмыгаетъ по всему городу въ одно и то же время...

Проснешься въ часъ ночи, и не услышишь съ верфи, единственный звукъ города, хотя нѣтъ дождя,—тогда знаешь, что миновала недѣля—что воскресенье. И тогда городскіе обыватели отправляются въ церковь въ полномъ парадѣ.

Дорога въ церковь извивается по холму, песчаной полосой. Много ногъ истоптало эту дорогу. Тяжелыя пятки корабельщиковъ въ песокъ растерли маленькіе камушки. И песокъ разлетается при малѣйшемъ порывѣ вѣтра. Но жена шкипера Андресена, женщина состоятельная, сохранила

моду своей юности, носить все еще платье со шлейфомъ, и каждый можетъ себя представить, какое множество песку она крутитъ, когда отправляется въ церковь. И многіе проклиняютъ ее за это.

И туда идутъ молодыя дѣвушки въ свѣтлыхъ платьяхъ и женщины въ темныхъ. И туда идетъ Іенсенъ, который служитъ у купца Берга, и аптекарь, и Ольсенъ изъ таможни. И туда идетъ фотографъ Росенъ, у котораго только одна нога, и который всю жизнь свою не могъ выбиться на настоящую дорогу. Но надъ всѣми ими вздымается консуль, когда онъ приходитъ въ церковь. Волосы его еще не посѣдѣли, и онъ не можетъ не приколотъ себя цвѣтокъ въ петличку, хотя у него трое взрослыхъ дѣтей—у этого молодчика.

А капитаны собираются вмѣстѣ и идутъ въ кучкѣ; и тѣ, что только что вернулись изъ плаванія, и тѣ, что навсегда простились съ моремъ. Они загорѣлые, морщинистые и толстые, они ступаютъ какъ лошади тяжеловозы; но разговоръ у нихъ веселый и лица беззаботныя.

Затѣмъ наступаетъ полдень.

Одинъ шкиперъ приглашаетъ честнаго товарища на прогулку, на пристань передъ таможней. Подъ конецъ здѣсь собираются всѣ. Составляется одна группа, расходится, вновь составляется, изъ одной люди переходятъ въ другую, и болтаютъ между собой. Въ это время ведутся переговоры о макрели; свѣжая макрель и соленая макрель, копченая макрель и маринованная макрель. Переговоры о макрели считаются въ высшей степени удачными, если ихъ заканчиваютъ до шести часовъ; но если до этого часа и не приходятъ къ соглашенію, то разговоры все равно безжалостно прекращаются. Сигналь къ этому подаетъ свистокъ съ парохода тамъ во фіордѣ; и съ той минуты никто больше не произноситъ слова макрель.

Почтовое судно подходитъ къ городу, сильно качаясь.

Теперь всё бросаются внизъ къ пароходной пристани; потому что шесть часовъ, это важнѣйшій часъ дня въ городкѣ. Люди на костыляхъ ковыляютъ, по тому направленію катятъ и людей на креслахъ. Четыре человѣка стоятъ на готовѣ, чтобы принять канатъ. Съ полъ дюжины молодыхъ дамъ собралось вмѣстѣ, чтобы бросить одно письмо въ почтовый ящикъ на пароходъ. Подошла кучка женщинъ, чтобы посмотрѣть, не высадился ли кто въ городъ, какой-нибудь купецъ проѣзжій или бродячій рабочій. Присутствуетъ и армія спасенія съ своимъ краснымъ цвѣтомъ, боевыми криками и плакатами; вамъ въ руку суется листокъ, на которомъ стоитъ: „Большое молитвенное собраніе съ пѣніемъ въ 1/2 8-го“. Т. Ольсенъ младшій. А. С. Торгерсенъ Старшій. NB. „Будь готовъ появиться передъ лицомъ Божіимъ“.

Тутъ на пароходѣ раздается первый звонокъ, тотчасъ вслѣдъ затѣмъ второй. Запоздавшая дама, которой тоже хочется посмотрѣть, задыхаясь и поднявъ обѣими руками платье, летитъ вдоль пристани.

— Вы ѣхать хотите?—спрашиваетъ штурманъ съ носовой части судна.

— Нѣтъ,—отвѣчаетъ она переводя дыханіе.

Она только хочетъ присутствовать при торжествѣ, какъ всѣ другіе. И она пришла, слава Богу, какъ разъ во время, чтобы видѣть, какъ выгрузили два ящика съ пивомъ для постоянного двора.

Теперь звонокъ раздается въ третій разъ, сходни снимаютъ и машина начинаетъ работать.

И вотъ толпа людей отхлынула назадъ, она оставляетъ послѣ личнаго присутствія это мѣсто, и расходится по городу. Но тѣ, для которыхъ въ этомъ особенный интересъ, слѣдуютъ за почтовымъ мѣшкомъ; молодые дамы, которыя ожидаютъ писемъ, и молодые люди, которые получаютъ „Западныя Извѣстія“. И черезъ часъ каждому раздаются по

рукамъ новости, послѣ часа ожиданія, полного напряженія и безпокойства, полного надеждъ и желаній. Затѣмъ заинтересованные возвращаются домой.

Послѣ ужина почтенные отцы города отправляются въ „Союзъ“, чтобы изучать новыя газеты.

Такъ проходитъ воскресенье въ этомъ городкѣ. И точно также спокойно и мирно проходитъ понедѣльникъ, да и мѣсяцъ за мѣсяцемъ проходитъ такъ.

Но потомъ наступили ужасные годы, когда городъ былъ потрясенъ до основанія. Въ сущности одна лишь церковь—и можетъ быть еще кое-что кромѣ нея осталось непоколебимымъ.

* * *

Началось это такъ просто и естественно, какъ только можетъ что начаться. Фотографъ Росенъ, человѣкъ съ одной ногой, который никогда въ жизни не могъ выбиться на настоящую дорогу, повѣсилъ. Онъ все переѣзжалъ съ квартиры на квартиру, не находя себѣ постоянного мѣста жительства, потому что у него всюду были долги; тогда онъ заложилъ всё свои аппараты и спился. А затѣмъ онъ повѣсилъ. А до тѣхъ поръ онъ успѣлъ еще обручиться, его невѣста была дочь мелкаго торговца, потому она ходила въ шляпѣ и съ зонтикомъ и причисляла себя къ благороднымъ молодымъ дамамъ въ городѣ, хотя ей ужъ несомнѣнно было за тридцать лѣтъ. Ходили также сплетни, что она не изъ одной денежной зажимки спасла своего фотографа, такъ что у нея самой чрезвычайно мало что осталось. Но другія незамужнія дамы ея лѣтъ утверждали, что она получила по заслугамъ,—чего собственно она хотѣла!—и подъ конецъ онъ зашелъ такъ далеко, что говорили, что фотографу пришлось повѣситься, чтобы избѣжать свадьбы—бѣдняга! Потому что, въ сущности говоря, онъ былъ образованный и проницательный человѣкъ, который зналъ, что его ожидало.

Но фотографъ Росенъ въ своемъ паденіи увлекъ за

собой и Ольсена изъ таможни. Ольсенъ конечно не повѣсилъ, но онъ на всю жизнь потерпѣлъ уронъ. Такъ бываетъ, когда люди мелкаго званія и состоянія хотятъ подняться слишкомъ высоко. Ольсенъ хватилъ изъ таможни; было установлено, что онъ хапнулъ приблизительно триста кронъ изъ кассы. Многіе предсказали, что это должно плохо кончиться. Потому что Ольсенъ изъ таможни принадлежалъ къ тѣмъ, которымъ, какъ только наступала весна, надо было надѣвать желтую соломенную шляпу и свѣтлый костюмъ, и если въ городѣ имѣлся кто-нибудь, кто выставлялъ изъ кармана кончикъ своего шелковаго носового платка, или носилъ въ рукѣ тросточку, то это былъ Ольсенъ. Не всемули міру было извѣстно, что его мать была не больше, чѣмъ вдова, жившая въ своей хижинѣ, и существовавшая тѣмъ, что стирала, или помогала по хозяйству въ богатыхъ домахъ въ праздники? Но Ольсенъ не хотѣлъ быть менѣе образованнымъ, чѣмъ другіе чиновники; онъ старался черезъ фотографа Росена найти доступъ въ компанію людей, у которыхъ водились деньги для игры въ кегли, для пива и желтыхъ лѣтнихъ башмаковъ. Да, и все это должно было кончиться паденіемъ. Ольсена уволили изъ таможни.

Весь городъ былъ наполненъ сплетнями и пересудами, и нѣкій Іенсенъ у Берга сочинилъ нѣсколько стиховъ на эти два событія. Но тутъ вмѣшался консулъ. Говорили, что консулъ выразился неодобрительно о жалкихъ стихахъ Іенсена, хотъ Іенсенъ зарабатывалъ хлѣбъ не у него, а у купца Берга. Консулъ открыто заявилъ, что фотографъ Росенъ и Ольсенъ изъ таможни были единственными соперниками Іенсена—и этимъ было все сказано, если консулъ это сказалъ. Слѣдствіемъ этого было тоже, что Іенсенъ послѣ своего стихотворенія не сталъ у Берга большимъ человѣкомъ, нѣтъ, напротивъ того.

Теперь случилось съ молодой женой капитана Ола-

вой Воллертсенъ, что ее совсѣмъ перестали видѣть послѣднее время. Не то, что ей нужно было непременно тутъ или тамъ показываться, для этого не было никакой необходимости; но каждый человѣкъ долженъ же зачѣмъ-нибудь пойти къ лавочнику, къ булочнику, бывать у своихъ друзей, нельзя же было прекращать всякое общеніе съ городомъ! А Олава Воллертсенъ оставалась у себя дома. Что она дѣлала дома?

Это была молодая красивая женщина, замужемъ уже года три; мужъ ея два года находился въ отсутствіи, онъ былъ въ плаваніи на одномъ изъ судовъ консула. У нихъ былъ ребенокъ. Довольство и чистота царили въ маленькомъ домѣ съ розами на окнѣ, и никому бы въ голову не пришло, что тамъ могло быть что-нибудь не въ порядкѣ. Полузрелая дѣвушка, которая помогала по хозяйству, тоже не замѣтила, чтобы Олава была сторожихой или принадлежала бы къ арміи спасенія. Но она сторонилась всѣхъ.

Такъ прошло нѣсколько недѣль. Была тихая погода и былъ хорошій уловъ макрели; а на морѣ бушевала страшная буря. Однажды утромъ два лодмана привели на буксирѣ въ бухту трехмачтовое судно, которое они нашли ночью въ открытомъ морѣ передъ маякомъ. Оно одно носилось въ морѣ, экипажъ его бросилъ, и оно было близко къ гибели. Какое большое, великолѣпное судно!

Это было поразительное зрѣлище, когда трехмачтовое судно, качаясь, вошло въ бухту. Юная Эльза гуляла тамъ съ нѣсколькими подругами, и она первая увидала его.

— Посмотрите-ка,—закричала она и показала на море. Она тотчасъ же увидала, что это было чужое судно, не изъ ихъ города. — Это судно, которое они сегодня ночью нашли,—прибавила она.—Будетъ чѣмъ поживиться!

Подруги ея должны были согласиться съ нею — этакій

молодец! Все-то она понимала, несмотря на то, что была совсем еще девочкой.

— Пойдемте и расскажем об этом женам лощмановъ,—сказала Эльза добродушно.— Имъ будетъ чѣмъ поживиться.

И онѣ пошли.

Эльза чувствовала себя такой гордой, какъ будто это она спасла судно. Она принялась важничать передъ подругами и стала выдумывать, чѣмъ бы ихъ еще поразить.

Она сказала:

— Вы знаете, что Іенсенъ у Берга посадилъ себѣ на новые панталоны масляное пятно?

Ахъ, теперь ужъ была невѣсть какая штука—проходиться на счетъ Іенсена, послѣ того какъ консулъ высказался относительно него!

— Ну, это конечно неправда!

— Вы это не знаете? Такъ ему и надо, чтобы не важничалъ!

— Ха, ха, ха, какъ смѣшно!

— Можетъ быть, вы тоже не знаете, что Олава Воллертсенъ—такая?

— Какъ такая?

— Такая,—и юная Эльза выпятила животъ.

Тогда подруги въ отчаяніи всплеснули руками и сказали:—Господи помилуй! ну ужъ это вѣрно неправда!

Но юная Эльза навѣрное это слышала.

— Но вѣдь Воллертсенъ два года какъ уѣхалъ, это совершенно невозможно.

— Ну, можете вѣрить или нѣтъ, только не забудьте, что я вамъ это говорила.

Молодые дѣвушки не очень это поняли; если отца нѣтъ дома два года, то онъ не могъ имѣть ребенка. И юная Эльза не могла имъ тоже этого объяснить, хотя ей очень хотѣлось показаться умной передъ ними.

Отъ лощмановъ дѣвушки пошли прямо внизъ на пристань, гдѣ поврежденное судно притащили на буксирѣ, выкачали его и держали на водѣ.

Тогда консулъ взошелъ на судно. Весь городъ собрался на пристани и смотрѣлъ на него. Нѣсколько дураковъ стояло у него на дорогѣ, и онъ долженъ былъ вѣжливо просить ихъ посторониться.

Онъ былъ изящень и черноволосъ, въ свѣтломъ костюмѣ, съ цвѣткомъ въ петличкѣ. А подъ мышкой онъ несъ большой свертокъ бумагъ. И онъ осмотрѣлъ судно снизу доверху, ему рапортовали, и онъ все записалъ, что онъ видѣлъ, такъ же какъ и все, что имѣли доложить лощманы. Одинъ изъ зрителей на пристани былъ позванъ на судно, чтобы носить за консуломъ чернильницу, въ то время какъ тотъ всюду ходилъ и записывалъ...

Весьма странно было въ этомъ году, что, по истеченіи почти каждаго мѣсяца, случалось маленькое происшествіе. Пожаръ у школьнаго учителя Эліассена дѣйствительно вѣдь не принадлежалъ къ обыденнымъ случаямъ. Добрый Эліассенъ,—ему на самомъ дѣлѣ помогло Провидѣніе, этого нельзя было отрицать; не больше года тому назадъ, онъ застраховалъ домъ, хозяйственные постройки, и домашнюю утварь на большую сумму, и вотъ теперь все сгорѣло. Школьный учитель Эліассенъ былъ также кассиромъ въ „Союзѣ“, и при пожарѣ сгорѣло все, что было въ кассѣ. Это было самое ужасное; исчезло нѣсколько сотъ кронъ. Тогда въ „Союзѣ“ состоялось общее собраніе, и было предложено не взыскивать съ кассира этихъ денегъ, но Эліассенъ всталъ и растроганно сказалъ, что пусть лучше его жена и дѣти будутъ ходить голыми, чѣмъ онъ воспользуется хотябы однимъ грошемъ изъ этихъ денегъ. „Союзъ“ оказалъ ему великую честь, избравъ его на этотъ отвѣтственный постъ, и онъ знаетъ свой долгъ.

Тогда восторгъ охватилъ членовъ „Союза“; они собрали

между собой двѣсти кронъ, на хозяйственное обзаведеніе школьнаго учителя Эліассена.

* * *

Осень наступила, пасмурная погода, темныя ночи. Оба ночные сторожа встрѣчаются на рынкѣ макрели; они здороваются, болтають немного, и идутъ немного вверхъ по улицѣ. Ночь, и очень темная. Фонарь передъ гостиницей бросаетъ слабый свѣтъ. Тогда одинъ сторожъ беретъ своего сослуживца за руку, и крѣпко держать его. Оба останавливаются и смотрять...

Происходитъ нѣчто замѣчательное. Теннесь Олай идетъ внизъ по улицѣ, съ своей спокойной манерой, и прямо-хонько всходитъ на ступени въ контору консула. Но на дворѣ ночь. Когда онъ взошелъ наверхъ, онъ на мгновение останавливается, наклоняетъ голову немного на сторону, изъ-за всѣхъ тѣхъ мыслей, которыя его отягощаютъ, и оба сторожа хотятъ уже вмѣшаться и обратиться къ нему съ вопросомъ, полнымъ удивленія, когда они видятъ, что самъ консуль открываетъ дверь Теннесу Олаю. Это самое замѣчательное, что они пережили за всѣ пятнадцать лѣтъ, что они сторожатъ городъ! И гдѣ они остановились, тамъ они и стоятъ.

Теннесь Олай тихо вошелъ и ждалъ, чтобъ консуль заперъ дверь. Затѣмъ его повели во внутреннія комнаты. И тутъ опять дверь наглухо была закрыта и заперта.

— Я думаю, не нужно зажигать огонь, — сказалъ консуль. — Сюда свѣтитъ гостиничный фонарь. Но садитесь же. Сядьте сюда.

Теннесь Олай сѣлъ почтительно на край стула.

— Такъ вотъ что я вамъ хотѣлъ сказать, — промолвилъ консуль. — Вы все это уже знаете. Вы же всюду ходите ночью. Вы меня видѣли разъ, или два раза, словомъ нѣсколько разъ. Сколько разъ вы меня видѣли?

— Семь разъ, господинъ консуль, — отвѣтилъ Теннесь Олай.

— Ну, такъ часто я у нея не бывалъ, — сказалъ консуль. — Нѣсколько разъ это случилось, въ этомъ сознаюсь. Нѣсколько разочковъ.

Теннесь Олай возражаетъ:

— Семь разъ, господинъ консуль, извините меня, пожалуйста.

Консуль закуриваетъ сигару, не предлагая однако Теннесу Олаю.

— Ну пусть будетъ такъ, — говоритъ онъ и выпускаетъ дымъ изо рта. — Но я надѣюсь, что мы столкнемся относительно остального, добрѣйшій Янсенъ.

Тотъ на это не клюетъ, и не исполняется гордостью оттого, что консуль назвалъ его добрѣйшимъ Янсенемъ.

— Всего Теннесь Олай, господинъ консуль, — возражаетъ тотъ.

Консуль киваетъ и выпускаетъ сигарный дымъ.

— Хорошо... ты сказалъ ей, что видѣлъ, какъ я выходилъ изъ ея комнаты. Это во-первыхъ. Во-вторыхъ, ты ей сказалъ, что я тебѣ за это долженъ заплатить, „смазать“. Сколько ты желаешь? — Тутъ онъ предлагаетъ Теннесу Олаю сигару, отъ которой тотъ отказывается. Онъ настаиваетъ, но Теннесь не принимаетъ.

— Что я желаю? — возражаетъ онъ. — Это смотря потому. Но мнѣ немного нужно при моей бѣдности. Это пусть господинъ консуль приметъ во вниманіе.

— Какая сумма?

— Я въ этомъ отношеніи въ рукахъ господина консула.

— Гм. Да, возможно, Да, это дѣйствительно такъ. Мнѣ съ тобой считаться не приходится, Теннесь Олай. Но я не люблю, чтобы обо мнѣ сплетничали, чтобы лгали, клеветали бы на меня; у меня семья. Поэтому я хочу заткнуть тебѣ ротъ. Вотъ чего я хочу. Я говорю ясно.

Тогда Теннесъ Олай спрашиваетъ почтительно:

— А кто же будетъ отцомъ, господинъ консулъ?

Консулъ отвѣчаетъ:

— Отцомъ? Ну, это она сама рѣшитъ.

— Это не такъ-то легко рѣшить одинокой женщиной,—говоритъ Теннесъ Олай. — Это господину консулу надо имѣть въ виду.

— Да, что ты собственно этимъ хочешь сказать?

Теннесъ вертитъ свою шляпу въ рукахъ и обдумываетъ.

— Господинъ консулъ могъ бы меня назвать отцомъ,—говоритъ онъ затѣмъ.—То есть, если она сама на такомъ, какъ я, захочетъ помириться

Консулъ смотритъ на него пристально черезъ темноту и чувствуетъ при этомъ предложеніи вдругъ, что онъ спасень.

— У тебя, какъ я всегда говорилъ, у тебя преотличная голова, Янсень. Я ужъ много разъ думалъ, какъ бы мнѣ такую голову, Янсень.

Но тотъ остается холоденъ, какъ прежде.

— Я обыкновенно называюсь не Янсень, господинъ консулъ. Это преувеличеніе. Меня крестили Теннесъ Олай.

— Да, да, Теннесъ Олай, хорошо. Но я часто думалъ, кабы мнѣ такую голову. Твое предложеніе очень цѣнно. Я хочу сказать, оно имѣетъ нѣкоторую цѣну, немалую, если перевести на звонкую монету. Сколько же ты самъ думаешь?

Теннесъ Олай обдумываетъ.

— Тысячу кронъ.

Консулъ вздрагиваетъ какъ будто отъ укола.

— Боже тебя упаси! Ты знаешь, что у меня семья? Говори серьезно!

— Тысячу кронъ, господинъ консулъ. Снизойдите къ моему низкому замѣчанію.

— Объ этомъ не можетъ быть рѣчи,—говоритъ консулъ и встаетъ. Онъ задумчиво смотритъ въ окно. Затѣмъ оборачивается опять къ Теннесу и рѣшаетъ:

— Нѣтъ, у насъ съ тобой это дѣло не выйдетъ. Извини, что побезпокоилъ тебя такъ поздно. Я поищу кого-нибудь другого.

— Да, а что же господинъ консулъ со мной сдѣлаетъ?—спрашиваетъ Теннесъ Олай и встаетъ.

— Съ тобой? Что я съ тобой сдѣлаю, чортъ ты?—говоритъ консулъ, вдругъ задрожавъ отъ злобы.—Тебя я завтра велю арестовать! Вонъ отсюда!

Консулъ распахиваетъ дверь, и Теннесъ Олай пробирается къ ней.

— Позвольте мнѣ объясниться,—говоритъ онъ защищаясь и смиренно протягиваетъ руку впередъ.—Я все же былъ бы самый подходящий для господина консула.

Консулъ понимаетъ, что Теннесъ Олай правъ; но онъ въ бѣшенствѣ говоритъ:

— Я возьму другого, я сказалъ. И баста.

Но Теннесъ Олай былъ правъ, это было слишкомъ очевидно. Поэтому, когда они подходятъ къ входной двери, консулъ оттаскиваетъ его назадъ и снова запираетъ дверь. Оба возвращаются въ контору.

Консулъ командуетъ:

— Ты хотѣлъ мнѣ что-то объяснить. Объясняй сейчасъ!

— Что такое тысяча кронъ для богатаго человѣка?—говоритъ Теннесъ Олай.

— Да, конечно, я не нищій, но это тебя не касается. Разумѣется, земныхъ благъ у меня достаточно. Таково и всеобщее мнѣніе, надо надѣяться. Или меня считаютъ нищимъ?

— Нѣтъ, Боже упаси!

— То-то же. Но тысяча кронъ—нѣтъ.

— Да это можно устроить самымъ пріятнымъ образомъ.

— Какъ, что? По маленькимъ частямъ уплачивать? Ты это позволяешь себѣ говорить?

Теннесъ Олай восклицаетъ:

— По маленькимъ частямъ? Господинъ консулъ!—Пусть меня разразитъ на этомъ самомъ мѣстѣ...

— Но, кажется, ты именно это думалъ.

— Да, а развѣ нельзя было бы раздѣлить пополамъ, на двѣ части? На двѣ части. Если господинъ консулъ одинъ не можетъ, тогда она можетъ нѣсколько приложить, раздѣлить, такъ сказать, съ господиномъ консуломъ. У нея денегъ довольно.

Тутъ консулъ встаетъ.

— Ну, теперь убирайся! Вонъ! говорю я... Впрочемъ, ты съ нею говорилъ объ этомъ?

— Я намекалъ ей.

Консулъ обдумываетъ и садится опять.

— Это не то, что я не могу,—говоритъ онъ.—Но мочь и хотѣть это разное. Выходитъ такъ, какъ будто я эти деньги отнимаю у собственныхъ дѣтей... Сколько же она предполагаетъ, придется на ея долю?

— Этого она не говорила. Но она особа добройшій во всѣхъ отношеніяхъ, это господину консулу надо имѣть въ виду. А она навѣрно не будетъ скупиться.

— Половину,—произноситъ консулъ твердо.—Ты думаешь, я торгуюсь? Но больше половины на ея долю не надо, чтобъ приходилось.

Они соглашаются.

— Ты можешь ко мнѣ придти за деньгами, завтра, или когда тамъ. Когда кассиръ тутъ. У меня нѣтъ ключей.

Консулъ выпустилъ Теннеса Олая за дверь, но самъ вернулся въ контору, зажегъ лампу и сѣлъ, чтобы подумать, и покурить, и расчестъ...

Ночные сторожа все еще стояли на томъ же мѣстѣ. Они

все видѣли, какъ то, что Теннесъ Олай былъ впущенъ, такъ и то, что онъ былъ выпущенъ. Но они ничего не слышали. И ничего не поняли. Поэтому они хотѣли попытаться нагнать Теннеса Олая. Но имъ не посчастливилось. Теннесъ Олай ихъ видѣлъ; онъ прямо пошелъ къ гостиницѣ, мимо гостиницы перешелъ на другую сторону отъ фонаря, гдѣ ужь его никто не могъ увидеть.

* * *

И снова встрѣчаются ночные сторожа въ поздній часъ, и курятъ свои трубки, и разговариваютъ, и гуляютъ.

— Я опять сталъ курить жевательный табакъ,—говоритъ одинъ.

— Я тоже,—возражаетъ другой, зажигая свою трубку.

— Потому что картузный, который я всегда курилъ, чортъ знаетъ какъ сталъ дорогъ.

— Денегъ не хватаетъ, такъ дорогъ сталъ.

— Всѣ потребности растутъ. Здѣсь прямо не проживешь. Что, неправду чтоли я говорю?

— Говорить это—Бога гнѣвить, Тобисенъ, но это истинная правда, что ты говоришь. Что касается потребностей, то я не вижу ничего другого, какъ то, что всѣмъ надо копить и смотрѣть за тѣмъ, чтобъ „хватило грошей“, какъ говорилось встарину. Мою младшую дочь конфирмовали весной, и что же ты думаешь, мы могли ей что-нибудь купить новенькое? Такое важное торжество, а ей пришлось надѣть платье своей сестры.

— Люди завидуютъ намъ, чиновникамъ. Они говорятъ, что казенные чиновники всегда свое получаютъ. Ну, а я тебя спрашиваю, Маркуссенъ, какая польза быть чиновникомъ, когда потребности становятся такъ дороги, что жить больше нельзя. Только получишь свое маленькое жалованье, а его ужь и нѣтъ. И не видишь денегъ.

— Теперь я тебя спрашиваю, Тобисенъ, кому это знать,

какъ не мнѣ. Въ собственныхъ рукахъ денегъ не видишь, какъ же тутъ жить!

— И при этомъ уловъ макрели въ этомъ году былъ совсѣмъ не дуренъ. Но всѣ люди жалуются. Я слышалъ, что банкъ въ кредитъ отказывается.

— Что ты говоришь! Кто бъ это могъ быть?

— О многихъ говорятъ. А потомъ, пожалуй, скажутъ, что кромѣ консула никому больше нельзя вѣрить.

— Да, консулъ не въ счетъ. У него во всемъ излишекъ. У консула такъ: плохо одно дѣло идетъ, онъ покрываетъ убытки другимъ, больше чѣмъ покрываетъ. А кромѣ того сколько всѣхъ кораблей.

Оба сторожа поплелись вверхъ по улицѣ. Вдругъ они слышатъ стукъ колесъ, это почтовая двуколка.

— Вотъ она опять куда-то ѣдетъ.

Они останавливаются, и видятъ, какъ проѣзжаетъ мимо нихъ повивальная бабка.

— Посмотримъ, куда она ѣдетъ,—сказалъ Маркуссенъ.

— Да, я какъ разъ это тебѣ хотѣлъ предложить,—сказалъ Тобисенъ.—Никакъ она заворотила за фонаремъ на лѣво? Она вѣрно далеко ѣдетъ. Навѣрно къ Олавъ Воллертсенъ.

— Свинья. Она чортъ знаетъ, что выдѣлывала, тварь! На замужнемъ положеніи, и все такое. А какъ ты думаешь, что на это скажетъ Воллертсенъ?

— Ужъ и не говори!

— И потомъ еще она имѣетъ нахальство посылать за повивальной бабкой.

— Нечего сказать. А Воллертсенъ-то два года какъ уѣхалъ...

Повивальная бабка поѣхала къ Олавъ Воллертсенъ. Утромъ объ этомъ знали весь городъ. Теперь этого скрывать было больше нельзя. И эта хитрая Олава, которая такъ ловко скрывала свое положеніе ото всѣхъ!..

Но отецъ—кто былъ отецъ?

Да, Теннесъ Олай не дѣлалъ тайны изъ того, что онъ отецъ—извините за выраженіе! И во всемъ городѣ не было человѣка, который бы не удивлялся на это. Никто не понималъ этого. Если бы это было еще заблужденіе сердца; потому что молода была Олава, и красива была она. Но съ Теннесомъ Олаемъ! Это должна была быть одна похоть, и больше ничего.

И Теннесъ Олай самъ говорилъ, что онъ не знаетъ, какъ онъ туда нашелъ доступъ. Но онъ оправдывалъ ее. Такія изящныя дамы имѣютъ иногда странности, говорилъ онъ, имъ часто нравятся люди болѣе низкаго положенія и вида. Такъ и здѣсь это было, надо имѣть это въ виду.

И Теннесъ Олай продолжалъ ходить по городу, какъ и прежде, скромный и безпритязательный, И между его „единомышленниками“ его уважали не меньше. Этотъ чортъ, этотъ Теннесъ Олай, думали они, показалъ себя совершенно съ новой стороны. Отъ него станеть въ одинъ прекрасный день открыть торговлю, сдѣлаться крупнымъ торговцемъ и называться Янсенемъ. Потому что онъ на всѣ руки, и уже похожъ на купца, такъ постепенно онъ округляется въ тѣлѣ.

* * *

Къ концу зимы разразился ударъ. Ахъ, всѣ другія событія потеряли свое значеніе передъ этой ужасной катастрофой. Консулъ обанкротился.

Въ банкъ было засѣданіе,

Теперь, да и раньше тоже, вызывало нѣкоторое удивленіе то, что на векселяхъ консула были какія-то темныя имена; въ концѣ концовъ купецъ Бергъ внесъ предложеніе отказывать въ отсрочкѣ такимъ векселямъ. Онъ хотѣлъ, чтобы одинъ переводчикъ векселя былъ замѣненъ болѣе солиднымъ лицомъ. Но это же было слишкомъ грубо относительно такого человѣка, какъ консулъ. Если онъ

нашелъ это имя солиднымъ, значить оно солидно. Однимъ словомъ, предложеніе купца Берга не прошло.

Во время этой маленькой неприятности, на засѣданіи, консулъ былъ почти совсѣмъ раздавленъ. Но онъ оправился, и притворялся хладнокровнымъ и равнодушнымъ. Дѣло въ томъ, что у него была еще надежда, послѣдняя: онъ ждалъ телеграммы отъ капитана Воллертсена, маленькой телеграммы, долженствовавшей принести ему счастье, съ сообщеніемъ о продажѣ фруктовъ, которыми было нагружено его судно, шедшее въ Нью-Йоркъ.

— Господинъ Бергъ желаетъ болѣе извѣстнаго имени, — сказалъ консулъ. По моему мнѣнію, имя это одна формальность. Въ слѣдующее засѣданіе я буду имѣть честь выкупить этотъ вексель.

Да, видите, такъ и нужно было его осадить, онъ этого заслужилъ...

Но слѣдующее засѣданіе состоялось, а консулъ векселя не выкупилъ. Ахъ, онъ вообще больше не выкупалъ векселей! Телеграмма Воллертсена была мало успокоительна, напротивъ, она скорѣй могла быть названа тревожной. Валлертсенъ бросилъ свое судно, онъ до того былъ встревоженъ тайными письмами съ родины, что возвращался домой.

У консула не было больше выхода...

Онъ всталъ со своего стула, стряхнулъ пыль съ воротника своего сюртука, онъ имѣлъ, къ сожалѣнію, сообщить уважаемой Дирекціи банка: большія потери, несчастье съ судами, плохія времена виноваты въ томъ что онъ не можетъ болѣе удержать свое положеніе. Его кредиторы получили отчетъ. За симъ онъ складываетъ съ себя свою почетную должностъ въ банкѣ.

Засѣданіе было тотчасъ же прервано.

Извѣстіе распространилось по городу, все было въ волненіи, женщины плакали, для всего мѣстечка это былъ ударъ. Консулъ обанкротился—кому жъ тогда можно было

вѣрить. Это была самая благородная личность въ городѣ, основа его жизни; можетъ быть, онъ и бывалъ когда упрямымъ и надменнымъ, но никто кромѣ Бога не могъ ему противиться. И вотъ въ концѣ концовъ Богъ все же воспротивился ему и приготовилъ ему пораженіе на смерть. И вскорѣ выплыло наружу, что многихъ и многихъ онъ увлекъ въ своемъ раззореніи.

Это было грандіозное раззореніе. Умеръ даже единственный звукъ въ этомъ городѣ, удары молота съ верфи не стали больше слышны. Купецъ Бергъ тотчасъ же устроилъ маленькую корабельную верфь на акціяхъ, но молотки уже не стучали такъ весело, нѣтъ, это былъ не тотъ звукъ.

Все застыло. Консулъ и его домъ, его дѣла, они были жизнью, цвѣтомъ и украшеніемъ мѣстечка, и было только жалостно видѣть теперь того же самаго консула, какъ онъ останавливался на улицѣ, вынималъ свой обанкротившійся кошелекъ, чтобы дать нищему серебряную монету. Въ этомъ была настоящая драма и иронія надъ собой. Но если все кругомъ рухнуло, то и юная Эльза могла тоже пострадать отъ этого—развѣ она была болѣе застрахована отъ банкротства, чѣмъ другіе? Послѣ того какъ всѣ отношенія казались такъ невѣрны, она могла также хорошо взять Іенсена у Берга, хотя онъ собственно по рангу стоялъ на столько ниже ея. Было такъ мучительно смотрѣть, какъ неохотно и безрадостно она гордыми шагами должна была пойти къ алтарю.

Однимъ словомъ, во всемъ городѣ не оставалось почти ничего, что не было потрясено, за исключеніемъ церкви. И жена капитана Андресена продолжала мести улицу своимъ старомоднымъ платьемъ со шлейфомъ, потому что у нея было еще состояніе, и средства ея позволяли ей это. И Теннесъ Олай тоже все болѣе и болѣе округлялся въ тѣлѣ, но у него была та же смиренность во всемъ и со

всѣми, какъ и прежде, и никакой торговли онъ не открывъ.

Теперь купецъ Бергъ сталъ первымъ матадоромъ. Онъ сталъ директоромъ банка и заправилъ.

Но консуломъ купецъ Бергъ не сталъ. Онъ былъ простого происхожденія и у него не было образованія. Было мученіе слышать и видѣть, когда онъ выступалъ на какихъ-либо общественныхъ торжествахъ, такъ онъ былъ неловокъ. Такъ напримѣръ, онъ называлъ себя самъ директоромъ, и онъ не могъ произнести гладкой, красивой рѣчи, если бъ даже дѣло шло объ его жизни. Онъ упражнялся, трудился, какъ волъ, чтобы наклоняться, здороваться и хорошо выражаться; но какъ ни хороши были его рѣчи и манеры, все же это не были рѣчи и манеры консула. Что говорилъ консулъ, когда кто-нибудь приходилъ въ гости? Очень радъ васъ видѣть, говорилъ консулъ, какъ человѣкъ съ тонкими манерами. А когда купецъ Бергъ кого-нибудь принималъ, онъ шаркалъ ногой какъ лошадь и говорилъ преувеличенно изысканно: здравствуйте, очень радъ вашему присутствію! А когда у жены его была стирка, онъ говорилъ, что у него дома происходитъ чистка платья. И жена его не подходила къ его новому положенію. Нахальства у нея было довольно; такъ она стала получать письма, на которыхъ стояло: ея высокоблагородію госпожѣ Бергъ. Что такое высокоблагородіе для такой дамы? Почтмейстеръ одно время дѣлалъ видъ, какъ будто онъ этого не зналъ. Но современемъ люди примирились со всѣмъ. Купецъ Бергъ былъ несомнѣнно богатый, съ годами онъ пріобрѣталъ все большія средства и дѣлалъ все большіе обороты; подъ конецъ и онъ сталъ консуломъ, и тогда жена его стала въ этомъ городкѣ безспорно благородной дамой. И подрастающее поколѣніе видѣло, какъ процвѣталъ городъ подъ новымъ скипетромъ. А консулъ—старый консулъ—сдѣлался агентомъ по торговлѣ макрелью и страхованію жизни. И

это въ своемъ собственномъ городѣ, гдѣ онъ когда-то былъ царемъ! А когда онъ смирился и ушелъ въ себя, Богъ послалъ ему большую милость: его дочь Корелія вышла замужъ за богатаго человѣка. И Корелія стала самымъ необходимымъ сокровищемъ своего мужа.

Архишельма.

Дорогой читатель!—Я встрѣтилъ этого человѣка на кладбищѣ. Я ничего не сдѣлалъ, чтобы завязать съ нимъ отношенія, но онъ самъ тотчасъ же поймалъ меня. Я присѣлъ на скамью, на которой онъ сидѣлъ до меня, и сказалъ:

— Я васъ не беспокою?

Тогда онъ началъ.

— Нисколько не беспокоите, — сказалъ онъ и подвинулся. — Я смотрю только на все это мертвое богатство здѣсь. — Онъ показалъ движеніемъ руки на могилы.

Мы были на кладбищѣ Христа.

Чѣмъ больше подвигалось утро, тѣмъ оживленнѣе становилось тамъ, наверху; пришли одинъ за другимъ каменщики и рабочіе, старикъ сторожъ сидѣлъ уже въ своемъ кіоскѣ и читалъ газеты. Здѣсь и тамъ видны были женщины въ черномъ, которыя сажали цвѣты, или поливали ихъ, или подрѣзали траву, которая черезчуръ вытянулась. И птицы громко щебетали въ большихъ каштановыхъ деревьяхъ.

Я совсѣмъ его не зналъ. Это былъ молодой человѣкъ, высокій и широкоплечій, небритый, въ нѣсколько поношенномъ костюмѣ. Морщины на лбу, вѣскій голосъ, его привычка задумчиво прищуриваться, когда онъ говорилъ, все

это дѣлало его, какъ говорятъ обыкновенно, „старымъ и опытнымъ“.

— Вы не здѣшній?

— Я девять лѣтъ былъ за-границей.

Онъ откинулся вытянулъ ноги и смотрѣлъ на кладбище. Изъ кармана его куртки выглядывали нѣмецкія и французскія газеты.

— Какъ печально на такомъ кладбищѣ, какъ это! — сказалъ онъ. — Такъ много мертваго на одномъ клочкѣ земли! Столько силъ убито и такъ мало достигнуто.

— Что вы хотите этимъ сказать?

— Это военное кладбище.

— Ахъ вотъ оно что, вѣчный миръ! — подумалъ я про себя.

Онъ продолжалъ.

— Но самое мерзкое это тотъ культъ, что воздается мертвымъ, эта манера оплакивать ихъ.

— Одна изъ безцѣльностей.

Онъ сдѣлалъ торопливое движеніе и поднялся.

— Знаете ли вы, что на этихъ могилахъ—въ границѣ цѣлое состояніе? Потомъ дорогими цвѣтами усыпаютъ песокъ, устраиваютъ удобныя скамьи, чтобы сидѣть на нихъ и плакать, воздвигаютъ каменныхъ идовъ изъ обломковъ—окаменѣвшій капиталъ. Кладбище — одно изъ наименѣе несостоятельныхъ мѣстъ въ городѣ. — Да, неправда ли, есть о чемъ поразмыслить, — продолжалъ онъ... Однажды сюда положенное, богатство это остается здѣсь, оно не прикосновенно, потому что оно мертво. Оно требуетъ еще своего управленія, то есть своего присмотра, своихъ слезъ, своихъ цвѣтовъ, что лежатъ кругомъ него на песчаныхъ холмахъ и вянутъ. Вѣнки до пятидесяти кронъ каждый!

— Социалистъ! подумалъ я,—проѣзжій подмастерье, который побывалъ за-границей и выучился кричать — капиталъ, капиталъ.

— Вы тоже чужой въ этомъ городѣ?—спросилъ онъ.

— Да!

Потомъ онъ опять откинулся на спинку скамьи, прищурился и думалъ.

Двѣ старыя фигуры пробираются мимо, обѣ съ палками, согнутыя, благоговѣйно, шепотомъ говорятъ между собой,— можетъ быть родители по дорогѣ къ дѣтской могилѣ. Порывъ вѣтра проносится по кладбищу, кружить пыль и остатки завядшихъ цвѣтовъ, и слабо шелестить въ опавшей листьѣ, покрывающей дорожки и высушенной солнцемъ.

— Посмотрите!—говорить онъ внезапно, не мѣняя позы, показывая одними глазами, видите вы даму, которая идетъ къ намъ?—Обратите на нее вниманіе, когда она пройдетъ мимо насъ.

Ничего не было проще этого. Она почти задѣла насъ своимъ чернымъ платьемъ, и ея вуаль коснулась нашихъ шляпъ. За нею шла маленькая дѣвочка, которая несла цвѣты, а позади ея женщина съ граблями и лейкой. Всѣ три исчезли за поворотомъ, который велъ къ нижней части кладбища.

— Ну?—спросилъ онъ.

— Ну?

— Вы ничего не замѣтили?

— Ничего необыкновеннаго. Она посмотрѣла на насъ.

— Извините, она посмотрѣла на меня. Вы улыбаетесь и хотите меня увѣрить, что изъ-за этого спора между нами не будетъ. Дѣло въ томъ, что она нѣсколько дней тому назадъ проходила здѣсь. Я сидѣлъ здѣсь и разговаривалъ съ могильщикомъ, стараясь привить ему немножко презрѣнья къ его почтенному ремеслу.

— Но для чего это?

— Потому что онъ напрасно взрываетъ землю, причиняя большой вредъ живымъ, которые должны жить ею.

Такъ бѣдняга значить заблудившійся вольнодумецъ!—

подумалъ я про себя;—гдѣ же сказано въ Священномъ Писаніи, что покойниковъ не должно хоронить въ землѣ? Теперь ты начинаешь надоѣдать мнѣ.

— Я сидѣлъ здѣсь и разговаривалъ съ могильщикомъ. Это несправедливо, сказалъ я. — Дама прошла мимо, она слышала мои слова и посмотрѣла на меня. Я говорилъ о грѣхѣ въ этомъ освященномъ мѣстѣ. Кстати, хорошо ли вы рассмотрѣли женщину съ граблями и лейкой въ изсохшихъ рукахъ? И ея спину, какая она согнутая? Все здоровье этого существа дѣйствительно ушло на то, чтобы вскопать и взрыть землю, этотъ источникъ жизни. Но вы замѣтили: она шла въ трехъ, четырехъ шагахъ позади важной барыни, которой вздумалось изливать свою скорбь на могилѣ. Да, но въ сущности, это было не то. А вы видѣли, что несла маленькая дѣвочка.

— Цвѣты.

— Камелии. Розы. Вы видѣли? Цвѣты по одной кронѣ каждый цвѣтокъ. Нѣжные цвѣты, у которыхъ совсѣмъ исключительная, чувствительная жизнь; если солнце немного жжетъ, они умираютъ. Черезъ четыре дня они будутъ выброшены садовникомъ внизъ, за рѣшетку; тогда ихъ замѣнять новыми.

Тутъ я отвѣтилъ вольнодумцу и сказалъ:

— Но пирамиды были еще дороже.

Это не произвело на него того впечатлѣнія, котораго я ожидалъ. Казалось, что онъ уже прежде слыхалъ это возраженіе.

— Въ то время не было бѣдности,—сказалъ онъ.—Египеть, кромѣ того, былъ житницей всей Римской имперіи, міръ тогда еще не былъ такъ тѣсенъ. Я по опыту могу сказать, какъ тѣсенъ онъ теперь. Не я лично пріобрѣлъ этотъ опытъ, а другой. Но я знаю только, что пирамида въ пустынѣ это одно, и благоустроенная, современная могила нѣчто совсѣмъ иное. Посмотрите кругомъ! Сотни могилъ,

памятники на большія деньги, гранитныя плиты по три кроны шестьдесят эръ за локоть. Торфяныя плитки по двѣ кроны пятьдесят эръ квадратный метръ. Я ужъ не говорю о надписяхъ и о той утонченности, что раздѣляется на каменныхъ колоннахъ, полированныхъ или необдѣланныхъ, высѣченныхъ или расколотыхъ, красныхъ, бѣлыхъ и зеленыхъ. Но посмотрите только на эту массу плитокъ дерна! Я говорилъ объ этомъ съ могильщикомъ, торговля этимъ до того возросла, что еле можно доставать дернъ. Ну, такъ подумайте, пожалуйста, что значить дернъ на землѣ: онъ—жизнь.

Тутъ я позволилъ себѣ возразить, что самая жизнь не можетъ и не должна быть лишена своей идеальности; все же это имѣетъ нѣкоторое нравственное значеніе, чтобы у людей было немножко дерна для своихъ любимыхъ умершихъ. И этого мнѣнія я держусь еще.

— Видите,—сказалъ горячо человѣкъ,—на то, что здѣсь тратится ежедневно, могли бы существовать семьи, воспитываться дѣти, могли бы быть спасены тѣ, что потерпѣли крушеніе въ жизни. Теперь сидитъ та молодая женщина тамъ внизу и сажаетъ въ землю камелии, которыя представляютъ собой стоимость двухъ дѣтскихъ платьевъ. Если печаль можетъ себѣ это позволять, она становится лакомкой.

Онъ навѣрное социалистъ, быть можетъ даже анархистъ, которымъ доставляетъ удовольствіе перевортывать серьезныя вещи вверхъ ногами. Я слушалъ его все съ меньшимъ и меньшимъ интересомъ.

Онъ продолжалъ:

— А потомъ наверху тамъ сидитъ человѣкъ, сторожъ. Знаете, въ чемъ его обязанности? Во-первыхъ, онъ по складамъ читаетъ свою газету, и затѣмъ онъ сторожитъ могилы. Въ культъ мертвыхъ долженъ быть порядокъ. Сегодня, когда я пришелъ, я сказалъ ему, что, если бы я увидалъ ребенка, ворующаго здѣсь цвѣты, чтобы на выручен-

ныя деньги купить себѣ школьныхъ книгъ, маленькую дѣвочку, худую и робкую, которая взяла бы камелию, чтобы купить себѣ на нее поѣсть, я бы не сталъ доносить на нее, я бы помогъ ей. Это грѣхъ, сказалъ старикъ сторожъ. Грѣхъ, сказалъ онъ. Въ одинъ прекрасный день васъ на улицѣ останавливаетъ голодный человѣкъ и проситъ васъ сказать ему, который теперь часъ. Вы вынимаете часы, — взгляните въ его глаза тогда! Онъ съ быстротою молніи вырываетъ у васъ часы и убѣгаетъ. У васъ два выхода. Вы можете объявить о похищеніи, и тогда черезъ нѣсколько дней вы получите часы обратно, они найдутся въ ссудной кассѣ, а въ теченіе двадцати четырехъ часовъ выслѣживается и преступникъ. Или вы можете молчать. Это второй выходъ. Вы можете молчать.—Я собственно немного усталъ, такъ какъ не ложился эту ночь.

— Вотъ какъ, вы не ложились! А день уже уходитъ. У меня работа.

Я всталъ, чтобы идти.

Онъ показалъ внизъ на озеро и мосты.

— Я бродилъ тамъ внизу, по кабакамъ, чтобы развѣдать, какъ ночью спитъ горе и нужда. Послушайте-ка только! Случаются такія странныя вещи! Однажды вечеромъ, девять лѣтъ тому назадъ, когда я сидѣлъ здѣсь на этомъ самомъ мѣстѣ, — и кажется на этой же скамьѣ, — случилось нѣчто, что я не могу забыть. Вечерѣло мало-по-малу. Посѣтителі кладбища ушли домой; одинъ каменотесъ, который лежалъ на животѣ на мраморной плитѣ тамъ, позади, и выдалбливалъ надпись, закончилъ наконецъ свою работу, надѣлъ свою куртку, засовалъ свои инструменты въ разные карманы и ушелъ. Подулъ легкій вѣтеръ, каштановыя деревья зашумѣли ужъ совсѣмъ внятно, и маленькій желѣзный крестъ, гдѣ-то вблизи здѣсь, — его кажется теперь уже нѣтъ — качался нѣсколько по вѣтру. Я тоже застегнулъ свою куртку и только что собрался уходить, какъ изъ-за угла показы-

вается могильщикъ, и, поравнявшись со мной, торопливо спрашиваетъ, не проходила ли здѣсь маленькая дѣвочка въ желтомъ платьѣ со школьной сумкой.

Я не помнилъ, чтобъ я видѣлъ ее.—А что такое случилось?

— Она украла цвѣты, — сказалъ могильщикъ и пошелъ дальше. Я сидѣлъ совсѣмъ тихо и ждалъ, пока онъ не вернулся.

— Ну, что же, нашли вы ее?

— Нѣтъ! но я заперъ ворота.

Устраивалась настоящая охота. Дѣвочка была еще навѣрно на кладбищѣ, теперь надо было серьезно отнестись къ этому. Сегодня она была третья, которая украла. Школьницы, умныя маленькія дѣвочки, которыя очень хорошо знали, что поступали нехорошо. Какъ? Онѣ воруютъ цвѣты, связываютъ ихъ въ букетики и продаютъ ихъ. Да, миленькія дѣти, нечего сказать!

Я пошелъ проводить могильщика и нѣкоторое время помогать ему искать дѣвочку. Но она хорошо спряталась. Мы взяли съ собой сторожа, искали втроемъ, и не нашли ее. Начинало смеркаться и мы отказались отъ поисковъ.

— А гдѣ могила, которую обокрали?

— Вонъ тамъ. Къ тому же еще дѣтская могила! Виданное ли это дѣло?

Я пошелъ туда. Оказалось, что я зналъ эту могилу. Я хорошо зналъ эту маленькую умершую дѣвочку, мы похоронили ее въ тотъ самый день послѣ обѣда. Цвѣты исчезли, не было и моихъ. Я ихъ нигдѣ не видѣлъ больше.

— Надо намъ ее отыскать, — сказалъ я другимъ. — Это гадость!

Могильщику собственно нечего было здѣсь дѣлать, но онъ все же принялъ участіе, проступка этого ради. И мы принялись снова искать всѣ трое. Вдругъ, внизу на поворотѣ дороги я увидѣлъ маленькое существо, дѣвочку, кото-

рая съжившись сидѣла на землѣ за большой гладкой колонной памятника военного врача Витса, и неподвижно смотрѣла на меня. Она такъ съежилась, что ея шея совсѣмъ ушла въ плечи.

Но я же зналъ ее! Это была сестра умершей.

— Милое дитя, почему же ты еще сидишь здѣсь такъ поздно? — спросилъ я.

Она не отвѣчала и не двигалась. Я поднялъ ее, взялъ сумку и позвалъ ее пойти со мною домой. — Маленькой Ганнѣ совсѣмъ бы не понравилось, что ты изъ-за нея сидишь здѣсь въ такой поздній часъ.

Тогда она пошла со мной. Я сказалъ ей:

— А ты знаешь, что какая-то гадкая дѣвочка украла цвѣты на могилѣ Ганны. Маленькая дѣвочка въ желтомъ платьѣ. Ты ее не видала? Но ужъ мы найдемъ ее!

Она шла спокойно около меня, не отвѣчая мнѣ.

— А, поймали ее! — вдругъ закричалъ могильщикъ. — Вотъ она — воровка!

— Гдѣ?

— Гдѣ? Да вы ее за руку держите.

Я не могъ не улыбнуться.

— Нѣтъ, вы ошибаетесь. Это не воровка. Это сестра той дѣвочки, что похоронили сегодня. Ее зовутъ Элиной, я знаю ее.

Но могильщикъ былъ увѣренъ, что не ошибался. Исторожъ ее призналъ; собственно по красному шраму, который былъ у нея на подбородкѣ. Она украла цвѣты съ могилы своей сестры, и, бѣдняжка, не могла произнести ни слова въ свое оправданіе.

— Теперь, прошу васъ, обратить вниманіе на одно: я давно зналъ этихъ двухъ сестеръ, мы довольно долго жили на одномъ и томъ же жалкомъ заднемъ дворѣ, и онѣ часто играли подъ моимъ окномъ. Онѣ часто ссорились, очень, и дрались тоже, но все же это были милыя дѣти, и онѣ всегда

защищали другъ друга противъ другихъ. Имъ не у кого было этому научиться. Мать ихъ была дурная женщина, которая рѣдко когда бывала дома, а отца—у нихъ у каждой, мнѣ кажется, былъ свой—онѣ не знали. Жили эти дѣти въ тѣсной дырѣ, которая едва ли была больше той могильной плиты, и такъ какъ моя комната приходилась какъ разъ противъ нихъ, я часто стоялъ у окна и заглядывалъ къ нимъ туда. Обыкновенно Ганна брала перевѣсъ, она и была на нѣсколько лѣтъ старше и часто бывала разсудительна какъ взрослая. Она всегда выносила жестяное ведро, когда хотѣла получить нѣсколько кусочковъ хлѣба, а лѣтомъ, когда на дворѣ было жарко, Ганна очень умно придумала прикрѣпить старую газету къ окну, чтобы солнце не палило нее. Я тоже часто слышалъ, что она спрашивала уроки у сестры, прежде чѣмъ та уходила въ школу. Ганна была горбатая, серьезная дѣвочка и недолговѣчная.

— Давайте, обобщайте ее сумку,—сказалъ могильщикъ.

И дѣйствительно, цвѣты нашлись у нея въ сумкѣ. Я даже узналъ два-три своихъ цвѣтка.

Что мнѣ было говорить? А она стояла, маленькая грѣшница, и смотрѣла на насъ очень ожесточенная. Я потрясъ ее и сталъ ее выпрашивать, но она молчала. Тогда могильщикъ заговорилъ о полиціи и повелъ съ собой ребенка.

Наверху, у воротъ, она вдругъ поняла, что должно проізойти, и сказала вдругъ:

— Да куда же мнѣ идти?

Могильщикъ отвѣтилъ:

— Въ полицію!

— Я ихъ не украла,—сказала она.

Она ихъ не украла? Они же были у нея въ сумкѣ, мы же, такъ сказать, это видѣли. Но она робко повторяла, что она ихъ не украла.

Въ воротахъ рукавъ платья зацѣпился за замокъ, и этотъ

худой рукавъ чуть-чуть не былъ вырванъ. Черезъ него проглядывало ея тощее, маленькое плечико.

Отправились въ полицію. Я провожалъ ихъ. Были даны показанія, но, насколько я знаю, съ Элиной ничего больше не сдѣлали. Самъ я ея не видалъ больше, потому что уѣхалъ и отсутствовалъ девять лѣтъ.

Теперь я совсѣмъ иначе взглянулъ на все происшедшее. Мы поступили тогда совсѣмъ не такъ, какъ надо было. Она конечно не украла цвѣтовъ, но даже если бы и украла? Я говорю себѣ, а почему бы нѣтъ! Можно ли было себѣ представить что-нибудь болѣе нелѣпое, чѣмъ то, какъ мы съ ней обошлись? Но никакой судья не могъ насъ за это осудить, мы же только поймали ее и отдали въ руки правосудія. Могу сообщить вамъ, что я вновь увидалъ Элину и могу васъ отвести къ ней!

Онъ помолчалъ.

— Если вы можете понять, что я вамъ расскажу, такъ слушайте!

Вотъ, говорить ребенокъ, когда я умру, то мнѣ навѣрно принесутъ цвѣты, быть можетъ, много цвѣтовъ, потому что учительница конечно пошлетъ букетъ, а фру Бендихе, можетъ быть даже, пошлетъ вѣнокъ.

Эта маленькая больная умна какъ старуха. Она слишкомъ сильно растетъ, чтобы остаться въ живыхъ, а болѣзнь ея съ тѣхъ поръ до необычайности обострила ея умъ. Когда она говоритъ, другая, младшая сестра, молчитъ, и напряженно слушаетъ, старается понять ее. Онѣ живутъ совсѣмъ однѣ, матери никогда не бываетъ дома, и иногда, когда случится, фру Бендихе посылаетъ имъ поѣсть, и онѣ не умираютъ съ голода. Теперь сестры уже не ссорятся больше, уже давно, давно между ними нѣтъ ссоръ, и ихъ прежнія ссоры, прежнихъ временъ, когда онѣ играли, давно забыты.

Но въ цвѣтахъ нѣтъ ничего особеннаго, — продолжаетъ больная,—они вянутъ. А завядшіе цвѣты некрасивы.

на могилѣ. И когда она будетъ мертвой, она все равно ихъ не увидитъ, а тепло отъ нихъ тоже не будетъ. А помнить ли Элина еще тѣ башмаки, которые онѣ однажды видѣли на базарѣ? Они были теплые.

Элина помнила тѣ башмаки. И чтобъ показать своей сестрѣ, какъ она умна, она очень точно описала ей эти башмаки.

Теперь уже не долго до зимы. И въ окно такъ страшно дуло, что умывальная тряпка тамъ, на гвоздѣ, замерзла. А такъ Элина могла получить башмаки.

Сестры посмотрѣли другъ на друга. Элина совсѣмъ не такъ глупа.

Да, она могла взять ея цвѣты и продать ихъ. Она могла это сдѣлать. По воскресеньямъ такъ много гуляетъ народа на улицахъ. Люди часто ѣздятъ за городъ съ цвѣтами въ петличкѣ, часто видно, какъ господа ѣдутъ въ коляскахъ съ однимъ цвѣткомъ въ петличкахъ. Они конечно покупаютъ цвѣты.

Элина спросила, не могла ли бы она купить себѣ шляпочку.

Да, если у нея останутся деньги. А прежде она должна купить себѣ башмаки.

Такъ онѣ сговорились между собой. Никому до этого нѣтъ дѣла, такъ рѣшили дѣти между собой. Элина должна помнить и унести цвѣты въ тотъ же вечеръ, прежде чѣмъ они завянутъ.

— Сколько же лѣтъ могло быть больной?

— Двѣнадцать, тринадцать лѣтъ, я думаю. — Дѣло не всегда въ годахъ. У меня была сестра, которая училась греческому языку, когда совсѣмъ еще была крошкой.

Но Элинѣ не удалось это дѣло. Она не была собственнo наказана. Полиція такъ только, немного ее попугала, и она относительно легко отдѣлалась. Потомъ за нее принялась учительница. Приняться за ребенка, это значитъ вы-

дѣлать его, подвергать его испытаніямъ, слѣдить за нимъ краешкомъ глаза. Элину подзываютъ въ перемены: милая Элина, подожди немножко, мнѣ надо поговорить съ тобой. Затѣмъ ее усовѣщиваютъ, ласково, но твердо, не во время напоминаютъ ей о происшедшемъ, приглашаютъ ее просить у Бога прощенія.

Тогда въ ней что-то надламывается.

Элина распускается, она приходитъ съ неумытымъ лицомъ, забываетъ свои книги дома. Заподозрѣнная, преслѣдуемая пытливыми взглядами, она приобретаетъ въ привычку укрываться отъ взгляда учительницы и избѣгать смотреть людямъ въ глаза. Она привыкаетъ бросать быстрые взгляды украдкой, которые придаютъ ей пугливый видъ. Затѣмъ въ одинъ прекрасный день ее confirмуютъ, и пасторъ говоритъ ей проповѣдь противъ извѣстной заповѣди, весь кварталъ по своему размышляетъ относительно ея будущего. И вотъ она уходитъ изъ квартала, прочь изъ маленькой комнатки. Солнце бросаетъ золотые лучи на городъ, люди разгуливаютъ на улицахъ съ цвѣтами въ петличкахъ, она сама выѣзжаетъ за городъ въ коляскѣ...

Вотъ, сегодня ночью я опять встрѣтился съ нею. Она живетъ тамъ, внизу, она стояла подъ воротами и шопотомъ заговорила со мной. Я не ошибался, я слышалъ этотъ голосъ, и я зналъ красный шрамъ. Господи, но какая она стала полная!

— Подите сюда! Это я!—сказала она.

— Да, это и я тоже,—отвѣтилъ я.—Какая ты большая стала Элина!

— Большая? Что еще за глупости,—ей некогда болтать. Если я не хочу входить, такъ нечего мнѣ тутъ стоять и другихъ смущать.

Я назвалъ свое имя, напомнилъ ей задній дворъ, маленькую Ганну и все, что я зналъ.—Войдемъ лучше и поболтаемъ,—сказалъ я.

Когда мы вошли, она сказала:

— Чѣмъ угостите?

Такая она была.

— Подумайте, если бы Ганна была теперь здѣсь съ нами! Мы бы сидѣли втроемъ и болтали бы о томъ о семъ. Элина захохотала.

— Какой вы вздоръ мелете?—Что вы, въ дѣтство впали?

— А вы развѣ совсѣмъ больше не вспоминаете Ганну?—спросилъ я.

Тогда она принялась яростно плевать.

— Ганна да Ганна, что же я думаю, что она все еще ребенокъ что ли? Все это съ Ганной давно прошло, чего тамъ болтать еще!—Не принести ли чего выпить.

— Да, хорошо.

Она встаетъ и выходитъ.

Кругомъ, въ сосѣднихъ комнатахъ, я слышу голоса, хлопанье пробокъ, ругань, слабые крики. Двери раскрываютъ и закрываютъ, время отъ времени въ корридоръ зовутъ прислужницу, которой приказываютъ что-то.

Элина возвращается. Она хочетъ быть со мной, садится ко мнѣ на колѣни и закуриваетъ папиросу.

— Почему мнѣ не посидѣть у тебя?—спросила она.

— Потому что я не этого отъ васъ хочу,—отвѣтилъ я.

— Ну въ такомъ случаѣ платите за вино и уходите. Я сказалъ:

— Посидите тихонько, и мы немножко поболтаемъ. Я конечно васъ вознагражу за время.

И я далъ ей денегъ; я ихъ не считалъ, но тамъ было довольно много денегъ.

Она тотчасъ же стала покорной и послушной и мило усѣлась. Но разговора у насъ никакого не выходило. Если я ее о чемъ-нибудь спрашивалъ, она проводила время въ томъ, что запѣвала какой-нибудь куплетъ, или закуривала новую папирску, прежде чѣмъ отвѣтить. О старыхъ дняхъ

она ничего не хотѣла слышать. Старый грязный задній дворъ, есть чего вспоминать!—Можетъ быть я ей позволю позвать жену служителя, что тамъ въ корридорѣ, выпить стаканъ вина?

Конечно.

— Я вамъ скажу,—сообщила мнѣ она,—жена его есть просто моя мать. Она жена служителя для насъ, дѣвушекъ. Это я устроила ее на это мѣсто. Она хорошо зарабатываетъ.

Она вынесла стаканъ вина въ корридоръ и вернулась назадъ.

— За твое здоровье, старый товарищъ,—сказала она.

И мы выпили.

Опять она захотѣла сѣсть ко мнѣ на колѣни.

— Развѣ здѣсь въ концѣ концовъ не противно?—спросилъ я.

— Противно? Нѣтъ. Почему мнѣ нельзя у тебя посидѣть?

— Сколько времени вы здѣсь?

— Хорошенько не знаю. Да и все равно. Ну еще за твое здоровье.

Мы выпили. Она пѣла безъ голоса какой-то вздоръ, на кафе-шантанный мотивъ.

— Гдѣ вы этому научились?

— Въ Тиволи.

— Вы часто тамъ бываете?

— Да, когда есть деньги. Но теперь у меня ничего нѣтъ. Хозяйка хотѣла сегодня получить съ меня деньги. Она съ насъ столько беретъ, ей такъ много нужно,—что у насъ ничего не остается.—Не можешь ли ты мнѣ дать еще немножко?

У меня, слава Богу, было немножко, чтобы ей дать.

Она взяла деньги, не благодаря, безъ всякаго чувства, но можетъ быть въ душѣ она и была рада. Она попросила

меня поставить еще бутылку вина. Меня вѣрно надо было хорошенько пообчистить.

Вино принесли.

А теперь она хотѣла похвастаться мною, она хотѣла позвать къ намъ нѣсколько другихъ дѣвушекъ, чтобы угостить ихъ виномъ. Дѣвушки пришли. На нихъ были короткія накрахмаленныя юбки, которыя шумѣли при каждомъ ихъ движеніи. Руки были у нихъ обнаженныя и короткіе волосы.

Элина представила меня, она очень хорошо помнила мое имя. Она рассказывала съ пресыщеніемъ въ тонѣ, что я далъ ей много денегъ, что я старый, добрый другъ ея, что она можетъ просить у меня столько денегъ, сколько пожелаетъ. Это всегда такъ было, потому что я богатъ.

Дѣвушки пили и тоже развеселились, онѣ на перебой говорили невѣроятныя двусмысленности, и попеременно горланили всевозможныя пѣсни. Элина стала ревновать, когда я обращался съ какимъ-нибудь словомъ къ одной изъ нихъ, она становилась ворчливой и непріятной. Но я нарочно говорилъ и съ другими, чтобъ заставить Элину сдѣлаться общительнѣе, потому что мнѣ очень хотѣлось заглянуть въ ея душевное состояніе. Но я ошибся въ расчетъ, она закинула голову и притворилась, что занята чѣмъ-то. Наконецъ она схватила шляпу и кофточку и собралась уходить.

— Вы хотите выйти?—спросилъ я.

Она не отвѣчала, она напѣвала съ надменной миной какую-то мелодію про себя и надѣла шляпу. Вдругъ она открыла дверь въ корридоръ и закричала:

— Гина!

Это была ея мать.

Она пришла, тяжело ступая, шлепая широкими туфлями. Она постучалась, вошла и остановилась у двери.

— Я же тебѣ сказала, чтобы ты каждый день стирала пыль съ комода!—сказала Элина весьма твердо.—Что за

свинство! Ты смотри у меня, не разводи такой грязи, поняла! И фотографии тамъ сзади тоже нужно вытирать каждый день тряпкой!

Мать сказала: „Да“, и хотѣла уйти. Лицо ея было въ безчисленныхъ морщинахъ и щеки ея провалились. Она послушно выслушала дочь и смотрѣла на нее, чтобы не пропустить ни слова.

— Ну смотри, не забывай!—сказала Элина.

Мать отвѣтила: „Ужъ хорошо“, и пошла. Она тихо затворила за собой дверь, чтобы не надѣлать шуму.

Элина стояла одѣтая. Она обратилась ко мнѣ и сказала:

— Ну, теперь лучше всего будетъ вамъ заплатить за вино и уйти.

— Очень благодарны,—сказали дѣвушки и опорожнили свои стаканы.

Я былъ совершенно пораженъ.

— Мнѣ платить за вино?—сказалъ я.— Подождите-ка, я думалъ, что я далъ вамъ деньги на вино? Но можетъ у меня еще есть немного.—Я опять полѣзъ въ карманъ.

Дѣвушки начали смѣяться.

— Ахъ, вонъ его богатство какое! Ты вѣдь отъ него такъ много денегъ получила, Элина, а онъ и за вино не можетъ заплатить! Ха, ха, ха!

Тогда Элина пришла въ ярость.

— Вонъ пошли!—закричала она.— Не хочу я, чтобы вы здѣсь были! У него пропасть деньжищъ! Вотъ, посмотрите, что онъ мнѣ далъ!—И она торжествуя бросила бумажки и серебряныя монеты на столъ.—Онъ за вино заплатилъ и за меня, посмотрите-ка, никогда небось не видали столько денегъ. Я хозяйкѣ за два мѣсяца могу отдать, понимаете! Я это сказала только, чтобы посердить его, подразнить. А теперь вонъ убирайтесь!

И дѣвушкамъ пришлось уйти.

А Элина громко и нервно захохотала, когда она заперла за ними дверь.

— Мнѣ, право, не хотѣлось, чтобы онѣ тутъ были,— сказала она извиняясь.— Онѣ, въ самомъ дѣлѣ, скучныя дѣвки, я съ ними и не вожусь. А ты не нашель, что онѣ скучныя?

— Нѣтъ, я этого не нашель,— отвѣчалъ я, чтобы устыдить ее еще больше.— Онѣ отвѣчаютъ, когда ихъ спрашиваютъ, онѣ рассказываютъ то, что я хотѣлъ узнать, очень милыя дѣвушки.

— Ну, такъ уходи и ты! — закричала мнѣ Элина, — иди къ нимъ, если тебѣ охота. Я тебя не держу.— Для вѣрности она опять положила къ себѣ деньги, которыя она давеча положила на столъ.

— Я вотъ что еще хотѣлъ васъ спросить,— сказалъ я.— Если бъ вы посидѣли спокойно и выслушали меня.

— О чемъ меня спрашивать? — отвѣтила она насмѣшливо.— Какія у насъ съ тобой дѣла? Ты опять это про Ганну хочешь? Мнѣ эти разговоры про Ганну противны. На нихъ не проживешь!

— А вамъ бы не хотѣлось развѣ оставить эту жизнь? — спросилъ я.

Она сдѣлала видъ, какъ будто не слышитъ, она снова начала прибирать въ комнатѣ, и насвистывала, чтобы пріободриться.

— Оставить эту жизнь? — сказала она и внезапно остановилась передо мной.— Къ чему? Куда мнѣ дѣваться? За кого мнѣ замужъ выйти? Кто такую захочетъ, такую какъ я? А въ услуженіе мнѣ идти не хочется.

— Вы бы могли попробовать уѣхать отсюда и начать честную жизнь.

— Чепуха, чепуха, замолчи ты! Что ты, миссіонеромъ сдѣлался, что ли! И зачѣмъ я отсюда пойду? Мнѣ и здѣсь хорошо. Меня здѣсь не обижаютъ. Знаешь что? Велика по-

дать еще бутылку? Но только для насъ двоихъ. Другимъ ничего не давать... Гина! — закричала она въ дверь.

Она заказала вино, пила и дѣлалась все менѣе и менѣе привлекательна. Изъ нея нельзя было вытянуть ни одного разумнаго слова. Она не переставая напѣвала какіе-то отрывки кабацкихъ пѣсенъ, сидѣла, размышляя о чемъ-то. Затѣмъ опять пила и поведеніе ея стало прямо противнымъ. Она все хотѣла сѣсть ко мнѣ на колѣни, показывала языкъ и говорила: — Вотъ посмотри! — Наконецъ она прямо спросила:

— Останешься ночевать?

— Нѣтъ, — отвѣтилъ я.

— Тогда я пойду, — сказала она.

Разсказчикъ умолкъ.

— Ну, — спросилъ я.

— Что бы вы сдѣлали, если бы переди вамъ былъ такой выборъ? Вы бы остались или ушли? Видите, вотъ въ чемъ вопросъ. Знаете, на что я рѣшился?

Онъ посмотрѣлъ на меня.

— Я остался, — оскзалъ онъ.

— Вы остались? — спросилъ я зѣвая... Всю ночь у этой дѣвушки?

— Я дрянной человѣкъ, — сказалъ онъ.

— Но, ради Бога, что же вы тогда думали? Вы были пьяны?

— И пьянъ тоже. Подъ конецъ. Но прежде всего я не менѣе жалокъ и противенъ, чѣмъ другіе люди, вотъ въ чемъ дѣло. Она была дѣвушка, исторію которой я зналъ. Для меня было такое наслажденіе быть необузданнымъ. Можете вы это понять? Такъ я и остался. И въ какое море необузданности мы погрузились!

Этотъ отвратительный циникъ покачалъ головой самъ на себя.

— А теперь я опять пойду къ ней, — продолжалъ онъ. —

Можетъ быть что-нибудь еще и можно сдѣлать! Гм! Вы думаете, я на это годенъ? Но все же, можетъ быть, я не такъ дуренъ, какъ вы думаете. Вы думаете объ этой исторіи съ ночевкой. Подумайте, не остался бы я, пришелъ бы другой, и при такой замѣнѣ очевидно она бы потеряла. Если бы она могла выбирать, я думаю она безошибочно выбрала бы меня. Я снисходителенъ и деликатенъ, и я не забываю также минутку противиться ей. Но странно то, что какъ разъ эта черта ее плѣняла во мнѣ. Это она сама сказала: — Ты такъ красиво противишься мнѣ, — сказала она. — Что подѣлаешь съ такой дѣвушкой? И затѣмъ, надо имѣть въ виду, что она погибла исключительно изъ-за цвѣтовъ. Это было начало. Если бъ было позволено рвать цвѣты на могилахъ, она была бы теперь приличной дѣвушкой. Но мы тогда поймали ее, и я этому помогалъ! И я этому помогалъ!

Онъ снова покачалъ головой и погрузился въ свою думу.

Наконецъ онъ очнулся, какъ будто ото сна.

— Я навѣрно васъ задержалъ. Я и самъ чувствую, что усталъ. Вы имѣете представленіе о томъ, который теперь часъ?

Я хотѣлъ вынуть свои часы. Ихъ со мной не было, я забылъ ихъ дома.

— Благодарю, это и безразлично, — сказалъ онъ и всталъ, вытянувъ ноги, и поправилъ свои панталоны. — Посмотрите, вонъ возвращается та знатная дама, трауръ оконченъ, дѣвочка не несетъ больше цвѣтовъ. Цвѣты опять лежатъ тамъ, внизу, розы и камеліи; черезъ четыре дня они завянутъ. Если какая-нибудь маленькая дѣвочка присвоить себѣ эти цвѣты, чтобы купить себѣ на нихъ башмаки, то я думаю, это не будетъ грѣшно.

Теперь человѣкъ этотъ посмотрѣлъ на меня цѣлую ми-

нуту, подошелъ ко мнѣ совсѣмъ близко и разразился сдержаннымъ смѣхомъ.

— Видите ли, такія исторіи надо рассказывать, — сказалъ онъ. Для нихъ всегда найдутся слушатели. Очень благодаренъ, почтеннѣйшій слушатель.

Онъ снялъ шляпу, поклонился и ушелъ.

Я остался какъ бы одураченный. Онъ во мнѣ разомъ произвелъ путаницу и совершенно затуманилъ мой ясный разсудокъ. Этакая свинья! Онъ провелъ ночь у той дѣвушки? Проклятая выдумка! Онъ издѣвался надо мной, его потрясающій разсказъ была выдумка съ начала до конца. Но кто былъ этотъ архишельма? Если я его еще разъ встрѣчу, увидить онъ! Быть можетъ онъ прочелъ эту исторію гдѣ-нибудь и заучилъ ее наизусть, она была не изъ плохихъ, у молодчика былъ талантъ. Ха, ха, ха! Богъ знаетъ, поводилъ онъ меня за носъ!

Я въ большомъ замѣшательствѣ вернулся домой. Сталъ искать свои часы. Ихъ не было на столѣ. Я ударилъ себя по лбу: мои часы были украдены! Конечно, онъ укралъ мои часы, когда онъ сидѣлъ возлѣ меня. Хо-хо! Вотъ не годяй!

Теперь у меня было два выхода. Я могъ заявить и черезъ нѣсколько дней получить свои часы обратно изъ какой-нибудь ссудной кассы. Тогда бы, также, тотчасъ поймали и вора. Или я могъ промолчать. Это былъ второй выходъ.

Я промолчалъ.

О Г Л А В Л Е Н І Е

	Стр.
Рабы любви	9
Побѣдитель	26
Захей	35

Пережитыя малости.

I. Страхъ	50
II. Уличная революція	56
III. Привидѣніе	65
IV. Въ преріи	73
V. Лекція	83
Отецъ и сынъ. Исторія игрока	106
Голодь жизни	134
Захолустная жизнь	140
Архишельма	162

~~~~~